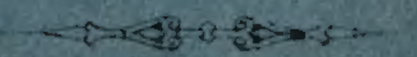
МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

ОСНОВАТЕЛЯ АЛТАЙСКОЙ МИССІИ

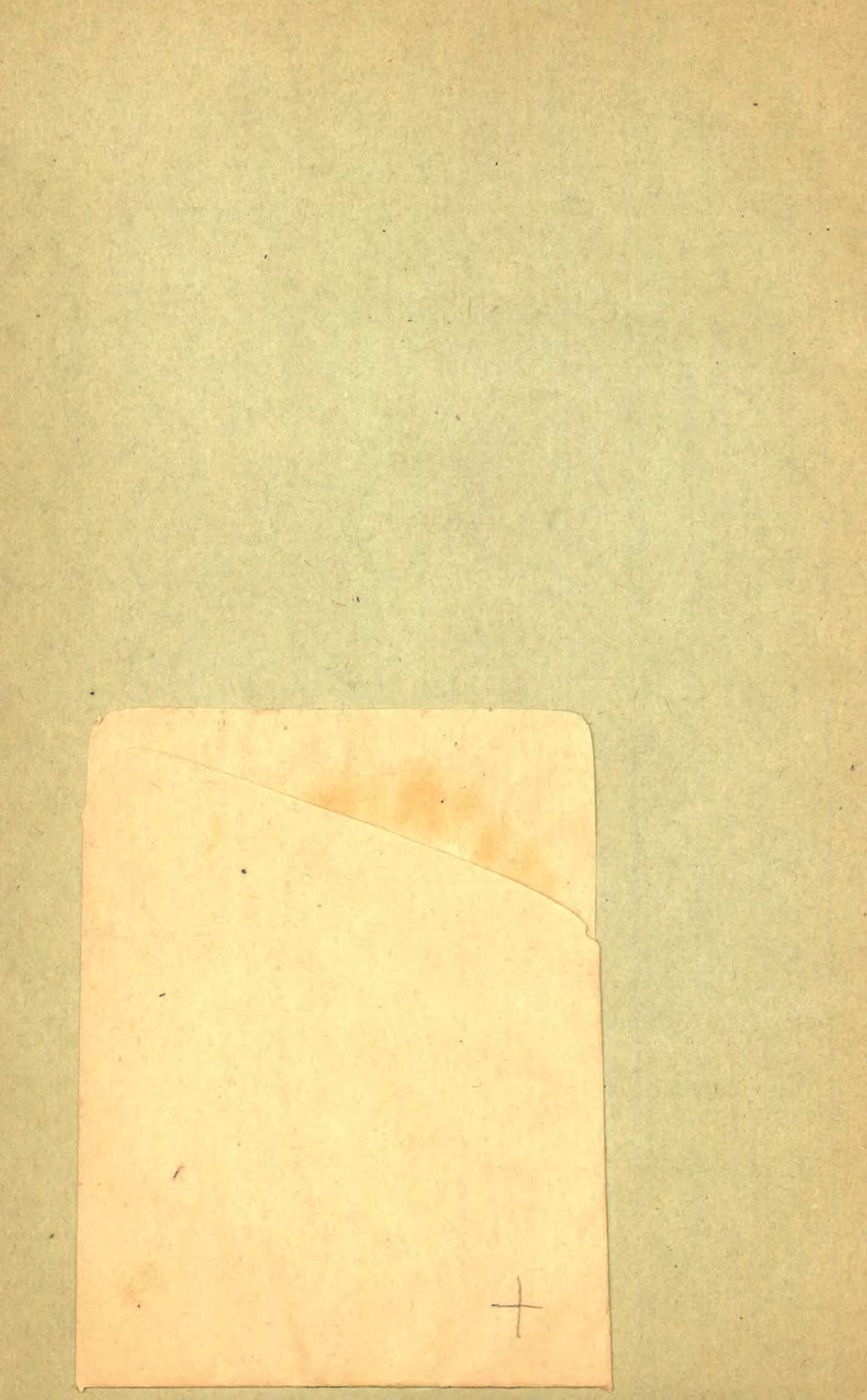
АРХИМАНДРИТА МАКАРІЯ.

Д. Д. Фил—нова.

МОСКВА.

1888

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

ОСНОВАТЕЛЯ АЛТАЙСКОЙ МИССІИ

АРХИМАНДРИТА МАКАРІЯ.

Д. Д. Фил—нова.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстн. бульв.
1888.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется. Москва. Сентября 17-го 1888 года.

Цензоръ *свящ. Іоаннъ Петропавловскій.*

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ ОСНОВАТЕЛЯ АЛТАЙСКОЙ МИССІИ, АРХИМАНДРИТА МАКАРІЯ (М. Я. ГЛУХАРЕВА).

Feci quod potui, faciant meliora potentes.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія въ городѣ Вязьмѣ, Смоленской губерніи, большимъ почетомъ пользовался священникъ отецъ Іаковъ Глухаревъ. Сначала онъ служилъ въ приходской Богоявленской церкви, потомъ въ Введенской соборной. Поставленъ онъ былъ изъ студентовъ по окончаніи имъ полнаго семинарскаго курса, что уже само по себѣ было рѣдкостью въ то крайне неразборчивое въ этомъ отношеніи время. Тогда не затруднялись въ выборѣ священниковъ и зачастую ставили не только изъ недоучившихся семинаристовъ, но и изъ малограмотныхъ причетниковъ. Кромѣ почтенія, которое внушалъ къ себѣ о. Іаковъ, какъ поставленный изъ ученыхъ, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ за то, что очень усердно исполнялъ пастырскія обязанности, не упускалъ случая обращаться къ прихожанамъ съ поученіями и проповѣдями и кромѣ того самъ съ женою своею Агапіею служилъ примѣромъ скромной и благочестивой христіанской семейной жизни. О. Іакова и мать Агапію такъ любили вязьмитяне, что и по смерти обоихъ добрая память о нихъ долго жила и хранилась въ Вязьмѣ и ея окрестностяхъ.

Какъ была велика семья ихъ, свѣдѣній нѣтъ. Намъ извѣстны

только два сына ихъ: Михаилъ и Алексѣй, изъ которыхъ первый пріобрѣлъ почетную извѣстность и значеніе въ нашей отечественной церкви, какъ основатель и учредитель алтайской миссіи и какъ переводчикъ Библіи; о второмъ же мы знаемъ только, что онъ былъ священникомъ въ томъ же городѣ Вязьмѣ, но по кончинѣ жены своей долго и не безъ приключеній странствовалъ, пока не поступилъ въ Кіевскую лавру, гдѣ и кончилъ жизнь іеросхимонахомъ въ дальнихъ пещерахъ.

Матеріаловъ для полной оцѣнки дѣятельности М. Я. Глухарева было бы достаточно, но къ сожалѣнію не всѣ они предоставлены гласности, а что явилось въ печати разбросано въ разное время по разнымъ изданіямъ, при чемъ издатели позволяли себѣ сообразно своимъ личнымъ взглядамъ измѣнять, урѣзывать и сокращать и дойти даже до исправленія текста дневника, имъ самимъ веденнаго, что вызвало разнорѣчіе въ описаніи нѣкоторыхъ фактовъ и путаницу въ числахъ. Свѣдѣнія о немъ были бы гораздо полнѣе и цѣннѣе, еслибы въ печати явились во всей полнотѣ и цѣлости: а) его дневникъ, который онъ велъ на Алтаѣ и представлялъ преосвященному, какъ отчетъ о дѣятельности миссіи; б) воспоминанія о жизни его, начиная съ 10-лѣтняго возраста, написанныя имъ, какъ исповѣдь, для настоятеля Глинской пустыни, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время, и в) записки его келейника А. А. Орлова, отставнаго унтеръ-офицера и Георгіевскаго кавалера (впослѣдствіи Болховской Оптиной пустыни іеросхимонаха Макарія), который простымъ безъискусственнымъ языкомъ описалъ, какъ умѣлъ, дѣятельность о. Макарія какъ начальника Алтайской миссіи, и какъ настоятеля Болховской пустыни, до самой кончины его. Къ сожалѣнію воспоминанія архимандрита Макарія и записки его келейника А. Орлова остаются неизданными, потому будто бы, что изданіе ихъ считается еще несвоевременнымъ, въ чемъ мы позволяемъ себѣ усумниться, такъ какъ со времени кончины о. Макарія прошло уже почти полвѣка. Время уходитъ, и эти-то весьма цѣнные матеріалы могутъ исчезнуть [1]). Мы взяли на себя собрать и указать по крайней мѣрѣ то, что имѣется въ настоящее время. И то немногое,

[1]) Они, какъ слышно, едва и не сгорѣли во время пожара, бывшаго весной нынѣшняго года въ домѣ начальника Алтайской миссіи.

что явилось въ печати, уже достаточно свидѣтельствуетъ о значеніи этой замѣчательной свѣтлой личности.

Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ родился 8 ноября 1792 года, въ день Архистратига Михаила. Первоначальнымъ воспитаніемъ и образованіемъ онъ обязанъ единственно своимъ родителямъ; эти-то начатки воспитанія въ благочестивомъ родительскомъ домѣ и дали его дѣятельности то направленіе, которому онъ неуклонно и неизмѣнно слѣдовалъ въ теченіе всей своей жизни. Отъ отца своего онъ вѣроятно унаслѣдовалъ и развившіяся впослѣдствіи любовь и ревность къ проповѣди, отъ матери, отличавшейся такъ же строгой безукоризненной нравственностью,— кротость и смиреніе. Въ родительскомъ домѣ талантливый мальчикъ дѣлалъ подъ руководствомъ отца такіе успѣхи, что уже съ семи лѣтъ могъ заниматься переводами съ русскаго языка на латинскій. Воспользовавшись способностями своего сына, о. Іаковъ сумѣлъ такъ хорошо подготовить его, что при помѣщеніи въ духовное училище Михаилъ Глухаревъ былъ принятъ прямо въ третій классъ. Тутъ впервые мальчику, получившему въ родительскомъ домѣ нѣжное воспитаніе, пришлось съ ранняго возраста знакомиться и свыкаться съ тяжелой и трудовой жизнью и разнаго рода лишеніями и огорченіями. До Предтеченскаго монастыря, въ которомъ помѣщалось училище, было довольно далеко отъ дома о. Іакова, и сыну его Михаилу приходилось поневолѣ проводить цѣлые дни съ утра до вечера въ училищѣ. Возвращаться домой, чтобъ только пообѣдать, и затѣмъ опять бѣжать въ школу было затруднительно. Вотъ онъ и долженъ былъ довольствоваться до вечера захваченнымъ съ собою утромъ изъ родительскаго дома скромнымъ завтракомъ, т.-е. хлѣбомъ, картофелемъ или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Самый образъ школьнаго воспитанія въ духовныхъ училищахъ, суровый и доходившій тогда до непонятной въ наше время жестокости въ обращеніи съ дѣтьми, отозвался то же на неособенно крѣпкомъ здоровьѣ впечатлительнаго мальчика, пріобыкшаго дома къ совершенно противоположному обращенію. Несмотря на то, что онъ учился прилежно и благодаря своимъ способностямъ очень успѣшно, все-таки разъ какъ-то случилось, что мальчикъ не успѣлъ выучить всего заданнаго большаго урока и сердитый учитель вышелъ изъ себя и пригрозилъ ему: „по-

слушай! если ты опять не выучишь урока, я спорю тебѣ всю кожу отъ шеи до пятъ“ [2]). Нѣжный восьмилѣтній ребенокъ былъ такъ напуганъ этой дикой выходкой учителя, что возвращаясь вечеромъ домой, озабоченный мыслію, что его оплошность огорчитъ родителей, проплакалъ всю дорогу и не поберегся отъ простуды, а случилось это зимой. Бѣдный мальчикъ занемогъ и едва не умеръ, прохворавъ съ полгода. Слѣды этой болѣзни: слабость груди и утрата прежней силы голоса остались навсегда. Изъ вяземскаго училища Михаилъ Глухаревъ за отличные успѣхи былъ переведенъ въ смоленскую семинарію, гдѣ съ такими же успѣхами, послѣ нѣкотораго перерыва занятій, во время нашествія Наполеона, кончилъ въ 1813 году полный курсъ, съ званіемъ студента. По окончаніи семинарскаго курса Михаилъ Глухаревъ былъ опредѣленъ учителемъ въ смоленское духовное училище, гдѣ пробылъ недолго; въ слѣдующемъ же 1814 году, для составленія 2-го курса вновь открытой с.-петербургской духовной академіи, были вытребованы изъ семинарій лучшіе воспитанники. Начальство смоленской семинаріи распорядилось отправить въ академію Михаила Глухарева. Онъ скоро обратилъ на себя вниманіе какъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ, самыхъ талантливыхъ студентовъ [3]) и какъ отличавшійся еще не зауряднымъ, особенно между студентами того времени, пріятнымъ свѣтскимъ обхожденіемъ и благовоспитанностію. Послѣднія качества пріобрѣлъ онъ, благодаря своей воспріимчивости, вращаясь, во время помянутаго перерыва въ семинаріи занятій, въ дворянской средѣ. Когда армія Наполеона подходила къ Смоленску, то многіе жители Смоленска бѣжали. Въ эту пору Михаилъ Яковлевичъ уѣхалъ въ Тверскую губернію, куда былъ приглашенъ къ одному богатому помѣщику учить дѣтей: въ домѣ-то этого помѣщика онъ и пріобрѣлъ то знаніе свѣтскихъ приличій и умѣнье держаться и въ высшемъ обществѣ, которыми отличался

---

[2]) «Странникъ» 1861 г., май.

[3]) Въ библіотекѣ московской духовной академіи хранятся его юношескія сочиненія на заданныя темы; не говоря объ интересѣ, который они возбуждаютъ своимъ содержаніемъ, они уже по однимъ отмѣткамъ рукою такого строгаго цѣнителя, какимъ былъ ректоръ Филаретъ: «прекрасно», «превосходно», что повторяется очень часто, указываютъ на талантливость автора.

отъ прочихъ товарищей; но впослѣдствіи въ домѣ же этого помѣщика, проживавшаго по зимамъ въ Петербургѣ и приглашавшаго Михаила Яковлевича къ себѣ какъ стараго знакомаго, онъ едва не подпалъ подъ вліяніе мистиковъ. Извѣстно, что тогда мистицизмъ былъ въ большомъ ходу и сочиненія Сведенборга, Эккартсгаузена, Бема, Гіонъ и тому подобныя—въ модѣ. Знакомство съ сочиненіемъ Арндта считалось даже обязательнымъ для студентовъ академіи. Франкмасонскія ложи тогда у насъ то же процвѣтали. Какъ было не заманить умнаго и талантливаго студента въ свои кружки, не сдѣлать его своимъ адептомъ? И вотъ студента Глухарева затащили даже на радѣніе Татариновой. Онъ однако, предостерегаемый постоянно письмами отца и матери, которая, какъ умная и образованная женщина, продолжала тоже слѣдить за нимъ, остерегся и не пошелъ далѣе комнаты, сосѣдней съ главной, въ которой должно было состояться собраніе, т.-е. радѣніе. Его оставили въ покоѣ. Изъ этой-то передней комнаты онъ видѣлъ, какъ съѣзжавшіеся члены общества, переодѣвшись въ длинные бѣлые балахоны и прикрывши лица башлыками или капюшонами, появлялись въ залѣ и тихо и чинно шествовали одинъ за однимъ вокругъ стѣнъ зала; какъ потомъ ихъ медленное движеніе становилось оживленнѣе, быстрѣе и наконецъ перешло въ такое дикое, бѣшеное, что ему показалось, что они стали отдѣляться отъ пола и точно не касаясь его ногами—кружиться; онъ до того перепугался, что убѣжалъ, что называется безъ оглядки, и явился домой даже безъ шляпы, которую въ испугѣ забылъ захватить. Случай этотъ не остался безъ вліянія на студента Глухарева. Излишняя довѣрчивость его, какъ молодаго человѣка, уступила болѣе зрѣлому взгляду на людей. Онъ сталъ въ отношеніяхъ своихъ къ нимъ осторожнѣе, сдержаннѣе. Часто въ академическихъ кондуитныхъ спискахъ стали появляться отмѣтки о немъ: „молчаливъ“. Ректоръ духовной академіи архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій) полюбилъ студента Глухарева за трудолюбіе, отличные успѣхи во всѣхъ предметахъ и даже по изученію исторіи и языковъ, которыми не особенно интересовались въ то время въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства, а больше всего конечно за его благочестіе и добрую нравственность. Но любя и отличая его своимъ постояннымъ вниманіемъ и расположеніемъ,

Филаретъ не баловалъ его, а относился къ нему довольно строго и велъ его, какъ говорилъ впослѣдствія самъ о. Макарій „стропотными путями“, подвергая его терпѣніе испытанію и развивая въ немъ присущія ему съ дѣтства кротость и смиреніе. Несмотря на нѣкоторую суровость и жесткость отношеній ректора Филарета, студентъ Глухаревъ понималъ и цѣнилъ своего наставника и руководителя, считая его своимъ благодѣтелемъ и такъ искренно любилъ, такъ безпредѣльно уважалъ его, что безпрекословно подчинялся его вліянію. Михаилъ Яковлевичъ говорилъ впослѣдствіи: „я отдалъ свою волю вполнѣ преосвященнѣйшему Филарету, ничего не дѣлалъ и не начиналъ безъ его совѣта и благословенія и почти ежедневно исповѣдывалъ ему свои помыслы“. Чувства эти онъ хранилъ до конца жизни, и митрополитъ Филаретъ, полюбивъ студента Глухарева, сохранилъ навсегда привязанность къ своему ученику и не разъ впослѣдствіи выручалъ и ограждалъ его отъ опасностей, которымъ онъ подвергался, благодаря необыкновенной пылкости и энергичности своего характера. Это свидѣтельствуетъ и постоянная взаимная переписка ихъ и тотъ фактъ, что когда митрополитъ получилъ извѣстіе объ опасной болѣзни о. Макарія, бывшаго уже настоятелемъ Болховскаго монастыря, немедленно отправилъ къ нему изъ Москвы своего домашняго врача и былъ очень огорченъ, когда узналъ, что о. Макарій скончался. Услыхавъ потомъ, что Дмитріеву-Мамонову удалось сдѣлать карандашемъ портретъ о. Макарія, митрополитъ озаботился пріобрѣсти экземпляръ для себя, велѣлъ вставить въ рамку и повѣсить въ своемъ кабинетѣ.

Новый магистръ М. Я. Глухаревъ не былъ оставленъ при академіи, а былъ опредѣленъ прямо инспекторомъ въ екатеринославскую семинарію и ректоромъ тамошнихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ. Такое назначеніе для молодаго человѣка, только что кончившаго курсъ, было конечно лестно и обѣщало многое впереди; но если ректоръ Филаретъ, полюбивъ студента Глухарева, считалъ нужнымъ вести его „стропотными путями“, то этимъ лестнымъ для молодаго человѣка назначеніемъ духовное начальство вывело его, въ самомъ началѣ его служебной дѣятельности, еще на болѣе горшій путь. Въ Екатеринославѣ въ то время въ духовныхъ училищахъ царствовала крайняя безъурядица, а преосвященный Іовъ Потемкинъ, передъ которымъ,

благодаря его дружескимъ связямъ съ всесильнымъ въ то время княземъ А. Н. Голицынымъ, преклонялась вся губернія, былъ не изъ тѣхъ лицъ, подъ начальствомъ которыхъ было бы пріятно. Отправляя магистра Глухарева въ Екатеринославъ, въ пору преобразованій духовныхъ училищъ, имѣли можетъ-быть въ виду пользу, которую онъ могъ принесть тамъ при введеніи новыхъ порядковъ; но упустили изъ виду, что уничтожить или передѣлать старую закваску было не подъ силу одному молодому человѣку, хотя бы такому энергичному человѣку, какимъ былъ Михаилъ Яковлевичъ, тѣмъ болѣе, что и роль его въ этихъ преобразованіяхъ была, по характеру занимаемой имъ должности, далеко не первостепенная и не самостоятельная. Если и главныя начальствующія лица встрѣчали и встрѣчаютъ иногда препятствія въ осуществленіи благихъ намѣреній и распоряженій, то гдѣ же было съ успѣхомъ бороться юному новичку инспектору? Вступивъ въ должность, при открытіи семинаріи въ преобразованномъ видѣ, онъ произнесъ по этому случаю рѣчь, которая почему-то была вытребована въ Петербургъ, въ коммиссію духовныхъ училищъ. Копіи съ этой рѣчи къ сожалѣнію не удалось найти въ дѣлахъ семинаріи. Затѣмъ Михаилъ Яковлевичъ скоро убѣдился, что преобразованіе духовныхъ училищъ нисколько не улучшило положенія ни учащихъ, получавшихъ крайне скудное, почти нищенское содержаніе, ни учащихся, которые по прежнему были разбросаны по квартирамъ въ довольно большомъ городѣ, что представляло не мало затрудненій для наблюденія за воспитанниками. „Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости“ (1878 г. № 8), основываясь на данныхъ, почерпнутыхъ изъ архивовъ екатеринославской семинаріи и консисторіи, указываютъ какъ на несомнѣнный фактъ: „что тогдашніе начальники семинаріи своимъ личнымъ отношеніемъ и своими распоряженіями какъ будто нарочно старались держать въ черномъ тѣлѣ подчиненную имъ учительскую корпорацію“.

Коммиссія духовныхъ училищъ, признавая конечно недостаточность жалованья назначеннаго преподавателямъ, разрѣшила имъ частныя занятія и дозволила даже совмѣстно съ преподавательской должностію занимать и другія; семинарское же начальство находило это вреднымъ. Несмотря на то однако, что само семинарское начальство считало это вреднымъ, само оно

все-таки пользовалось разрѣшеніемъ коммиссіи духовныхъ училищъ, но руководствовалось притомъ своими личными соображеніями и дѣйствовало совершенно произвольно, то-есть, однимъ преподавателямъ разрѣшало эти занятія, другимъ—нѣтъ. Нищенское положеніе учителей вело къ безнравственнымъ и унизительнымъ отношеніямъ ихъ и къ своему начальству и къ родителямъ учениковъ. Всякаго рода дары и подарки не считались грѣхомъ. Вотъ среда, въ которую попалъ магистръ Глухаревъ. Что же могъ онъ сдѣлать, при всемъ желаніи своемъ принести пользу, когда самъ состоялъ въ зависимости отъ начальства, да еще враждебно къ нему относившагося? Ну, и оставалось ему дѣйствовать самостоятельно только въ тѣсномъ кругу его собственныхъ обязанностей. Строгій къ себѣ, онъ былъ строгъ и взыскателенъ, какъ начальникъ и наставникъ, по отношенію къ воспитанникамъ. Занимаясь преподаваніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, именно: церковной исторіи и нѣмецкаго языка, онъ требовалъ отъ учениковъ постояннаго вниманія и отчетливаго знанія; но несмотря на это, ученики его очень любили, потому что онъ былъ справедливъ и нелицепріятенъ и относился къ нимъ какъ отецъ родной. Испытавъ въ дѣтствѣ на самомъ себѣ послѣдствія суроваго обращенія учителя, онъ ставилъ бывшій съ нимъ случай, на который мы выше указали, въ примѣръ, какъ долженъ быть учитель осторожень и въ словахъ и въ обращеніи съ дѣтьми, и самъ остерегался оскорблять нѣжныя чувства дѣтскаго возраста.

Тѣхъ учениковъ, которые усерднѣе занимались и лучше учились, отличалъ и поощрялъ: приглашалъ къ себѣ на домъ, бесѣдовалъ съ ними и давалъ имъ изъ своей библіотеки книги для чтенія, стараясь всѣми средствами направлять воспитанникввъ на путь добра. Довольствуясь скуднымъ содержаніемъ, онъ никогда не принималъ отъ родителей или родственниковъ своихъ учениковъ подарковъ, которые приносились по укоренившемуся обычаю, а отсылалъ ихъ полностію въ бурсу, въ пользу воспитанниковъ, содержаніе которыхъ въ то время было очень бѣдно и скудно. Что было по сердцу ученикамъ и родителямъ, то не приходилось по сердцу сослуживцамъ Михаила Яковлевича. За исключеніемъ немногихъ, его не долюбливали особенно ректоръ и одинъ изъ наставниковъ семинаріи,—именно профессоръ фи-

лософіи; эти отличались явной неприязнью къ нему и никогда не упускали случая вредить ему. Поводомъ къ этому была конечно зависть и мелкое самолюбіе. Едва только кончившій курсъ студентъ, и почти что юноша, назначенъ инспекторомъ; вводитъ новые порядки, отвергая старые установившіеся обычаи и особенно такіе, которые даютъ доходцы. Велъ онъ жизнь самую скромную и уединенную, какъ строгій монахъ. Дѣла было у него по всѣмъ тремъ должностямъ много, а свободное отъ служебныхъ занятій время онъ посвящалъ ученымъ трудамъ, просиживая за ними нерѣдко ночи. Confessiones Augustini были въ то время его любимымъ занятіемъ. Въ первое время по пріѣздѣ его въ Екатеринославъ, многіе пытались заводить съ нимъ знакомство, приглашали его на вечера, предлагали женитьбу и пріискали даже невѣсту; но онъ скоро бросилъ всѣ эти знакомства, потому что въ обществѣ и особенно женскомъ ощущалъ скуку и душевную пустоту. Искреннія связи поддерживалъ онъ изъ своихъ сослуживцевъ только съ соборнымъ священникомъ о. Іоанномъ Герболинскимъ, въ домѣ котораго и пріютился, перебравшись къ нему изъ своей инспекторской холодной и сырой квартиры, въ ветхомъ семинарскомъ зданіи. У о. Герболинскаго онъ сошелся еще съ о. А. С. Понятовскимъ и о. Каллиникомъ; только эти три личности да еще духовникъ его о. Ливерій и служили ему утѣшеніемъ и поддержкой при всѣхъ непріятностяхъ, которыя ему приходилось выносить по службѣ. Особенно дорогъ былъ ему о. Каллиникъ, ставшій потомъ, по отбытіи о. Ливерія на покой, его духовникомъ. Воспоминая о немъ въ бытность свою на Алтаѣ, о. Макарій писалъ къ Е. М. З. „И вотъ мнѣ представляется въ воспоминаніи духовный отецъ мой въ Господѣ, нелицемѣрный рабъ Христовъ, священникъ, служившій въ Екатеринославѣ, о. Каллиникъ, мужъ апостольскаго достоинства, исполненный смиренія, любви и терпѣнія, крестоносецъ, котораго жизнь была Христово благоуханіе, и который среди всѣхъ искушеній, пребывъ вѣрнымъ до смерти, получилъ, какъ и вѣрую и надѣюсь, вѣнецъ побѣды и славы, и вошелъ въ радость Господа своего“ [4]). Выполняя съ строгою послѣдовательностью свои обязанности наставника, Михаилъ Яковлевичъ относился

---

[4]) «Странникъ», августъ 18861 г.

постоянно и къ прочимъ своимъ служебнымъ обязанностямъ по должности съ такою же строго-непоколебимою и неподкупною честностью и правдивостью, не смотря на то, что эта безкорыстная любовь къ правдѣ иногда возбуждала поводъ къ непріятнымъ столкновеніямъ и съ самимъ преосвященнымъ Іовомъ екатеринославскимъ. По характеру своему преосвященный Іовъ былъ личность совершенно своеобразная и до сихъ поръ неразгаданная, непонятная. Одни считали его личностію глубоко-нравственною, духовною, достойною уваженія, другіе осуждали его. Преосвященный Іовъ приходился племянникомъ Г. А. Потемкину и перешелъ въ монашество изъ службы военной. Онъ былъ трезвымъ и строгимъ монахомъ, часто служилъ самъ, неменѣе четырехъ разъ въ недѣлю, именно: каждую среду, пятницу, субботу и воскресенье. Служеніе его отличалось благолѣпіемъ и точностію, а какъ онъ требовалъ, чтобъ все читалось медленно и внятно, то и обѣдня длилась около 4-хъ часовъ. При строгой монастырской жизни, онъ умѣлъ сохранить общительность и свѣтское обращеніе. О. І. Герболинскій, служившій при немъ 8 лѣтъ, такъ описываетъ его: „видъ и взглядъ его былъ суровъ, глаза затемнялись густыми черными бровями; голосъ былъ сильныя и рѣзкій, характеръ отъ природы чрезвычайно горячій и вспыльчивый, а потому, при малѣйшей неисправности или сопротивленіи ему, онъ выходилъ изъ себя и дѣлалъ поступки самые неприличные не смотря ни на какое время и мѣсто“ [5]). Вѣрнѣе всего недобрые отзывы о. преосвященомъ Іовѣ слѣдуетъ приписать невольнымъ выходкамъ его вспыльчиваго и раздражительнаго характера, при той приниженности, при томъ заискиваніи не только со стороны лицъ, которыя его окружали, и отъ него зависѣли, но и вообще со стороны раболѣпствовавшаго предъ нимъ екатеринославскаго общества. Сильный по своимъ дружескимъ связямъ съ временщикомъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, онъ не всегда былъ расположенъ удовлетворять просьбамъ разныхъ искателей мѣстъ, наградъ и милостей, что могло служить поводомъ къ тому, что его многіе не долюбливали, а боялись всѣ. Мы склонны скорѣе вѣрить отзывамъ о немъ такой правдивой

---

[5]) «Странникъ» 1861 г. май.

личности, какимъ былъ всегда о. Макарій, который хотя и немало вынесъ отъ него непріятностей и даже несправедливостей, но питалъ къ нему большое уваженіе. Несправедливыя выходки преосвященнаго Іова о. Макарій приписываетъ науськиванію близкихъ къ преосвящ. Іову лицъ, которыя успѣли вкрасться къ нему въ довѣренность и овладѣть имъ, а въ суровыхъ выходкахъ преосвящ. Іова о. Макарій находилъ добрую цѣль. Вспоминая о немъ, онъ говорилъ: „такъ преосвящ. Іовъ выжималъ изъ меня всякую сырь—все, что казалось ему недовольно чистымъ“. Письма о. Макарія (1860 г. ч. I, стр. 160—65) указываютъ на то, что онъ любилъ преосвящ. Іова, несмотря на всю жесткость отношеній къ нему преосвященнаго. Въ воспоминаніяхъ своихъ, о которыхъ мы упомянули въ началѣ, и которыя были написаны о. Макаріемъ, какъ исповѣдь о. Филарету, настоятелю Глинской пустыни, о. Макарій очень подробно описалъ преосвящ. Іова. Изъ этихъ записокъ о. Макарія, Д. Т. Мизко извлекъ все что касалось преосвящ. Іова и издалъ какъ его жизнеописаніе отдѣльной книжкой. Здѣсь намъ опять приходится повторить сожалѣніе о томъ, что записки о. Макарія хранятся до сихъ поръ подъ спудомъ и не издаются будто бы потому, что это еще несвоевременно. Записки эти весьма цѣнный историческій матеріалъ для того времени, когда жилъ и дѣйствовалъ о. Макарій, и матеріалъ тѣмъ болѣе цѣнный, что о. Макарій отличался постоянно любовію къ правдѣ, а записки его сверхъ того были еще его исповѣдью. Первымъ поводомъ къ столкновенію молодаго инспектора Глухарева съ преосв. Іовомъ послужилъ годовой отчетъ; по этому отчету семинарской суммы должно было оставаться къ слѣдующему году пятнадцать тысячъ рублей, которые и должны были по прежде заведенному порядку храниться вмѣстѣ со штатной архіерейской суммой въ домовой ризницѣ архіерея. Оправдательнаго документа не было на лицо, и объ остаточныхъ деньгахъ надо было справиться у самого преосвященнаго. Ректоръ, экономъ и секретарь подписали отчетъ безъ справки; но Михаилъ Яковлевичъ подписать отчетъ отказался и потребовалъ предварительно или провѣрку суммы или представленія документа на ея израсходованіе. Преосвящ. Іовъ, которому объ этомъ было донесено, позвалъ инспектора къ себѣ и грубо крикнулъ ему: „какъ! Ты не вѣришь мнѣ“? на что Михаилъ Яковлевичъ съ своей

обычной скромностью кротко отвѣтилъ: „выше высокопреосвященство! какъ архипастырю я вамъ вѣрю, какъ человѣку — не вѣрю; вы можете умереть.“ Какъ ни сердился просвящ. Іовъ, но долженъ былъ уступить справедливому требованію и внесть всю недостававшую сумму въ семинарское правленіе, послѣ чего и Михаилъ Яковлевичъ подписалъ отчетъ. Не смотря на это обстоятельство, а можетъ-быть и благодаря ему, преосвящ. Іовъ, сознавая достоинства Михаила Яковлевича и цѣня его пожелалъ привлечь его къ себѣ. Еще будучи въ академіи студентъ Глухаревъ, подъ вліяніемъ ли ректора Филарета или личной склонности къ духовной жизни, выражалъ желаніе поступить въ монашество, но откладывалъ исполненіе этого желанія съ намѣреніемъ предварительно испытать себя. Замѣтя эту склонность, преосвящ. Іовъ всячески старался убѣдить Михаила Яковлевича рѣшиться наконецъ принять постриженіе, предложилъ для этого свою домовую церковь и своего духовника іеромонаха Ливерія, который въ то время былъ духовнымъ отцемъ и Михаила Яковлевича. Неученый, неполучившій особеннаго образованія, но глубоко-религіозный и опытный въ духовной жизни старецъ Ливерій пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Екатеринославѣ и имѣлъ повидимому не мало вліянія на Михаила Яковлевича. Съ особенною любовію и уваженіемъ вспоминаетъ о немъ о. Макарій въ своихъ письмахъ (1860 г. ч. I, стр. 225). Вліянію о. Ливерія конечно и слѣдуетъ приписать, что Михаилъ Яковлевичъ рѣшился такъ рано вступить въ иночество. 24 іюня 1818 года онъ принялъ постриженіе и нареченъ Макаріемъ. Преосвященному Іову было это такъ пріятно, что онъ на другой же день, т.-е. 25 іюня, рукоположилъ о. Макарія во іеродіакона, а черезъ три дня, 28 іюня, въ іеромонаха. Не одному преосвящ. Іову было это должно-быть пріятно, потому что не прошло и трехъ недѣль, какъ указомъ Св. Синода, 17 іюля, о. Макарій былъ причисленъ къ разряду соборныхъ іеромонаховъ Кіево-Печерской лавры. Тутъ вѣроятно не обошлось безъ участія преосвященнаго Филарета. Мы уже указали на плохое состояніе екатеринославской семинаріи и тамошніе порядки или вѣрнѣе безпорядки, но приходится обратиться къ нимъ еще и войти въ нѣкоторыя подробности. Съ новымъ преобразованіемъ низшіе классы были отдѣлены отъ семинаріи подъ именемъ приходскихъ

и уѣздныхъ училищъ. Курсы были расширены, число классовъ и число воспитанниковъ увеличено. Одного вновь выстроеннаго деревяннаго дома было мало, старыя же семинарскія зданія разваливались. Помѣщикъ Жмелевъ предложилъ купить у него домъ, въ которомъ нѣкоторое время помѣщалась семинарія. Семинарское правленіе вошло съ представленіемъ къ преосвящ. Іову о крайней необходимости покупки этого дома. Указывалось, что семинарія тѣсна, отдалена отъ квартиръ учениковъ, отчего дѣти въ зимнее время много страдали. Разсѣянность ученическихъ квартиръ по разнымъ и дальнимъ мѣстамъ лишаетъ начальство возможности слѣдить за учениками. Съ покупкой дома Жмелева предполагалось, что всѣ эти неудобства будутъ устранены и что будетъ возможно, по крайней мѣрѣ половину всѣхъ учениковъ приходскаго и уѣзднаго училищъ, не только казеннокоштныхъ, но и квартирныхъ помѣстить въ домъ Жмелева, а остальнымъ ученикамъ дать такимъ образомъ возможность занять квартиры вблизи семинаріи. О. Макарій не подписалъ этого представленія, а приложилъ къ нему въ отдѣльной запискѣ свое мнѣніе. Признавая необходимость покупки дома или возведенія новыхъ пристроекъ, въ виду пользы совмѣстнаго жительства и лучшаго нодзора за учениками, о. Макарій выставилъ всю невыгоду и даже явный убытокъ отъ покупки дома Жмелева. „Домъ Жмелева, писалъ о. Макарій, близокъ только къ одному углу города, стоитъ на крутомъ мѣстѣ, куда зимою совершенно заносится дорога, и ученикамъ будетъ гораздо тяжелѣе ходить въ домъ Жмелева, чѣмъ въ настоящее зданіе семинаріи“. Домъ Жмелева не приспособленъ къ жительству въ немъ учениковъ и всѣхъ настолько, что въ слѣдующемъ же году потребуются починки, а въ нынѣшнемъ—расходъ на первоначальное обзаведеніе. Если всѣхъ семинаристовъ помѣстить въ домъ Жмелева, то малолѣтніе останутся безъ надзирателей. Отдать девять тысячъ,—отдать всѣ семинарскія деньги,—а между тѣмъ въ семинаріи слишкомъ большія нужды. Зима—холодъ, а комнаты не отапливаются; кухни порядочной нѣтъ, столовой тоже, посуды тоже, остальныхъ службъ тоже. Такимъ образомъ, заключаетъ Макарій, лучше скорѣе окончить новостроящійся семинарскій корпусъ, помѣстить въ немъ всѣхъ учениковъ низшихъ классовъ, а вслѣдъ затѣмъ приступить къ постройкѣ другаго корпуса“. Но къ преосвящен-

ному конечно ужъ забѣжали и Жмелевъ и ректоръ семинаріи и представили дѣло въ другомъ свѣтѣ. Обманутый и раздраженный Іовъ вызвалъ къ себѣ членовъ семинарскаго правленія и потребовалъ, чтобъ о. Макарій взялъ назадъ свое мнѣніе; но о. Макарій отказался, не смотря на угрожающій и перешедшій потомъ въ ласковый тонъ просьбы преосвященнаго, и смиренно отвѣтилъ: „преосвященнѣйшій владыко! Извольте дѣлать, что вамъ благоугодно, я не препятствую, я только по совѣсти изложилъ свои мысли, какъ думаю объ этомъ“. На этотъ разъ дѣло тѣмъ и кончилось. Черезъ нѣсколько времени Іовъ пригласилъ къ себѣ о. Макарія одного, обошелся съ нимъ ласково, подарилъ ему полукафтанье на бѣличьемъ мѣху, крытое атласомъ и снова принялся убѣждать его согласиться на покупку дома. О. Макарій и съ подаркомъ въ рукахъ стоялъ на своемъ, кротко повторяя тѣ же слова, что и прежде. Тогда преосвященному пришло вѣроятно на мысль помучить о. Макарія и испытать его терпѣніе. Преосвящ. Іовъ попросилъ о. Макарія надѣть полукафтанье и ѣхать съ нимъ въ самарскій монастырь. Безмолвно выполнилъ о. Макарій это странное желаніе преосвящ. Іова и, не смотря на стоявшіе въ то время большіе жары и на то, что полукафтанье было не по немъ и очень длинно, вышелъ вмѣстѣ съ преосв. Іовомъ и сѣлъ съ нимъ въ карету. Они поѣхали въ загородный архіерейскій монастырь, верстъ за 30 отъ Екатеринослава. Пріѣхавъ въ монастырь, о. Макарій долженъ былъ въ тепломъ, длинномъ полукафтаньи ходить съ преосвященнымъ по монастырю, саду и рощѣ и выслушивать, какъ Іовъ разсказывалъ ему объ устройствѣ монастыря, его принадлежностяхъ и владѣніяхъ. Изнемогавшій отъ усталости и жары о. Макарій выдержалъ испытаніе до конца безъ малѣйшаго ропота, и воочію доказалъ тѣмъ, что онъ самъ лично изъ послушанія готовъ выполнять и доходящія даже до несообразности, до сумазбродства требованія власти предержащей, но душою кривить не склоненъ. Когда воротились домой, преосвящ. Іовъ, отпуская о. Макарія, сказалъ: „тебѣ мой подрясникъ немного длиненъ, не годится“, и взялъ свой подарокъ назадъ. Затѣмъ однако преосвящ. Іовъ одумался и отослалъ подаренный подрясникъ о. Макарію. О. Макарій берегъ его и дорожилъ имъ, какъ нѣмымъ свидѣтелемъ урока смиренію и терпѣнію, полученному отъ преосвящ.

Іова и носилъ подрясникъ только по праздникамъ. Подвергнувъ такой пыткѣ о. Макарія, самъ Іовъ не подумалъ воспользоваться урокомъ, даннымъ и ему въ свою очередь о. Макаріемъ: вѣдь долженъ же былъ Іовъ наконецъ убѣдиться, что о. Макарія ничѣмъ нельзя было ни вынудить, ни подкупить чтобъ заставить измѣнить правдѣ. Увѣренный и убѣжденный Жмелевымъ и ректоромъ преосвящ. Іовъ утвердилъ представленіе семинарскаго правленія, но далъ такую резолюцію: „о покупкѣ дома на пріобрѣтенную, до новаго преобразованія семинаріи, сумму представленіе сдѣлать дозволяемъ; чтожъ принадлежитъ до инспектора семинаріи, что онъ не подписалъ,—то уповательно потому, что во первыхъ долженъ онъ жить въ томъ домѣ, гдѣ назначается жить уѣзднымъ и приходскимъ ученикамъ для удобнѣйшаго за ними надзора: ибо въ запрошедшей зимѣ, по его неопытности или нерадѣнію, нѣкоторые ученики вовсе сдѣлались калѣками лишеніемъ на ногахъ всѣхъ перстовъ, а другіе, найденные въ снѣгу, едва избавились отъ смерти; да притомъ по своей и нынѣ обязанности нерадитъ въ подачѣ еженедѣльныхъ рапортовъ, какъ объ успѣхахъ учениковъ, такъ и о бытіи учителей въ классѣ. О чемъ объявить ему въ присутствіи, чтобы онъ подавалъ каждой седьмицы по окончаніи классовъ въ субботы; да притомъ дать ему замѣтить, что предполагаемый домъ полагается купить на ту сумму, которая пріобрѣтена еще до преобразованія". Не очень грамотныя строки эти не требуютъ объясненія. Ясно само собой, какое недоброе чувство руководило рукою ихъ писавшею. Какъ хватило духу обвинять о. Макарія въ нерадѣніи о дѣтяхъ, когда нерадѣніе именно прежняго-то семинарскаго начальства и было виною случаевъ, бывшихъ еще до Макарія и теперь припоминаемыхъ и со словъ его враговъ приписанныхъ преосвящ. Іовомъ Макарію? О. Макарій далъ подписку: „сію резолюцію его высокопреосвященства, въ присутствіи семинарскаго правленія, апрѣля 30 дня, слушалъ семинаріи инспекторъ іеромонахъ Макарій"; а черезъ три дня подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности инспектора семинаріи и ректора училищъ „для подкрѣпленія, какъ онъ выразился въ прошеніи, своихъ силъ". Прошенію этому конечно обрадовались, на увольненіе согласились, и въ концѣ мая всѣ дѣла были уже сданы профессору семинаріи Кутузову, назначенному исправлять должность инспектора

семинаріи и ректора училищъ; но академическое начальство уволило о. Макарія только до выздоровленія, такъ что онъ въ сентябрѣ долженъ былъ опять вступить въ должность инспектора семинаріи и ректора училищъ.

Сообщая эти крайне любопытныя свѣдѣнія о неурядицахъ, съ которыми были сопряжены постройки семинарскихъ зданій въ Екатеринославѣ, „Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости“ присовокупляютъ, что послѣ долго длившейся переписки съ академическимъ правленіемъ и съ коммиссіей духовныхъ училищъ покупка дома Жмелева все-таки состоялась; но затѣмъ скоро оправдалось и мнѣніе о. Макарія. Домъ оказался до того ветхимъ, что на него пришлось затратить большую сумму и не смотря на это онъ все-таки оказался до то неудобнымъ, что въ концѣ концовъ его пришлось продать за безцѣнокъ. Преосвящ. Іовъ никогда не переставалъ пытать терпѣніе о. Макарія, точно считалъ это своею обязанностью. Нерѣдко случалось, что наканунѣ какого-нибудь праздника онъ призывалъ о. Макарія, и какъ будто съ намѣреніемъ, не въ теченіи дня, а уже поздно ночью и просилъ написать проповѣдь на завтра. Послушный Макарій возвращался въ свою келью, садился писать и проводилъ такимъ образомъ ночь за сочиненіемъ проповѣди. Готовая къ утру проповѣдь заслуживала обыкновенно похвальный отзывъ и благодарность преосвященнаго. Можетъ-быть не даромъ, не безъ намѣренія ректоръ Филаретъ не оставилъ магистра Глухарева при академіи, а устроилъ дѣло такъ, чтобы онъ прямо со студенческой скамьи попалъ въ суровую школу жизни и, продолжая идти „стропотнымъ путемъ“, совершенствовался. Филарету конечно былъ хорошо знакомъ Іовъ, который былъ такъ близокъ къ кн. А. Н. Голицыну, а отношенія Филарета къ послѣднему извѣстны. Какъ бы то ни было, а положеніе о. Макарія становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, и только его незлобный характеръ, необыкновенная кротость и смиреніе, при помощи утѣшеній его друзей: отцовъ Каллиника, Ливерія, Герболинскаго и Понятовскаго, способствовали мириться съ средой, въ которой ему приходилось выносить много скорбей и огорченій. Но всему есть мѣра, всему—конецъ, пришелъ конецъ и терпѣнію о. Макарія, тѣмъ болѣе, что поводы къ истощенію его терпѣнія не прекращались какъ нарочно.

Въ высшихъ, собственно говоря въ такъ-называемыхъ интеллигентныхъ слояхъ общества появлялись у насъ, да и теперь еще появляются (Редстокъ, Пашковъ и проч.) такія вѣянія, которыя, несмотря даже на ихъ несообразность, охватывая лучшую часть общества, овладѣвая иногда и умами недюжинными, держатся очень упорно и довольно долго, пока наконецъ сами собой и незамѣтно не исчезаютъ безслѣдно. Вѣянія эти обыкновенно не мѣстнаго происхожденія, а пришлыя, наносныя съ чужбины. Такъ, вскорѣ послѣ эпохи 1812 года и всеобщаго умиротворенія явилась у насъ наклонность къ мистицизму, явились и мистики. Такъ какъ между мистиками числились и сильные міра сего, то и мистицизмъ объявился силой, съ которой приходилось иному считаться, а иному проходимцу при помощи этой силы и личной ловкости обдѣлать свои дѣлишки и вылѣзти изъ ничтожества въ люди. Въ пору разгара мистицизма явились въ Петербургъ два квакера. Передъ иностранцами мы искони привыкли расшаркиваться и даже благоговѣть, а тутъ два новоприбывшихъ иностранца отъявились квакерами и стало-быть людьми очень подходящими по части мистицизма. Какъ было не оказать имъ покровительства? Не облегчить путешествіе имъ по Россіи? Снабженные рекомендательными письмами, квакеры отправляются на югъ, заѣзжаютъ и въ Екатеринославъ и являются къ о. Макарію съ письмомъ отъ пр. Филарета. Въ 1-й книгѣ „Русской Старины“ за 1874 годъ напечатано, въ переводѣ П. Т. Осипина, извлеченіе изъ дневника (1818—1819) квакера Грилье де Мобилье о свиданіи его съ о. Макаріемъ: „19 іюля, вечеромъ, мы отправились къ Макарію, къ которому у насъ было письмо отъ Филарета. Это — ректоръ (?) здѣшней семинаріи, мы застали его въ келліи, которая отличается совершенной простотой. Макарій человѣкъ весьма смиренный и съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ; онъ раскрылъ (?) предъ нами свое сердце и бесѣдовалъ съ нами о внутреннихъ движеніяхъ своей религіозной жизни и о пути, какимъ угодно было св. Духу вести его,—пути неизвѣстномъ и малопонятномъ для окружающихъ его лицъ. Макарій очень тяготится (?) многочисленностью внѣшнихъ обрядовъ, сопровождающихъ богослуженіе греческой церкви и преувеличеннымъ почитаніемъ св. иконъ. Его понятія о крещеніи и причащеніи, кажется, весьма близки (?) къ нашимъ.

Онъ разсказалъ намъ, что у него сначала было обыкновеніе приготовлять свои проповѣди тщательно и усердно; но разъ на каѳедрѣ ему самому казалось, что онъ говоритъ такъ сухо и безжизненно, что языкъ отказывается продолжать и онъ принужденъ былъ остановиться. Съ тѣхъ поръ, выходя на каѳедру, онъ возлагаетъ все свое упованіе на Бога и говоритъ проповѣдь безъ приготовленія. Мы совершили вмѣстѣ съ нимъ безмолвную молитву и видно было, что это духовное упражненіе не чуждо душѣ достолюбезнаго Макарія. 21 іюля. Сегодня утромъ пришло къ намъ нѣсколько человѣкъ, принадлежащихъ къ обществу „духовныхъ христіанъ", обыкновенно здѣсь называемыхъ „молоканами", по причинѣ нѣкоторыхъ отступленій ихъ отъ обрядовыхъ постановленій господствующей церкви. Мы уже не разъ слыхали про эту секту и очень желали поближе познакомиться съ нею. Здѣсь находится около 20 семействъ молоканъ, и мы собирались съ ними увидѣться. Макарій также пришелъ къ намъ; мы опасались, что его присутствіе будетъ стѣснять молоканъ въ ихъ религіозныхъ изліяніяхъ и бесѣдахъ съ нами, ибо со времени Екатерины II и Павла I молокане и духоборцы подвергались разнымъ угнетеніямъ и преслѣдованіямъ. Оказалось, что присутствіе Макарія вовсе ихъ не стѣсняло; скоро всѣ мы предались среди безмолвія внутреннему созерцанію и души наши раскрылись предъ Господомъ: такимъ образомъ молокане совершаютъ свое богопочтеніе въ безмолвіи, пока кто-нибудь не почувствуетъ въ себѣ вѣяніе св. Духа и не начнемъ говорить, какъ пастырь. Молитвенное собраніе наше происходило торжественно, по окончаніи его мы условились на счетъ времени новаго свиданія. Когда молокане удалились, Макарій воскликнулъ, проливая обильныя слезы: „въ какомъ состояніи мрака и невѣжества находился я донынѣ! Я прежде думалъ, что я одинъ только въ этихъ мѣстахъ шествую въ свѣтѣ Господнемъ и чувствую въ себѣ вѣяніе св. Духа, такъ что могу поклоняться въ духѣ и истинѣ; но все это было самолюбивымъ ослѣпленіемъ, я не зналъ, что свѣтъ Божественнаго озаренія сіяетъ подлѣ меня среди этихъ людей, бѣдныхъ и незнатныхъ въ глазахъ міра, но богатыхъ теплою вѣрою своею въ Господа нашего Іисуса Христа. Онъ разстался съ нами въ весьма взволнованномъ состояніи". Вѣрность описанія мнѣній и дѣйствій въ этомъ случаѣ о.

Макарія лежитъ конечно и всецѣло на совѣсти квакера Грилье де Мобилье. Не надо упускать изъ виду, что о. Макарій названъ здѣсь ректоромъ семинаріи, тогда какъ онъ былъ только ея инспекторомъ, что затѣмъ и мысли о. Макарія изложены не вѣрно, а по понятіямъ и толкованіямъ квакеровъ, и что о. Макарій долженъ былъ объясняться съ квакерами на французскомъ языкѣ, который онъ зналъ хорошо, но не настолько, чтобы могъ такъ же хорошо излагать на языкѣ разговорномъ и въ живой рѣчи свои мысли, какъ хорошо могъ усвоивать прочитанное. Подтвержденіемъ сказанному можетъ служить свидѣтельство, Н. В. Сушкова (Зап. о жиз. и вр. свят. Филарета, митр. моск.), гдѣ онъ указываетъ на то, что Грилье де Мобилье въ своемъ дневникѣ также по своему перетолковалъ и мысли, высказанныя митрополитомъ Филаретомъ въ его разговорѣ съ квакерами. Какъ бы то ни было, но изъ-за квакеровъ о. Макарію пришлось потерпѣть. Пріѣздъ квакеровъ возбудилъ вниманіе, и за ними стали наблюдать и слѣдить. Ректоръ семинаріи подославъ письмоводителя подсмотрѣть, что дѣлается въ квартирѣ инспектора, когда квакеры отправились туда. Письмоводитель подкрался къ замочной скважинѣ и увидѣлъ, что квакеры стоятъ на колѣняхъ и молятся и что съ ними молится и о. Макарій. Письмоводитель донесъ объ этомъ ректору, а ректоръ преосвящ. Іову. Когда квакеры уѣхали изъ Екатеринослава, Іовъ призвалъ о. Макарія и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, угрожая притомъ даже отлученіемъ отъ церкви. Когда преосвященный смолкъ, о. Макарій отвѣтилъ: „что же мнѣ было дѣлать? Совѣстно было такъ смотрѣть на нихъ во время молитвы, я и самъ сталъ на колѣни и молился по своему“. Выговоръ и угроза Іова осталась конечно безъ послѣдствій потому вѣроятно, что квакеры эти были не простые смертные, а пользовавшіеся покровительствомъ сильныхъ міра сего, какъ свидѣтельствуютъ обстоятельства, предшествовавшія свиданію квакеровъ съ о. Макаріемъ и записанныя Грилье де Мобилье во время пребыванія квакеровъ въ Петербургѣ. Не даромъ конечно преосвящ. Іовъ сдѣлалъ выговоръ о. Макарію за квакеровъ лишь по отъѣздѣ ихъ изъ Екатеринослава. Послѣ выговора за квакеровъ непріятности и огорченія отъ ректора и сослуживцевъ увеличились еще по одному случаю въ то же лѣто. Во время вакацій

ректоръ съ наставниками и учениками отправились за городъ. О. Макарій поѣхалъ тоже. Къ нимъ присоединились нѣкоторые городскіе жители, такъ что составилось довольно большое общество. Когда въ рощѣ обществомъ обуяло веселье, ректоръ велѣлъ ученикамъ запѣть какую-то свѣтскую пѣсню. О. Макарій счелъ это неприличнымъ, не утерпѣлъ и сказалъ рѣшительнымъ тономъ: „не пойте! Пойте пѣсни духовныя"! Въ отвѣтъ на это послышались насмѣшки и разныя оскорбительныя изреченія и названія. О. Макарій не могъ конечно убѣдить подгулявшее общество, что „молодымъ людямъ и безъ того много искушеній, зачѣмъ разгорячать ихъ умъ и воображеніе свѣтскими пѣснями". Онъ счелъ за лучшее удалиться и уѣхалъ немедленно обратно въ городъ. После этого случая ректоръ еще больше сталъ преслѣдовать о. Макарія, и непріятности приняли наконецъ такой острый характеръ, особенно со стороны самаго ректора, подвергавшаго о. Макарія насмѣшкамъ и оскорбленіямъ даже въ присутствіи учениковъ семинаріи и училищъ, что кроткій и незлобивый о. Макарій, недовольный и безъ того неустройствомъ семинарскихъ порядковъ, счелъ окончательно за лучшее удалиться вовсе изъ Екатеринослава. Перенося терпѣливо и великодушно всѣ оскорбленія, онъ никогда не жаловался даже своимъ друзьямъ. Вся скорбь его изливалась только въ такихъ словахъ: „ахъ, какой это черствый хлѣбъ—любить враговъ своихъ"! или „ахъ, какъ бы мнѣ мѣстечко такое, чтобъ я зналъ только самаго себя!" Рѣшеніе о. Макарія покинуть Екатеринославъ было на этотъ разъ непреклонно. Не подѣйствовали, не успѣли отклонить его отъ этого намѣренія даже просьбы и убѣжденія друзей его — отцовъ Герболинскаго, Понятовскаго и Каллиника, не оставлявшихъ его и въ послѣднее самое тяжелое для него время службы въ семинаріи. Опасаясь, чтобъ друзья его не пострадали изъ-за него, онъ самъ просилъ ихъ не посѣщать его, не выказывать сближенія съ нимъ; но къ чести ихъ надо отнести, что они не взирая на непріятности, которымъ могли дѣйствительно подвергнуться, все-таки продолжали посѣщать и уговаривать его. „Ну что? я монахъ, хоть въ Сибирь посылай меня, я и туда пойду" [6]), отвѣчалъ онъ имъ. Такъ тяжело стало ему его поло-

---

[6]) «Странникъ», май 1881 г.

женіе въ Екатеринославѣ. Теперь кстати пришлось и письмо пр. Филарета, доставленное о. Макарію черезъ квакеровъ, изъ-за которыхъ ему пришлось потерпѣть непріятности. Оно начиналось такъ: „съ удовольствіемъ прерываю молчаніе мое, не знаю прерву ли тѣмъ ваше“... О. Макарій, сбираясь писать пр. Филарету, рѣшился просить его содѣйствія къ переводу въ другую семинарію; но, принимаясь нѣсколько разъ за письмо, онъ каждый разъ становился въ недоумѣніе передъ изложеніемъ причины просьбы своей о переводѣ. Высказать всю правду значило отозваться дурно о начальствѣ, а это не сообразовалось съ его добрымъ, кроткимъ характеромъ. И вотъ, наконецъ онъ выставилъ какъ причину трудность и неудобство надзора за разсѣянными по квартирамъ въ разныхъ частяхъ города учениками и просилъ о переводѣ въ другую болѣе благоустроенную семинарію и къ такому ректору, „который былъ бы извѣстенъ преосвященному Филарету по духу Христову“. Цѣня нравственныя качества о. Макарія, а можетъ-быть и провѣдавъ о непріятномъ положеніи, въ которомъ находился онъ въ Екатеринославѣ, пр. Филаретъ сдѣлалъ больше чѣмъ просилъ и скорѣе чѣмъ ожидалъ о. Макарій. Не прошло и мѣсяца, какъ, по ходатайству преосв. Филарета, о. Макарій былъ переведенъ въ костромскую семинарію и не инспекторомъ, а уже ректоромъ. О. Макарій къ прискорбію немногихъ друзей покинулъ Екатеринославъ 9 марта 1821 г.

Съ переѣздомъ въ Кострому его положеніе улучшилось, но скорби душевныя и тѣлесныя его и тамъ не покидали. Въ Костромѣ къ нему благоволило начальство, но отъ воспитанниковъ семинаріи онъ вынесъ непріятность, которая очень огорчила его; да и здоровье его, разстроенное въ Екатеринославѣ, въ Костромѣ ухудшилось: онъ схватилъ лихорадку, которая мучила его все лѣто, По прибытіи въ Кострому и вступленіи въ должность ректора семинаріи и профессора богословскихъ наукъ, о. Макарій скоро пріобрѣлъ особенное расположеніе духовнаго начальства. Его возвели въ санъ игумена, хотя и не дали пока монастыря въ управленіе. И былъ онъ игуменъ безъ монастыря и братіи, какъ самъ писалъ онъ не безъ ироніи. Впрочемъ, въ томъ же году, 21 декабря, онъ былъ возведенъ преосвященнымъ Самуиломъ въ санъ архимандрита и получилъ въ управленіе второклассный костромской Богоявленскій монастырь. Выразивъ

въ извѣстномъ письмѣ къ преосв. Филарету желаніе служить подъ начальствомъ такого ректора, который имѣлъ бы въ себѣ духъ Христовъ, о. Макарій старался въ самомъ себѣ осуществить такого начальника и дѣйствовать въ духѣ Христовомъ. Слѣдя за нравственностью воспитанниковъ, онъ требовалъ и отъ наставниковъ строгаго исполненія долга. Снѣдаемый ревностью о благѣ, онъ скорбѣлъ, когда вмѣсто осуществленія его добрыхъ желаній и намѣреній встрѣчалъ холодность и неудовольствіе подчиненныхъ и сослуживцевъ—наставниковъ. Поощряя и отличая своимъ расположеніемъ тѣхъ изъ воспитанниковъ, въ которыхъ замѣчалъ особенныя наклонности къ добру и благонравію, онъ строго взыскивалъ за поступки дурные и преслѣдовалъ все, что не соотвѣтствовало, что было не свойственно высокому назначянію, къ которому готовились воспитанники. Это вооружило нѣкоторыхъ изъ нихъ и однажды, когда о. Макарій проходилъ семинарскимъ дворомъ, изъ окна верхняго этажа, гдѣ помѣщались воспитанники, былъ брошенъ въ него кирпичь, который попалъ ему въ плечо. Случай этотъ глубоко оскорбилъ и огорчилъ его, но онъ не сталъ и доискиваться виновнаго; а собравъ всѣхъ воспитанниковъ, обратился къ нимъ съ кроткимъ увѣщательнымъ словомъ, которое всѣхъ тронуло и умилило до того, что произвело переломъ въ нравахъ и обычаяхъ духовнаго юношества. Да и самый поступокъ одного изъ дурныхъ товарищей долженъ былъ, особенно послѣ кроткаго увѣщательнаго слова, подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на остальныхъ лучшихъ по характеру воспитанниковъ, тѣмъ болѣе, что наставленія и поученія о. Макарія не были въ разладѣ съ его образомъ жизни. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые считали долгомъ только проповѣдывать или учить добру другихъ, а сами для себя не считали обязательнымъ выполнять то, чему учили. Какъ хорошій, такъ и дурной примѣръ и чаще всего послѣдній оставляетъ глубокое впечатлѣніе въ сердцахъ юныхъ. Вотъ какъ, по кончинѣ о. Макарія, писалъ о немъ бывшій ученикъ его Аѳанасій Соколовъ, архіепископъ казанскій [7]): „моей душѣ онъ всегда присущъ, какъ наставникъ, изъ устъ котораго лились сладчайшія рѣчи и въ семинаріи и въ его келліи, куда онъ бывало не-

[7]) «Странникъ», апрѣль 1860 г.

рѣдко призывалъ меня, юнаго богослова, для наученія, обличенія и усовершенія въ истинѣ и правдѣ и для принятія повелѣнія произносить его собственныя проповѣди въ церкви вмѣсто его самаго, по причинѣ крайней слабости его голоса; но вѣчное мѣсто въ душѣ моей онъ имѣетъ наипаче потому, что духовная жизнь его при ученіи удерживала меня 19—20-ти-лѣтняго на путяхъ Господнихъ. Истину говорю, полный благодаренія Господу, даровавшему мнѣ такого наставника въ юности моей. Когда онъ послалъ меня на подвигъ учительства въ городъ Макарьевъ (Костромской губерніи), тогда я любилъ только молиться, читать его проповѣди и богословскіе уроки и быть его эхомъ. Это было въ 1824 — 25 году. Согрѣтый его духовнымъ свѣтомъ и теплотою, я поступилъ въ с.-петербургскую академію въ августѣ 1825 г. По прошествіи двухъ лѣтъ въ прилежномъ ученіи, Господь сподобилъ меня опять узрѣть свѣтлое лицо незабвеннаго отца Макарія въ домѣ митр. Филарета (1827) и насладиться его поученіемъ и вѣяніемъ благодати Божіей отъ его души лучезарной. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его и только слышалъ съ радостію сына церкви православной объ апостольскихъ подвигахъ его въ хладныхъ предѣлахъ возлюбленнаго отечества моего. Славлю и величаю благодать Божію, которая осязательно для меня проявилась въ скудельномъ сосудѣ его, лобызаю жезлъ и палицу моего наставника: ибо *та мя настависта*, чту благовѣстническій посохъ его, пою пѣснь упованія и безсмертія на могилѣ человѣка Божія. Онъ не умеръ, онъ живъ въ Господѣ, во мнѣ и во многихъ, которыхъ просвѣтилъ св. крещеніемъ, богоглаголивымъ ученіемъ и житіемъ добродѣтельнымъ". О. Макарій велъ постоянно примѣрный нравственный образъ жизни. Его можно было упрекнуть развѣ только въ излишнемъ небреженіи къ собственнымъ нуждамъ, къ своимъ силамъ, къ своему здоровью. Не вдаваясь въ аскетизмъ, онъ велъ постоянно строгую подвижническую жизнь: ѣлъ онъ мало и дѣйствительно для того только, чтобы жить, вставалъ рано и для того, чтобы приняться скорѣе вновь за работу, а ложился отдохнуть поздно, когда все кругомъ уже спало. Все остальное отъ служебныхъ занятій время онъ посвящалъ или чтенію или письму. Одежда его состояла изъ одной простой монашеской ряски, сшитой изъ дешевой шерстяной матеріи. Ряска эта возобновлялась ежегодно,

и обыкновенно къ Пасхѣ, при чемъ прежняя отдавалась нуждающемуся. Зимней одеждой долго служило ему то полукафтанье на бѣличьемъ мѣху, которое было подарено ему, при извѣстныхъ уже намъ обстоятельствахъ, преосвящ. Іовомъ Потемкинымъ. Бѣлье тоже соотвѣтствовало верхней одеждѣ: оно было изъ самаго дешеваго грубаго полотна, но чистоты безукоризненной. Строгій по жизни монахъ о. Макарій вовсе не чуждался общества и только избѣгалъ его свѣтскихъ удовольствій. Въ обществѣ держалъ онъ себя просто, но съ какимъ-то особеннымъ, ему собственно свойственнымъ достоинствомъ и вездѣ одинаково, въ какихъ бы слояхъ общества онъ ни находился. Необычное появленіе духовнаго лица въ простой монашеской рясѣ въ гостинной между свѣтскими людьми съ совсѣмъ другими стремленіями могло въ первыя минуты показаться страннымъ, но впечатлѣніе и обаяніе, которыя онъ производилъ, были настолько сильны, что и свѣтскіе люди группировались около него въ тѣсный кружокъ и слушали его съ замѣтнымъ вниманіемъ, не смотря на то, что въ числѣ ихъ случались и личности, не отличавшіяся особеннымъ уваженіемъ къ нашему духовенству и не упускавшія предлога пустить въ ходъ какое-нибудь bon mot съ претензіями на остроуміе.

Въ Костромѣ о. Макарію жилось довольно хорошо. Съ преосвященнымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, со многими членами общества въ довольно близкихъ и съ инспекторомъ семинаріи о. Иліодоромъ въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ. Но слабость здоровья, разстроеннаго еще въ Екатеринославѣ, усилившаяся болѣзнь глазъ, которой онъ былъ подверженъ, и нерѣдко возвращавшаяся лихорадка, которую онъ схватилъ въ первое время пребыванія своего въ Костромѣ, увеличивали ощутительно тягость его трудовъ и по семинарской службѣ и особенно по управленію бѣднымъ монастыремъ. Монастырскія зданія, большія и обширныя, были ветхи, а монастырскихъ средствъ не только къ ихъ возобновленію, но даже и къ поддержанію были недостаточно, что доставляло ему не мало заботъ. Любя приходить на помощь гдѣ было нужно, о. Макарій въ ту пору и самъ нуждался, несмотря на то, что привыкъ на себя тратить мало и довольствовался постоянно только самымъ необходимымъ. Мало того, что онъ любилъ помогать бѣднымъ изъ учащихся воспи-

танниковъ, онъ постоянно приходилъ на помощь и вездѣ, гдѣ видѣлъ нужду. Въ Екатеринославѣ, напримѣръ, онъ заплатилъ 150 рублей за Библію на еврейскомъ языкѣ и за лексиконъ къ ней для одного англійскаго еврея Морица, который обратился изъ еврейства въ христіанство и жилъ въ Екатеринославѣ. О. Макарій купилъ эти книги для Морица, чтобы облегчить Морицу проповѣдь Евангелія между евреями. Не отказывая въ помощи другимъ, онъ самъ часто стѣснялся въ денежныхъ средствахъ, и когда пришлось перебираться въ Кострому, о. Макарій былъ вынужденъ воспользоваться временною помощію другихъ и занять порядочную сумму на дорогу. Долгъ этотъ надо было выплачивать по пріѣздѣ въ Кострому, а тутъ привязалась еще лихорадка, отъ которой онъ страдалъ тогда все лѣто до осени. Деньги понадобились на лѣченье, и тогда и послѣ, потому что лихорадка по временамъ возвращалась и глаза болѣли. Не мало хлопотъ было ему и съ начальствованіемъ надъ разнохарактерною монашествующею братіей. Все это тяготило его, а тутъ еще его надежный помощникъ и искренній другъ, инспекторъ о. Иліодоръ (впослѣдствіи преосвященный курскій), долженъ былъ его покинуть, потому что былъ переведенъ въ московскую академію баккалавромъ. Въ эту тяжелую для о. Макарія минуту онъ былъ обрадованъ пріѣздомъ такого гостя, который хотя на время заставилъ забыть всѣ непріятности. Къ нему пріѣхалъ его отецъ. Приведемъ относящееся къ этому времени письмо самаго о. Макарія къ его другу и бывшему товарищу по службѣ въ Екатеринославѣ, о. Іоанну Герболинскому: „Простите меня“, писалъ ему о. Макарій въ ноябрѣ 1822 года, „за долговременное молчаніе, оно не вывело ли самой любви вашей ко мнѣ изъ терпѣнія? Но вы знаете, что мы должны сносить тяготу одинъ другаго; а я знаю, что вы, хотя перестали писать ко мнѣ, но не перестали вспоминать обо мнѣ въ молитвѣ своей; а потому любви вашей не лишили меня, ибо молитва есть плодъ любви. Я нищая и убогая тварь: Господь вамъ воздастъ за меня.— Думаю, что вы читали длинное письмо, посланное мною на имя Г. Т., и знаете, какъ я до Костромы доѣхалъ. Между тѣмъ какъ глазная болѣзнь усилилась, насталъ въ семинаріи экзаменъ, а меня лихорадка схватила и томила чрезъ всю вакацію. Сентябрьская треть прошедшаго года была весьма тяжела для меня не

столько по внѣшнимъ трудамъ, сколько по затрудненіямъ внутреннимъ. 24-го декабря поставили меня архимандритомъ въ здѣшнемъ Богоявленскомъ монастырѣ. Въ нынѣшнемъ году, опять въ іюлѣ, непосредственно по окончаніи семинарскихъ трудовъ, лихорадка посѣтила меня, и опять я лишился друга—отца инсп. Иліодора: сладцѣ мы пожили съ нимъ и другъ другу оставили о себѣ пріятную память по милости Божіей. Теперь я сообщу вамъ новость, которая, знаю, будетъ занимательна для сердца вашего. Я собираюсь проститься съ о. Иліодоромъ, а ко мнѣ гость на дворъ. Кто, вы думаете? Старецъ, отецъ мой! Посѣщеніе его было для меня благотворнымъ посѣщеніемъ милости Божіей, которой я не ожидалъ и не просилъ и недостоинъ былъ. Въ бесѣдахъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ мы проводили цѣлыя ночи. Труднымъ путемъ Промыслъ ведетъ его, но бодрость и веселіе духа его дивны! Помолитесь объ немъ, да совершитъ его Господь, да сохранитъ его до конца въ вѣрности, и да сподобитъ его получить вѣнецъ славы и жизни вѣчной, уготованной побѣдителямъ! Чѣмъ ближе къ концу подходитъ дѣло, тѣмъ болѣе увеличиваются кресты его. Терпѣніе, братъ мой, терпѣніе! Не у до крове стояхомъ противъ грѣха подвизающеся. Погостилъ у меня родитель одну недѣлю и уѣхалъ вмѣстѣ съ о. Иліодоромъ. Что вамъ сказать о моемъ состояніи здѣсь? Братіи у меня не много, но разнообразіе характеровъ ихъ удивительно. Зданія въ монастырѣ огромны, но ветхи и поддерживать ихъ не чѣмъ. Труды по семинаріи съѣдаютъ меня, изнемогаю въ силахъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Людей злонамѣренныхъ нѣтъ при мнѣ: одни благодѣтели, другіе пріятели, немного знакомыхъ и одинъ другъ. Чего бы кажется лучше? Но—fecisti nos, Domine ad Te, et inquietum est cor nostrum, donec requiescat in Te. Притомъ извѣстенъ вамъ темпераментъ мой. Мракъ души моей часто покрываетъ тѣнію печальною все меня окружающее. Если я въ самомъ дѣлѣ вывожу молчаніемъ своимъ изъ терпѣнія дружбу, то дайте ей въ подкрѣпленіе милосердіе: каждое письмо ваше будетъ для меня дѣломъ милосердія. Отче, отче! пишите и молитеся, прошу васъ покорнѣйше, о грѣшномъ Макаріѣ. Вѣрьте тому, что я стараюсь сохранять и питать благодарную память объ васъ, какъ даръ Божій, что и я вспоминаю объ васъ въ молитвахъ; подумайте о семъ, когда будете обо мнѣ молиться,

и вы можете получать отъ вѣры любовію споспѣшествуемой отвѣты за меня на письма ваши и утѣшеніе, какого не могутъ вамъ доставить письма мои" [8]).

О. Макарій продолжалъ служить въ Костромѣ до конца 1824 года, но уже въ 1823 году, тяготясь при разстроенномъ здоровьѣ, положеніемъ своимъ, задумалъ удалиться въ Кіевскую лавру и по своему обыкновенію написалъ Филарету, въ то время уже архіепископу московскому. На этотъ разъ, Филаретъ не поторопился ходатайствомъ за своего любимца и въ письмѣ, отъ 28 мая 1824 года, высказалъ ему даже свое недовольство: „Преподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ! Виноватъ я предъ вами, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ, особенно на то письмо, въ которомъ изъявляете вы намѣреніе удалиться отъ общественнаго служенія. Молва говоритъ, что вы уже и рѣшились. Не знаю по сему, не поздно ли разсуждать о семъ. Скажу что думаю, по крайней мѣрѣ дабы вы знали, что ненамѣренное было мое молчаніе, что лучшіе насъ отошли ко Господу, а мы грѣшные остаемся еще: въ томъ признаемъ милосердіе Божіе и милосердіе, дающее намъ время покаянія и очищенія. Онъ же да поможетъ намъ и воспользоваться даромъ Его. Опасно искать общественнаго служенія, когда знаемъ свои недостатки, препятствующіе проходить оное съ успѣхомъ; но и того, думаю, остерегаться надобно, чтобы не оставить служенія, къ которому призваны и въ которое допустили себя ввести,—по своей волѣ, по нетерпѣливости, по неудовольствію видѣть свою личность меньше своего мѣста. Надобно въ семъ испытать себя и прежде, нежели оставить свое мѣсто. Если же точно видимъ, что способности и силы наши не позволяютъ намъ исполнить, чего требуетъ служеніе наше, можно рѣшиться оставить оное, чтобы не быть виною ущерба общаго блага, и на сей конецъ представить начальству, какая способность или сила наша, по примѣчанію нашему, не соотвѣтствуетъ потребности и ожидать съ послушаніемъ, рѣшится ли оно еще терпѣть наши недостатки, или признаетъ нужнымъ занять мѣсто наше иначе. Что касается до искушеній отъ раздражительности, случаи къ нимъ больше или меньше есть вездѣ. Тишина духа утишаетъ нервы. Не на-

---

[8]) Письма архимандрита Макарія, ч. 1, стр. 223.

добно также основывать мира на человѣкѣ, хотя онъ и сынъ мира, и даже миротворецъ. Благополучіе—найти такого; но если онъ, какъ говорите, *оканчиваетъ* жизнь, кто знаетъ, будетъ ли онъ *продолжать* ее, сколько намъ надобно? Надобно и сіе имѣть въ виду и, опираясь на человѣка Божія, утверждать сердце свое въ Господѣ самомъ. Вотъ, что я могъ вамъ сказать. Если не въ тяжелый то будетъ трудъ, увѣдомьте меня, что думаете и что предпринимаете. А я съ любовію есмь вашего высокопреподобія усердный слуга Филаретъ, а. московскій. Мая 28-го 1824 года.

Письма о. Макарія, на которое послѣдовалъ приведенный отвѣтъ Филарета, также какъ и его многихъ другихъ писемъ къ митрополиту, къ сожалѣнію не оказалось въ бумагахъ послѣдняго. Самъ ли митрополитъ Филаретъ, или разбиравшіе бумаги послѣ его кончины не сочли нужнымъ сберечь ихъ, только изъ переписки о. Макарія съ митрополитомъ уцѣлѣло повидимому лишь то немногое, что митрополитъ лично, по кончинѣ о. Макарія, передалъ въ библіотеки: лаврскую, академическую и епархіальную. Такимъ образомъ изъ писемъ митрополита Филарета къ о. Макарію остается многое неяснымъ по отношенію къ нѣкоторымъ личностямъ, о которыхъ въ письмахъ упоминается.

Изъ приведеннаго письма Филарета очевидно, что въ виду пользы, которую приносилъ о. Макарій, его хотѣли попридержать и не отпускать такъ скоро на покой. Пришлось однако убѣдиться наконецъ, что труды, которые онъ несъ съ своей обычной энергіей, не соотвѣтствовали слабымъ силамъ его и безъ того болѣзненнаго организма и могли окончательно сгубить его здоровье. Въ концѣ 1824 года его вызвали въ Петербургъ, но все-таки не затѣмъ, чтобъ отпустить его въ Кіевъ, а съ тѣмъ, чтобы предложить ему епископство, къ которому его вѣроятно и уготовляли. По всему видно, что его не вполнѣ понимали и цѣнили и тѣ, которые его вели и вывели на „стропотный путь“. Они знали, что благодаря этому ли стропотному пути или постоянно работавшей мысли, у него составился твердый своеобразный взглядъ на жизнь, свой кругозоръ, свое міровоззрѣніе. Усвоивъ истинное значеніе христіанства и духа Христова, онъ шелъ непоколебимо къ намѣченной имъ себѣ цѣли, не уклоняясь ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій ни въ словахъ, ни въ дѣлахъ; чему онъ училъ, что онъ проповѣдывалъ, то онъ

самъ выполнялъ и даже съ большей строгостью и послѣдовательностью, нежели требовалъ или искалъ того въ другихъ. И будучи архимандритомъ, онъ носилъ не шелковую рясу, а плохонькую шерстяную, какъ самый бѣдный монахъ, не въ каретѣ разъѣзжалъ, а гдѣ пѣшкомъ, гдѣ въ тележонкѣ или повозкѣ пробирался; не изысканнымъ, не сытнымъ рыбнымъ столомъ возмещалъ воздержаніе отъ мяса, а довольствовался самой простой пищей. И не изъ фарисейства, и не изъ юродства поступалъ онъ такъ, а потому, что признавалъ какъ искренно вѣрующій, что такъ должно. „Вѣра безъ дѣлъ мертва". Если у кого и нѣтъ избытка въ средствахъ, то все-таки, при умѣренномъ и благоразумномъ пользованіи и немногими имѣющимися, можно, отказывая себѣ въ излишнемъ по удовлетворенію личнымъ нуждамъ, добыть и излишекъ въ пользу нуждающихся въ необходимомъ. Отказывая себѣ во многомъ и приходя на помощь другимъ, о. Макарій поступалъ совершенно искренно и такъ просто, что никому и въ голову не могло придти, что у него самого могла быть нужда за плечами. Его искренность во всемъ и со всѣми и одинаковая со всѣми простота въ обхожденіи, согрѣтая истинно-христіанскою любовью, привлекали къ нему всѣхъ и простыхъ и свѣтскихъ людей одинаково. Во всѣхъ внушалъ онъ къ себѣ истинное, а не напускное только чувство уваженій. На всѣхъ обращавшихся къ нему онъ производилъ какое-то невольное чувство обаянія. Замѣчательно, что никогда, нигдѣ, ни отъ кого не приходилось слышать о немъ какой-либо мало-мальски непріязненный отзывъ. Невольно проникаешься глубокимъ благоговѣніемъ при воспоминаніяхъ объ отрадныхъ минутахъ, проведенныхъ въ его обществѣ—въ свѣтской ли гостинной, когда онъ съ Библіей въ рукахъ объяснялъ по просьбѣ окружавшихъ его Св. Писаніе,—или въ уединенной бесѣдѣ на Троицкомъ подворьѣ разрѣшалъ просто и удобопонятно, безъ малѣйшей натяжки, недоумѣнія по вопросамъ религіознаго характера.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, о. Макарій явился къ оберъ-прокурору Св. Синода князю А. Н. Голицыну. Скоро ознакомясь съ о. Макаріемъ и узнавъ его покороче князь Голицынъ полюбилъ его и постоянно благосклонно относился къ нему. Не-

рѣдко о. Макарій служилъ и проповѣдывалъ въ домовой церкви князя Голицына. Вращаясь по неволѣ благодаря приглашеніямъ князя Голицына и своимъ прежнимъ связямъ въ высшемъ кругу, о. Макарію приходилось иногда высказывать свои воззрѣнія на вѣру и жизнь. Это подало поводъ къ неосновательнымъ толкамъ и сужденіямъ о немъ въ средѣ мистиковъ высшаго круга. Не всѣ и мистики, какъ извѣстно, были искренно вѣрующіе. Были между ними и такіе, которые при всей наклонности своей къ мистической созерцательности не чуждались ни выгодъ, ни наслажденій свѣтской жизни. Нѣкоторые мистики, перетолковывая по своему воззрѣнія о. Макарія, считали его даже своимъ, но онъ вовсе не походилъ на нихъ ни по складу ума, ни по образу жизни. Онъ былъ дѣйствительно „человѣкъ духовный", какъ его и называли, но ужъ ни какъ не пошиба мистиковъ того времени. Когда ему было предложено епископство, онъ отказался, потому что это не соотвѣтствовало ни его желаніямъ и стремленіямъ, ни его глубокому смиренію и строгому подвижническому и посреди міра образу жизни. Любя жизнь уединенную, созерцательную, онъ неохотно вращался въ кругу свѣтскихъ людей и ужъ конечно не только не искалъ, но и не желалъ высокаго сана, хотя бы и духовнаго. Не въ его характерѣ была оффиціальная, хотя бы и религіозная, общественная дѣятельность. Онъ былъ точно „не отъ міра сего", какъ выразился о немъ его сослуживецъ въ Екатеринославѣ о. Герболинскій. Отказавшись отъ епископства, о. Макарій подалъ въ Св. Синодъ прошеніе объ увольненіи его на покой въ одинъ изъ монастырей Кіевской лавры, къ разряду соборныхъ іеромонаховъ которой онъ былъ, какъ уже извѣстно, причисленъ указомъ Св. Синода. Въ Кіевъ влекло его и желаніе поклониться угодникамъ въ пещерахъ и желаніе уединиться и подготовить себя къ тому подвигу, о которомъ онъ мечталъ еще на студенческой скамьѣ въ академіи. Мечты юноши какъ о монашескомъ, такъ и о миссіонерскомъ призваніи были поддерживаемы Филаретомъ, который, по всей вѣроятности, не только поддерживалъ эти мечты въ студентѣ Глухаревѣ, но и руководилъ и пріуготовлялъ его къ ихъ осуществленію. Студентъ Глухаревъ, по окончаніи курса въ академіи, не былъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ долженъ былъ идти служить туда, куда направило его на-

чальство. Онъ сдѣлалъ, что могъ и служилъ вѣрой правдой пока хватало силъ, постоянно честно относясь къ своимъ обязанностямъ профессора, инспектора и ректора. Затѣмъ, когда его уволили на покой, онъ о покоѣ-то меньше всего и заботился, а искалъ способы и средства пріуготовить себя къ той дѣятельности, о которой мечталъ еще юношей.

Въ началѣ 1825 года указомъ Святѣйшаго Синода онъ былъ уволенъ отъ духовно-учебной службы на покой въ Кіевскую лавру, съ сохраненіемъ магистерскаго оклада. Получивъ увольненіе онъ ожилъ и духомъ и тѣломъ и несмотря на суровую зиму 1825 года немедленно уѣхалъ изъ Петербурга сначала въ Кострому, для устройства дѣлъ, затѣмъ въ Екатеринославъ, гдѣ и провелъ дня три, для свиданія съ своими немногими друзьями. Въ Екатеринославѣ отъ останавливался въ домѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Тимофеевича Мизько, съ которымъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и нерѣдко переписывался. Добравшись до Кіева, онъ помѣстился въ самой лаврѣ у преосв. Аѳанасія, викарія кіевскаго, съ которымъ скоро сблизился. Въ лаврѣ онъ оставался недолго. Болѣзненное состояніе его усилилось и вынудило его искать болѣе покойное убѣжище въ приписанной къ Кіево-Печерской лаврѣ Китаевской пустынѣ. Здѣсь онъ тоже прожилъ недолго. Въ стремленіяхъ своихъ къ духовному совершенству, онъ желалъ пройти и извѣдать на себѣ всѣ степени послушанія, подъ руководствомъ опытнаго руководителя и наставника въ духовной жизни. Провѣдавъ, что въ Глиновской (въ просторѣчіи Глинской) Богородицкой пустынѣ настоятелемъ — старецъ Филаретъ, такой благочестивый наставникъ и руководитель какого именно и искалъ о. Макарій, онъ въ концѣ 1825 года, испросилъ у Св. Синода переводъ въ ту пустынь (Путивльск. уѣзд. Курск. губ.), и перебрался туда въ концѣ декабря того же года. „Я хотѣлъ среди Глинскихъ братій знакомиться съ искушеніями свойственными монашескому общежитію“, писалъ о. Макарій и затѣмъ о самой обители: „это школа Христова; это одна изъ свѣтлыхъ точекъ на земномъ мірѣ, въ которую, дабы войти, надлежитъ умаляться до Христова младенчества“. (Письмо арх. Макарія, ч. 2, стр. 153). Глинская пустынь была для о. Макарія послѣдней пристанью, гдѣ онъ наконецъ нашелъ все, чего искалъ, чтобы приготовить-

ся къ высокому и трудному подвигу миссіонера. „Я не писалъ и къ о. Филарету, однако всегда сохраняю утѣшительную память моего пребыванія въ его обители, опытныхъ наставленій его и отеческихъ благотвореній, и собираюсь писать къ нему". Такъ писалъ о. Макарій изъ Бійска къ Г. Т. М. (ч. I, стр. 200). Слѣдуя назиданіямъ и совѣтамъ игумена Филарета, о. Макарій въ санѣ архимандрита, проходилъ съ терпѣніемъ и смиренномудріемъ степени послушанія, пока въ 1829 году не былъ вызванъ къ новой дѣятельности. Указомъ 24-го декабря 1828 года Св. Синодъ предписалъ преосв. Евгенію (Казанцеву) архіепископу тобольскому „составить проектъ къ образованію миссіонеровъ, для прочнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ распространенія христіанства въ странѣ Сибирской". Проектъ былъ составленъ ректоромъ и наставниками тобольской семинаріи и доставленъ Св. Синоду. Консисторія собрала свѣдѣнія о желающихъ принять должность миссіонера. Изъ духовенства тобольской епархіи явились и желающіе; но преосвященный разсудилъ имъ отказать, и обратился къ преосвященнымъ курскому и архангельскому, также и къ архимандритамъ соловецкаго и другихъ монастырей, прося увѣдомить, нѣтъ ли въ ихъ вѣдомствѣ желающихъ и способныхъ къ миссіонерскому званію. Это дошло до о. Макарія случайно и довольно страннымъ путемъ, чрезъ Мартина Андреевича Атласа, котораго о. Макарій очень любилъ и уважалъ и о которомъ нерѣдко въ перепискѣ съ знакомыми упоминалъ въ своихъ письмахъ. Этотъ Атласъ былъ человѣкъ очень образованный и глубоко-религіозный; католикъ по рожденію, онъ принялъ православіе, убѣдясь въ превосходствѣ ученія восточной церкви. Странствуя по святымъ мѣстамъ, онъ зашелъ и въ Глинскую пустынь. Посѣтивъ о. Макарія, онъ увидѣлъ, что о. Макарій пріютясь между стѣной и печкой пишетъ: о. Макарій занимался въ это время, по порученію воронежскаго архіепископа Антонія, переводомъ огласительныхъ словъ Ѳеодора Студійскаго, а помѣщеніе устроилъ себѣ для занятій около печки потому, что келлія его не отличалась теплотою: „что ты, о. Макарій, забился и сидишь тутъ въ темнотѣ"? спросилъ Атласъ, войдя въ келію о. Макарія. „Что мнѣ дѣлать, когда я такъ слабъ и чувствую, что вездѣ дуетъ", — отвѣчалъ о. Макарій. „Ты человѣкъ просвѣщенный, тебѣ надобно другихъ просвѣщать, а ты засѣлъ здѣсь въ темно-

ту. Иди, проповѣдуй Евангеліе сибирскимъ язычникамъ, вотъ Св. Синодъ ищетъ такого человѣка". Затѣмъ Атласъ сообщилъ ему извѣстіе о томъ, что по распоряженію Св. Синода тобольскій преосвященный ищетъ желающаго быть миссіонеромъ. Настоятелю Глинской пустыни о. Филарету былъ тоже сообщенъ циркуляръ о вызовѣ желающихъ и способныхъ къ миссіонерскому званію. Вѣсти эти возбудили въ печатлительной и пылкой душѣ Макарія такую энергію, что онъ забылъ о слабости своего здоровья и, испрося благословеніе у настоятеля Глинской пустыни о. Филарета, послалъ въ Св. Синодъ прошеніе о разрѣшеніи ему отправиться въ Сибирь на проповѣдь Евангелія язычникамъ. Хотя Св. Синоду были хорошо извѣстны и строгая жизнь о. Макарія и его высшее богословское образованіе; но поспѣшивъ, конечно не безъ вліянія митрополита Филарета, удовлетворить желаніе о. Макарія, Св. Синодъ отнесся къ этому съ нѣкоторой осторожностью и сносясь съ преосв. Евгеніемъ писалъ: „архимандрита Макарія обратить, по усмотрѣнію вашему, на дѣло проповѣданія, гдѣ представится нужнѣе, въ видѣ, на первый случай опыта, дабы по первымъ дѣйствіямъ его можно было судить; способенъ ли онъ къ пріемлемому на себя дѣлу, и въ состояніи ли будетъ отправлять оное съ желаемою пользою". Въ іюнѣ 1829 года о. Макарій уѣхалъ изъ Глинской пустыни, причемъ проводившій его благопожеланіями о. Филаретъ подарилъ ему на память требникъ съ собственноручной надписью: „1829 года іюня 5 дня. Усердствуетъ въ любви о Господѣ требникъ сей о. архимандриту Макарію, въ память его любви къ обители нашей. Глинской Богородской пустыни строитель Филаретъ. Въ Москвѣ о. Макарій получилъ благословеніе и отъ митрополита Филарета, который былъ очень доволенъ новымъ направленіемъ дѣятельности о. Макарія. Въ Москвѣ о. Макарій предполагалъ сначала дождаться зимняго пути ради удобства сообщеній, но почему-то отправился 1 сентября въ путь и 30 сентября прибылъ въ Тобольскъ. Здѣсь на первыхъ порахъ онъ имѣлъ нечаянную радость сойтись съ своимъ юнымъ другомъ, бывшимъ послушникомъ и келейникомъ Иваномъ, который покинулъ его въ Глинской пустынѣ и котораго онъ считалъ погибшимъ. Иванъ этотъ былъ изъ дворовыхъ людей Смоленскаго имѣнія г. Пашкова. Поступивъ въ монашество, Иванъ попалъ къ о. Макарію въ

послушники и келейники. О. Макарій лелѣялъ и воспитывалъ его къ духовной жизни и видѣлъ въ немъ не слугу, а друга. Иванъ ходилъ за о. Макаріемъ во время болѣзни и вообще служилъ ему „съ незабвеннымъ усердіемъ и честностью“, какъ отзывался о немъ о. Макарій. Вмѣстѣ пріѣхали они изъ Костромы и въ Глинскую пустынь, но тутъ Ивану что-то вздумалось уйти въ Молдавію въ Намецкій монастырь. Точно предчувствуя, что съ Иваномъ случится что-нибудь недоброе, о. Макарій скорбѣлъ о разлукѣ съ нимъ, какъ по родномъ дѣтищѣ. Предчувствія о. Макарія оправдались: еще до отъѣзда изъ Глинской пустыни онъ слышалъ, что Иванъ былъ въ оковахъ переслапъ изъ Молдавіи въ Орелъ. Легко можно представить себѣ восторгъ о. Макарія, когда онъ при встрѣчѣ съ Иваномъ узналъ, что Иванъ не былъ преступникомъ, а отправленъ въ Сибирь на поселеніе какъ непомнящій родства, потому что на границѣ Россіи и Молдавіи его бумаги показались подозрительными карантинному приставу. Иванъ увидалъ о. Макарія при переправѣ чрезъ Иртышъ, стоя на противоположномъ берегу, бѣжалъ за повозкой о. Макарія и нашелъ его на другой день въ архіерейскомъ домѣ. Радостное событіе это описано о. Макаріемъ въ Дневникѣ его, посланномъ преосв. Евгенію. Изъ переписки о. Макарія съ Е. Ѳ. Н. видно, что этотъ Иванъ былъ скоро изъ Сибири возвращенъ, женился и обзавелся своимъ домомъ; но бракъ былъ несчастливъ и Иванъ чрезъ Е. Ѳ. Н. выражалъ желаніе отправиться опять служить о. Макарію при миссіи. Какъ не жалѣлъ Ивана о. Макарій, но принять его отказался и отвѣчалъ: „скажите ему, что кого Богъ сочеталъ, того человѣкъ разлучить не дерзаетъ“... „Пусть будетъ вѣренъ Господу Іисусу Христу и женѣ своей, благословенной Господомъ. Пусть ее сноситъ, пусть нужду терпитъ, трудится, уповаетъ на Бога; пусть будетъ честенъ, строго честенъ, пусть помнитъ Господа, а Господь не забудетъ его, и я благословляю его въ душѣ моей именемъ Господнимъ... Господь вамъ да воздастъ за милосердіе ваше къ Ивану. Зной искушеній опалилъ его; но Господь да убѣлитъ ризу души его въ крови своей! Иванъ! Наше отечество, наше покоище, наше блаженство полное на небесахъ. Желай туда; то и здѣсь тебѣ лучше будетъ. Прости, братъ, Господь съ тобою“ [9]). Приступая къ мис-

[9]) Письма Макарія 1881 г. кн. 1, стр. 54.

сіонерской службѣ, о. Макарій съ согласіи и благословенія преосв. Евгенія выбралъ себѣ въ сотрудники двухъ тобольскихъ семинаристовъ, отличавшихся добрымъ поведеніемъ и изъявившихъ желаніе поступить на миссіонерскую службу; Василія Степанова Попова 22 л. и Алексѣя Терентьева Волкова 18 л. Преосв. Евгеній на прошеніи Попова и Волкова объ увольненіи ихъ изъ семинаріи на миссіонерскую службу положилъ резолюцію: „такъ какъ миссія учреждена по Высочайшему повѣленію, то учениковъ Попова и Волкова уволить, по прошенію, въ епархіальное вѣдомство и снабдить аттестатами послѣ испытаній, съ тѣмъ, чтобы явились съ оными ко мнѣ, причемъ увѣрить, что если будутъ проходить сіе званіе съ усердіемъ и рекомендаціею отъ начальника миссіи, и прослужатъ не менѣе четырехъ лѣтъ, то, въ случаѣ желанія ихъ поступить на мѣсто, не только будутъ пользоваться равными, но и преимущественными правами предъ ихъ товарищами, остающимися при семинаріи или поступающими на мѣста; о чемъ сообщить и въ консисторію, для исполненія въ свое время обѣщанныхъ имъ и будущимъ по нихъ преимуществъ“. Консисторія опредѣлила жалованье миссіонерамъ: командированнымъ не далѣе 500 верстъ семейнымъ 1000 руб. ассигнаціями, безсемейнымъ 600 руб. Командированнымъ далѣе 500 до 1000 верстъ — семейнымъ 1500 руб. безсемейнымъ 1000 руб. а за 1000 до 2000 верстъ и дальше—семейнымъ 2000 руб. а безсемейнымъ 1500 руб., имѣющимъ же архимандритскія и игуменскія степени назначалось жалованье, присвоенное семейнымъ, съ тѣмъ, чтобы они изъ сей суммы употребляли и на прогоны и на кресты новокрещеннымъ и на другія издержки. О. Макарій, желая вести дѣло проповѣди безмездно. отъ жалованья отказался и заявилъ преосв. Евгенію, что удовольствуется своимъ магистерскимъ окладомъ и тогда только будетъ просить пособія, когда его собственныя средства окажутся недостаточными. Идя на проповѣдь Евангелія, о. Макарій предварительно составилъ для руководства замѣчательныя правила въ истинно-христіанско-братскомъ духѣ. Вотъ что написалъ онъ: а) желаемъ, да будетъ у насъ все общее: деньги, пища, одѣяніе, книги и прочія вещи, и сія мѣра да будетъ для насъ удобностію въ стремленіи къ единодушію; б) желаемъ тому изъ насъ, которому опредѣленіемъ начальства будетъ поручено особенное по-

печеніе о дѣлѣ проповѣданія, повиноваться по правиламъ иноческаго общежитія какъ въ порученіяхъ, относящихся къ проповѣданію, такъ и въ другихъ отношеніяхъ и случаяхъ; онъ же долженъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ руководствоваться также правилами общежитія иноческаго, и тѣми постановленіями, какія мы отъ начальства пріимемъ за руководство въ служеніи проповѣданія; в) желаемъ принимать отъ него наставленія со вниманіемъ, смиреніемъ и любовію, а его наставленія должны проистекать изъ слова Божія, и быть согласными съ ученіемъ церкви Восточной и Греко-Россійской; г) желаемъ быть предъ нимъ искренними и откровенными въ частомъ исповѣданіи помысловъ и искушеній нашихъ, и вмѣстѣ съ нимъ учиться у Господа уклоняться отъ зла и творить благое; онъ же обязуется всякое исповѣданіе погружать въ бездну милосердія Божія, отнюдь не обличать явно того, что ему будетъ открываемо за тайну. Какъ въ исправительныхъ, такъ и во всякихъ другихъ мѣрахъ своихъ дѣйствовать въ смиренной памяти о собственной немощи, по долгу любви и снисхожденія къ братіямъ, и безпристрастно принимая отъ нихъ благонамѣренные совѣты, полезныя замѣчанія, кроткія напоминанія; въ случаѣ погрѣшительности поступковъ своихъ искренно виниться предъ ними и просить у нихъ прощенія и пособія къ исправленію своему". Правила эти, за подписью о. Макарія и обоихъ сотрудниковъ его, были представлены преосв. Евгенію, который одобрилъ ихъ для руководства не только о. Макарію и его помощникамъ, но и другимъ будущимъ миссіонерамъ. Донося объ этомъ Св. Синоду, преосв. Евгеній просилъ позволенія „приступить къ выполненію этихъ правилъ въ видѣ опыта съ тѣмъ, чтобы распространить ихъ дѣйствіе въ послѣдствіи и на прочихъ, изъявившихъ и впредь могущихъ изъявлять желаніе быть миссіонерами учениковъ, если первый опытъ будетъ успѣшенъ". Св. Синодъ утвердилъ назначеніе о. Макарія начальникомъ новой миссіи и прислалъ преосв. Евгенію для выдачи о. Макарію и его сотрудникамъ на путевыя издержки 1000 руб., предоставивъ при томъ преосвященному право, въ случаѣ недостаточности этой суммы, выдать еще сколько окажется нужнымъ изъ епархіальныхъ средствъ съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи получить выданное изъ суммъ Св. Синода.

Теперь оставалось только избрать мѣстность, въ которую могла

направиться новая миссія, по соображенію со свѣдѣніями, собранными и доставленными тобольской духовной консисторіей. Сначала о. Макарій, по соглашенію съ своими сотрудниками, рѣшилъ было отправиться къ остякамъ и самоѣдамъ-идолопоклонникамъ, но оказалось, что эти народцы кочуютъ въ болотистой странѣ, съ суровымъ и холоднымъ климатомъ, что не ладило съ слабымъ здоровьемъ ни о. Макарія, ни его старшаго сотрудника. Затѣмъ былъ избранъ народъ киргизскій, кочующій за Петропавловской линіей, въ кокчетавскомъ военномъ округѣ, гдѣ климатъ самый умѣренный въ сравненіи съ другими мѣстностями Сибири, да и языкъ киргизовъ близокъ къ татарскому, который былъ знакомъ уже о. Макарію и его сотрудникамъ, что давало возможность усвоить легко и киргизскій языкъ; но предварительныя сношенія о томъ преосв. Евгенія съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири выяснили, что по политическимъ соображеніямъ это оказалось невозможнымъ безъ особаго на то Высочайшаго разрѣшенія. Киргизы посылали депутаціи въ Петербургъ и просили между разными домогательствами: „въ кокчетавскомъ округѣ укрѣпленій и деревянныхъ домовъ не строить, пашень не пахать, мечетей и школъ не заводить, ахуновъ и указныхъ муллъ не опредѣлять и позволить дѣтей своихъ не отдавать учиться въ школы [10]). Тогда уже окончательно былъ избранъ Бійскій округъ для проповѣди между теленгутами. Весьма осторожная инструкція тобольской консисторіи, утвержденная преосв. Евгеніемъ, гласила такъ: „согласно желанія о. архимандрита Макарія и другихъ семинаристовъ—Попова и Волкова, отправить ихъ въ Бійскій округъ, для обращенія обитающихъ тамъ инородцевъ въ христіанство и выдать имъ походную церковь, снабдивъ оную необходимыми принадлежностями, причемъ велѣть о. архимандриту: 1) изъ близь лежащихъ къ кочевьямъ инородцевъ русскихъ селеній, выѣзжать въ кочевья ихъ, и согласно иструкціи, изданной Св. Правит. Синодомъ въ 1769 году, распространять

---

[10]) О. Макарію не было дозволено обратиться къ киргизамъ съ проповѣдью христіанскою, а муллы и безъ позволенія проникли къ киргизамъ, омусульманили ихъ и успѣли даже завести и школы, противъ которыхъ возставали киргизы, но школы магометанскія конечно. (См. «Моск. Вѣд.» 1885 г. ноября 12, № 313 «Изъ средней Азіи»). Тоже видно и изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Св. Синода. (См. «Моск. Вѣд.» 1885 г. ноября 10, № 311).

постепенно между ними слово Божіе, соображаясь съ §§ 287 288, 290 и 292 Устава объ управленіи инородцевъ, не разглашая однако же, по силѣ помянутой инструкціи, что посланъ онъ для обращенія ихъ въ христіанство отъ правительства; 2) обращаясь между инородцами, рекомендовать ему, о. архимандриту и будущимъ съ нимъ семинаристамъ, учиться языку ихъ и узнавать обычаи и вѣру ихъ; и коль скоро достигнутъ достаточнаго познанія языка ихъ, переводить имъ на оный книги Св. Писанія, вопервыхъ Новый Завѣтъ, Псалтырь и кромѣ сихъ Символъ вѣры, молитву: „Отче нашъ“, заповѣди, катихизисъ и нѣкоторыя, по выбору, житія святыхъ отцовъ; 3) ученикамъ Попову и Волкову быть въ совершенномъ повиновеніи у о. архимандрита, и въ жизни велѣть имъ руководствоваться правилами общежитія, ими самими подписанными добровольно, и съ оныхъ выдать копію, за надлежащею скрѣпою; 4) какъ по настоящему служенію въ миссіи о. архимандритъ Макарій съ его сослужителями должны состоять подъ непосредственною моею зависимостью, то рекомендовать имъ: а) вести сколько возможно постоянный журналъ о дѣйствіяхъ своихъ и представлять оный ко мнѣ чрезъ три мѣсяца; б) не выѣзжать изъ Бійскаго округа безъ моего позволенія; в) о всѣхъ нужныхъ обстоятельствахъ, въ случаѣ потребности новыхъ наставленій, или ограниченія вышеписанныхъ постановленій, относиться прямо ко мнѣ съ рапортами и донесеніями; г) выдать ему архимандриту Макарію, кромѣ копіи съ документовъ въ постановленіи консисторіи упоминаемыхъ, и съ самаго постановленія и съ инструкціи миссіонерамъ, изданной въ 1769 году, также и шнуровую книгу изъ консисторіи, для постояннаго записыванія расходовъ выданной ему суммы, которую и долженъ онъ представлять ко мнѣ вначалѣ каждаго года“. Кромѣ того о. Макарій былъ снабженъ и копіей съ отношенія генералъ-губернатора о сдѣланномъ имъ распоряженіи къ оказыванію о. Макарію гражданскими властями защиты и покровительства.

Къ этому времени относятся два письма митрополита Филарета къ о. Макарію, изъ которыхъ видно, что поводомъ къ нимъ были какія-то недоразумѣнія. Не было ли то желаніе о. Макарія отправиться для проповѣди въ Иркутскъ, тогда какъ имѣлось въ виду направить его въ Тобольскъ? Оба письма во всякомъ случаѣ ясно указываютъ на то, какъ митрополитъ зорко слѣдилъ

за своимъ любимцемъ. Въ концѣ перваго Филаретъ пишетъ: „Доздѣ отвѣтъ. Теперь слѣдуетъ мое письмо. Преосвященный Владиміръ сказываетъ, что вы проситесь въ Иркутскъ. Я предложилъ ему помедлить представленіемъ о семъ, пока я васъ спрошу, не лучше ли въ Тобольскъ. Преосвященному тобольскому поручено составить проектъ миссіонерскаго учрежденія для тамошняго края. Вы его знаете. Итакъ мнѣ кажется, вамъ бы лучше къ нему. Можетъ-быть и планъ воспитанія, который вы создали на воздухѣ, а я съ вами силился основать на водѣ, тамъ хотя частію станетъ на твердую землю. А если не любо будетъ въ Тобольскѣ: то еще успѣете отправиться и въ Иркутскъ; а крюку не будетъ. Отвѣтствуйте. Подъ конецъ скажу, что надлежало бы сказать сначала: благодарю васъ за посѣщеніе, право благодарю съ любовію, желая вамъ мира и спасенія вездѣ. Мар. 28, 1829, В. В—бія. Ус. слуга Ф. М. М—скій. Другое письмо отъ 30 декабря 1829 г. Оно такъ интересно, что мы приведемъ его вполнѣ. „Преподобному отцу архимандриту Макарію о Господѣ радоватися. Помнится, говорилъ я вамъ, при отбытіи вашемъ изъ Москвы, что буду заботиться о вашемъ пути. Помнится, вы обѣщали успокоить меня извѣщеніемъ: случайно ли сего не сдѣлалось или по намѣренію? Если по намѣренію: то мнѣ кажется, что лучше бы знать оное, нежели не знать, чтобы получить наставленіе. Но меня не только успокоилъ, но даже обрадовалъ преосвященнѣйшій архіепископъ тобольскій, извѣстивъ, что ваше прибытіе къ нему было въ мирѣ и съ самою доброю надеждою. Когда представленъ былъ Святѣйшему Синоду завѣтъ вамъ съ двумя учениками семинаріи: я почти смѣяться готовъ былъ надъ тѣми, которые говорили, устоитъ ли сіе дѣло. Какъ съ горы въ яму упадаю я, услышавъ, что въ намѣреніяхъ вашихъ оказываются направленія и перемѣны, озабочивающія вашего пастыря и страннопріимца, относительно ихъ удобоисполнимости. Что сіе значитъ? Простите меня, есть ли погрѣшаю. Желаю, чтобы я оказался погрѣшающимъ. Но признаюсь, что забота преосвященнаго производитъ во мнѣ заботу, не прокрадывается ли тутъ собственное мудрствованіе мимо послушанія и благословенія. Если паче чаянія мое опасеніе не совсѣмъ неосновательно: то надобно заботиться и вамъ и употребить осмотрительность и осторожность. Въ Св. Синодѣ болѣе всѣхъ, по жительству, знаетъ

васъ преосвященный Владиміръ, и любитъ васъ и покровительствуетъ. Но и онъ, предъ послѣднимъ отправленіемъ вашимъ въ Глинскую пустынь, изъявлялъ сомнѣніе, будете ли вы тамъ постоянны. Сомнѣніе сіе подтвердилось опытомъ. При отправленіи вашемъ въ дальній путь онъ изъявлялъ желаніе. Что есть ли вновь откроются событія, подтверждающія сіе сомнѣніе? Можете разсудить сами, какое тѣмъ затрудненіе сдѣлается вамъ и благому дѣлу, на которое вы употреблены. Понудимся, брате, утверждать себя и въ благомъ намѣреніи и въ отсѣченіи своего мудрованія. А если я говорю то, что вы уже дѣлаете, то, по апостолу, тояжде глаголати мнѣ убо нелѣностно, вамъ же твердо. Спасайся, служа спасенью другихъ безъ соблазна и смущенія. Молись о мнѣ, Ф. м. м—скій". Судя по письму этому, вѣроятно были какія-либо недоразумѣнія у преосв. Евгенія съ о. Макаріемъ: тогда о. Макарій гостилъ у преосвященнаго тобольскаго пока шла переписка о миссіи и самъ о. Макарій готовился къ миссіи. Намъ неудалось найти слѣдовъ этихъ недоразумѣній и по всей вѣроятности они не имѣли остраго характера и зависѣли отъ мѣстныхъ условій разногласія, въ какую мѣстность направить миссію, потому что преосвященный Евгеній относился всегда съ любовію къ о. Макарію. Преосвященный Владиміръ, а занимъ и митрополитъ Филаретъ не были близко знакомы съ средой, въ которой приходилось лицомъ къ лицу вращаться о. Макарію, и съ тѣми обстоятельствами, съ которыми приходилось бороться этой чистой и правдивой душѣ, жаждавшей единственно пользы ближнему. О. Макарію было легко оправдать себя въ желаніи перемѣнить мѣсто, стоило только изложить, хотя и далеко не въ томъ неприглядномъ свѣтѣ, въ которомъ намъ представляются обстоятельства, сложившіяся во время его службы въ Екатеринославлѣ; но онъ предпочелъ съ истинно христіанскимъ самоотверженіемъ лучше все перенесть самолично, нежели послужить къ обвиненію какого-либо. Вѣроятно въ Петербургѣ узнали помимо его что-нибудь, потому что тогда онъ скоро получилъ новое назначеніе и съ повышеніемъ даже, какъ мы уже знаемъ. Что-нибудь подобное хотя и въ меньшей мѣрѣ случалось и въ послѣдствіи, что тревожило его духъ и заставляло удаляться и искать покоя совѣсти. Не одинъ онъ служилъ примѣромъ того, какъ и чему подвергаются люди, строго и неу-

клонно исполняющіе свой долгъ. Съ преосв. Евгеніемъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ видно изъ писемъ преосвященнаго и все кончилось благополучно и на этотъ разъ, и 3 августа, о. Макарій отправился съ своими спутниками въ Бійскъ. Обстоятельства его отъѣзда приведемъ изъ Путевыхъ записокъ самого о. Макарія [11]). „1830 г. августа 3, распоряженія епархіальнаго начальства, какія благопотребны были для отправленія нашего въ предназначенный путь, заключились соборною о насъ молитвою св. церкви. Божественную литургію и потомъ молебенъ совершалъ самъ преосвященный. По предварительному его благословенію мы стояли съ преклоненными главами подъ Евангеліемъ, когда святитель изрекалъ повелѣніе Господа и Бога нашего Іисуса Христа, Ему же *дадеся всяка власть на небеси и на земли: шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ*,—Его непреложное упованіе: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка: аминь* (Матѳ. 28, 18—20). По окончаніи молебнаго пѣнія, преосвященный, ставъ на амвонѣ, преподалъ намъ оживленное отеческою любовію наставленіе, ободрялъ насъ всемогущею силою Іисуса Христа, сказавшаго: *идѣ же еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. 18—20). Примѣромъ и словами апостола: *Духъ Святый по вся грады свидѣтельствуетъ, глаголя, яко узы мене и скорби ждутъ. Но ни едино же попеченіе творю, ниже имамъ душу мою честну себѣ, развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію и службу, юже пріяхъ отъ Господа Іисуса, засвидѣтельствовати Евангеліе благодати Божія* (Дѣян. 20, 23, 24); и опять словами Спасителя: *въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16—33), *не бойся малое стадо, яко благоизволи Отецъ Мой дати вамъ царство*; открывалъ намъ высочайшій образецъ единодушія въ таинствѣ единосущной и нераздѣльной Троицы, и самый вѣрный способъ сохранить единеніе между собою—въ союзѣ души съ Богомъ; напоминалъ о блюденіи сердца, какъ о средоточіи христіанскаго подвига;—поучалъ бѣгать своекорыстія и сластолюбія, и приводилъ въ обличеніе сихъ страстей свидѣтельство мудраго: *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже оби-*

---

[11]) Памятникъ трудовъ благовѣстниковъ русскихъ. Москва. 1857.

таетъ въ тѣлеси повиннемъ грѣху (Прем. I; 4); предохранялъ отъ унынія въ трудностяхъ и отъ суетной радости въ успѣхѣ; обуздывалъ ревность въ самыхъ благонамѣренныхъ начинаніяхъ: „вы, младшая братія, говорилъ онъ, ничего и маловажнаго не предпринимайте безъ совѣта вашего старшаго брата“. Наконецъ, представивъ намъ въ руководство и образецъ общество Іисуса Христа съ Его учениками, а по вознесеніи Его обращеніе самихъ апостоловъ, вѣщалъ: *предаю васъ Богови и славу благодати Его могущему наздати и дати вамъ наслѣдіе во языцѣхъ* (Дѣян. 20, 32). Воспоминайте меня въ молитвахъ вашихъ; а моя о васъ молитва будетъ выну крѣпка и прилежна. Грядите съ миромъ“. Тогда, повергшись къ стопамъ архипастыря, мы приняли отъ него святительское благословеніе, и въ сей же день, вскорѣ послѣ вечерни, выѣхали изъ Тобольска и достигли Абалацкаго монастыря“. Здѣсь они прожили три дня, воспользовавшись гостепріимствомъ настоятеля монастыря о. Владиміра. Тутъ въ виду дальнаго пути они окончательно уложили вещи, нужныя для миссіи, въ повозку, которая должна была доставить ихъ въ Бійскъ. Выѣхавъ изъ Абалацкаго монастыря, они въ селеніи Бакмѣевомъ переправились чрезъ Иртышъ и узнавъ, что въ Тарскомъ округѣ свирѣпствуетъ сибирская язва, оставили въ селеніи Готопуповимъ трактъ на Тару и отправились по Тюкалинской дорогѣ. Въ Тюкалинскѣ они отдохнули у мѣстнаго благочиннаго, который разсказалъ имъ случай, записанный въ дневникѣ о. Макарія: „онъ сказывалъ намъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ одна раскольничья деревня, восчувствовавъ гнѣвъ Божій въ чрезвычайной засухѣ, согласилась поднять изъ соборной тюкалинской церкви икону Божіей Матери, и передъ нею совершить на полѣ общее моленіе о ниспосланіи дождя. Но когда совѣщаніе о семъ происходило у земледѣльцевъ; то одинъ изъ нихъ. самый закоснѣлый раскольникъ, изрыгнулъ отъ нечистаго сердца хулу на святую икону, назвавъ ее просто доскою. Другой, желая его усовѣстить, отвѣчалъ ему на это: „что ты говоришь, братецъ? надъ святынею не ругайся“. Вскорѣ потомъ икону изъ церкви подняли, совершили молебное пѣніе и получили дождь благопріятный; а хульникъ вскорѣ пораженъ былъ смертоносною язвою, которая въ теченіе немногихъ дней и его самого низвела во гробъ, и всѣхъ лошадей его изморила“. „Проѣхавъ селенія

Могильное и Пустынное, мы вступили въ Барабинскую степь, въ эту необозримую, наполненную болотами пустыню, безмолвную и печальную какъ могила. Среди первыхъ двухъ Барабинскихъ становъ, одинъ благоразумный земледѣлецъ водрузилъ близь дороги крестъ съ изображеніемъ Христовымъ и при ономъ ископалъ кладезь. Мы съ сердечною радостію издали узрѣли Знаменіе Сына человѣческаго; и какое дѣйствіе въ христіанскихъ душахъ производитъ поклоненіе кресту Господню среди св. четыредесятницы, подобное утѣшеніе, подобную ободрительную прохладу въ сердца вѣрующихъ вливаетъ видѣніе сего креста въ Барабинской степи. Мы спросили ямщика о крестьянинѣ, учинившемъ дѣло столь достойное христіанина: „вѣрно онъ человѣкъ добрый“? Отвѣтъ былъ такой: „можно назвать человѣкомъ“! Поклонившись кресту Господню, мы пили довольно чистую и пріятную воду изъ сего кладезя, „напоминающую о бесѣдѣ Спасителя съ Самарянкою, и пожелали строителю креста благословеній Божіихъ“. Простое, но благоговѣйное чтеніе и пѣніе и усердная молитва земледѣльцевъ въ бѣдномъ сельскомъ храмѣ села Спасскаго, гдѣ путники провели праздникъ Успенія Богоматери, произвели глубокое впечатлѣніе на о. Макарія. „Мнѣ хорошо было съ вами, простыя души“, пишетъ онъ. „Воды соборной молитвы вашей подмывали и поднимали тяжесть мою. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь... нѣтъ, такъ никогда сіи слова не повторялись въ душѣ моей, какъ среди васъ, земледѣльцы, и притомъ въ августѣ и въ году, ознаменованномъ долговременною засухою“. Во время пути онъ пользовался случаемъ вести духовную бесѣду съ тѣми, которыхъ встрѣчалъ и которые желали воспользоваться его бесѣдой. Съ однимъ ямщикомъ евреемъ онъ велъ бесѣду о вѣрѣ, разъясняя ему ветхозавѣтныя пророчества о Мессіи; сначала еврей возражалъ ему, но потомъ замолчалъ и внимательно выслушавъ его, сказалъ, что онъ желалъ и желаетъ стать христіаниномъ, о чемъ уже и послалъ прошеніе въ Томскъ, прося о наставленіи въ вѣрѣ и крещеніи; но предполагаетъ, что прошеніе, оставаясь безъ отвѣта, не дошло по назначенію. О. Макарій взялся помочь ему и написать объ этомъ преосв. Евгенію, за что обрадовавшійся еврей выразилъ ему свою благодарность. Въ одномъ селеніи, въ деревнѣ Тупомовой, гдѣ миссіи пришлось остановиться для ночлега,

о. Макарій узналъ отъ старой вдовы, хозяйки дома, что она очень скорбитъ объ утратѣ умершаго сына, а еще больше о томъ, что онъ умеръ безъ напутствія Св. Тайнами. Высказывая ей слова утѣшенія, о. Макарій узналъ, что она и сама и дѣти ея давно уже не говѣли и не пріобщались изъ опасенія, что послѣ причастія нельзя жить по прежнему. Тогда о. Макарій доказалъ ей всю важность разрѣшенія отъ грѣховъ и значеніе пріобщенія тѣлу и крови Христовой: совѣтовалъ слушаться отца духовнаго, постоянно помнить Бога, наблюдать за своими поступками, словами и мыслями, и при нечаянномъ паденіи обращаться съ сокрушеніемъ сердца къ Отцу Небесному, прося у Него прощенія ради Іисуса Христа. Долго увѣщавая ее, онъ наконецъ увѣрилъ ее, что если она и ея дѣти будутъ ежегодно исполнять свой христіанскій долгъ, то и молитва ея о покойномъ сынѣ будетъ услышана. Тронутая убѣжденіями о. Макарія, старуха обѣщалась слѣдовать его совѣтамъ, а дѣти ея радовались, когда услыхали, что мать и они будутъ причащаться Св. Тайнъ. Останавливаясь у священниковъ, и вступая конечно съ ними въ собесѣдованіе, о. Макарій записывалъ потомъ въ свой дневникъ замѣчательныя случаи, которые приводилось ему отъ нихъ слышать. Прибывъ 23 августа въ Барнаулъ, миссіонеры остановились у тамошняго соборнаго протоіерея о. Созонта, которому доставили посланіе преосвященнаго, „исполненное выраженій архипастырскаго о насъ благоволенія и попеченія“, какъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ о. Макарій. О. Созонтъ снабдилъ о. Макарія всѣми нужными для миссіонерской походной церкви предметами: святымъ мνромъ, ризами, другими священными вещами и богослужебными книгами, за исключеніемъ устава и цвѣтной тріоди, которые обѣщалъ доставить послѣ. Въ Барнаулѣ о. Макарій познакомился съ прежнимъ томскимъ губернаторомъ П. К. Фроловымъ, который заботился объ устройствѣ въ Барнаулѣ новаго храма, показывалъ о. Макарію приготовленныя имъ для этого храма иконы и, выразивъ сочувствіе къ миссіонерскому дѣлу, обѣщалъ пожертвовать для походной церкви миссіи священные сосуды. „Господь да воздастъ ему богатою своею милостію за сію жертву“! По приглашенію же Фролова о. Макарій былъ и въ устроенномъ Фроловымъ въ Барнаулѣ музеумѣ, котораго рѣдкости очень заинтересовали о. Макарія. Чрезъ нѣ-

сколько дней ему пришлось познакомиться и съ новымъ томскимъ губернаторомъ, который пріѣхалъ въ Барнаулъ и также обѣщался помогать о. Макарію, пожелавъ ему при прощаніи, чтобы Господь увѣнчалъ предпринятый имъ трудъ добрымъ успѣхомъ. Утѣшенный и ободренный сочувствіями и обѣщаніями содѣйствія и помощи, о. Макарій съ своими сотрудниками оставилъ Барнаулъ и прибылъ благополучно 28 августа въ Бійскъ (по татарски Яштура, т.-е. Новгородъ), откуда собственно и должна была начаться его трудовая, исполненная лишеній жизнь миссіонера. Татары, теленгуты и киргизы, съ которыми долженъ былъ имѣть дѣло о. Макарій, были почти сплошь язычники; около 300 душъ, не болѣе, были крещены лѣтъ за 70 до прибытія о. Макарія приходскими священниками. Живя по своимъ приходамъ довольно далеко отъ разбросанныхъ тамъ и сямъ новообращенныхъ, приходскіе священники конечно не могли слѣдить за ними и имѣть на нихъ постояннаго и слѣдовательно, настолько достаточнаго вліянія, чтобы имѣть возможность поддерживать между ними самыя необходимыя понятія объ истинахъ христіанской вѣры и отвращать отъ прежнихъ языческихъ обычаевъ. О. Макарію пришлось не только просвѣщать свѣтомъ Христовымъ самыхъ грубыхъ идолопоклонниковъ, но еще наставлять и утверждать въ вѣрѣ крещенныхъ и даже исправлять порою и требы за приходскихъ священниковъ.

Достигнувъ наконецъ Бійска, о. Макарій былъ вынужденъ вмѣстѣ съ своими сотрудниками устроиться у гостепріимнаго бійскаго священника о. Петра Синкина. Пріискать помѣщеніе для миссіи въ маленькомъ городишкѣ было въ то время невозможно. Устроившись кой-какъ, о. Макарій немедленно приступилъ къ дѣлу, которому и посвящалъ себя въ теченіи почти четырнадцати лѣтъ. Сначала онъ обратилъ свою просвѣтительную дѣятельность на тѣхъ инородцевъ, которые освоились настолько съ русскимъ языкомъ, что могли непосредственно понимать о. Макарія, причемъ не упускалъ случаевъ и возможности дѣйствовать черезъ переводчиковъ и на тѣхъ, которые вовсе не понимали русской рѣчи. Затѣмъ, скоро ознакомясь съ телемгутскимъ языкомъ, онъ могъ свободнѣе обращаться прямо къ инородцамъ и посѣщать ихъ въ ихъ юртахъ. Незнаніе мѣстныхъ языковъ не было единственнымъ препятствіемъ, которое необходимо было

устранить. Были и такія, которыхъ устраненіе не зависѣло отъ энергіи о. Макарія. Крайне ограниченныя, можно-сказать нищенскія средства миссіи, природа Алтая, гдѣ приходилось не только пробираться по горамъ и дебрямъ верхомъ и пѣшкомъ, на лыжахъ, лодкахъ, и зачастую просто карабкаться по кругамъ и крутизнамъ, затѣмъ грубое невѣжество полудикихъ народцевъ и нашихъ ссыльныхъ раскольниковъ, и даже мѣстныя власти давали нерѣдко себя знать о. Макарію. Нельзя не подивиться, какъ хватило его силъ такъ долго и постоянно бороться съ этими разнообразными и тяжелыми препятствіями. Только при самомъ началѣ своей миссіонерской дѣятельности онъ былъ порадованъ полнымъ успѣхомъ въ обращеніи первенца, и даже содѣйствіемъ мѣстной власти. Точно само Провидѣніе, привлекая его къ этой новой дѣятельности, къ его настоящему призванію, устраняло препятствія, чтобы не ослабить его энергіи. Онъ и былъ въ дѣйствительности миссіонеръ по призванію, и такой миссіонеръ, котораго апостольская дѣятельность должна служить примѣромъ для всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ посвящать себя миссіонерскому служенію.

Не прошло и трехъ дней какъ къ о. Синкину и по его приглашенію явились два алтайца—язычника, изъ коихъ одинъ былъ зайсанъ (что-то вродѣ наслѣдственнаго старшины): оба они хорошо говорили по русски, что уже само по себѣ составляло большое удобство для о. Макарія въ бесѣдѣ съ ними, но на первый разъ она была неудачна. Грубыя выходки зайсана, который не давалъ говорить о. Макарію, противорѣчилъ ему, вскакивалъ, горячился, бѣгалъ по комнатѣ, тогда какъ его товарищъ слушалъ спокойно и внимательно, вывели наконецъ о. Макарія изъ терпѣнія и онъ прекратилъ бесѣду. Зато вечеромъ того же дня, въ домѣ земскаго переводчика Давыдова, у котораго о. Макарій учился татарскому языку съ цѣлію изложить хоть нѣкоторыя главныя истины христіанскія на языкѣ алтайскихъ инородцевъ, о. Макарій былъ порадованъ двумя инородцами, которыхъ онъ встрѣтилъ у Давыдова. Оба они, отецъ и сынъ, слушали о. Макарія съ замѣтнымъ расположеніемъ къ принятію христіанства; а дня черезъ два и тотъ грубый зайсанъ явился къ о. Макарію съ повинною и не въ томъ уже строптномъ духѣ, въ какомъ былъ у него прежде, но униженно просилъ

прощенія, и столь безмолвно и кротко слушалъ слово о христіанской вѣрѣ, что говорить было „весьма пріятно“—записано въ дневникѣ о. Макарія. Скоро освоясь съ татарскимъ языкомъ, о Макарій пожелалъ побывать въ самыхъ селеніяхъ инородцевъ, чтобы продолжая учиться ихъ языку, вмѣстѣ и проповѣдывать имъ въ ихъ стѣнахъ и кочевьяхъ, не упуская времени и случаевъ. Скоро случай и представился: о. Макарій встрѣтился съ инородцемъ-христіаниномъ Іеремією Параевымъ Шишковымъ, который жилъ въ 90 верстахъ въ селеніи Улалѣ и пріѣхалъ въ Бійскъ по дѣламъ. Отъ него о. Макарій узналъ, что въ Улалѣ въ домѣ Іереміи живетъ 17 лѣтній татаринъ Элеска, который, ознакомясь чрезъ Іеремію съ вѣрой Христовой, желаетъ креститься несмотря на противодѣйствія своего отца. О. Макарій немедленно собрался и отправился въ Улалу, хотя пора была рабочая и лошадей доставать было трудно, а одинъ изъ его сотрудниковъ былъ боленъ, другаго же взять съ собой и оставить больнаго одного безъ призора было нельзя. О. Макарій окрестилъ Элеску въ рѣчкѣ Улалѣ, назвавъ его Іоанномъ. Воспріемникомъ Іоанна былъ сынъ Іереміи Параева Шишкова—Карпъ. Въ Улалѣ же о. Макарій, при помощи тамошняго старшины (Демича) Егора, умѣвшаго хорошо говорить по татарски и порусски, составилъ на татарскомъ языкѣ краткое исповѣданіе вѣры христіанской. Возвращаясь въ Бійскъ, о. Макарій взялъ съ собою новокрещеннаго Іоанна, чтобъ ознакомить его еще подробнѣе съ истинами вѣры и правилами жизни христіанской и избавить отъ преслѣдованія гнѣвнаго отца. Проѣзжая селеніе Маймы вечеромъ, о. Макарій нашелъ тамъ пріютъ и ночлегъ—въ домѣ крещенаго инородца Андрея Чендекова. Узнавъ о его прибытіи, сбѣжались къ нему жители с. Майма съ женами и дѣтьми, большинство которыхъ состояло изъ одних крещеныхъ инородцевъ. „Усердіе ихъ къ слушанію Божественнаго слова“ пишетъ о. Макарій, „заставило меня провесть часа два въ пріятнѣйшей съ ними бесѣдѣ, которую дѣти кончили пѣніемъ“: „Господи помилуй“ и аллилуіа“! Во время пути въ Бійскъ о. Макарій продолжалъ наставлять новокрещеннаго Іоанна, расказывая ему о жизни Іисуса Христа, о св. таинствахъ—крещеніи, муропомазаніи, покаяніи и причащеніи, объясняя ему христіанскія добродѣтели и дѣла противныя закону Божію; говорилъ о

послѣднемъ судѣ Христовомъ, о вѣчной жизни и блаженствѣ праведныхъ и о мученіи грѣшныхъ: заставлялъ повторять молитву къ Сыну Божію и переводить на алтайскій языкъ, повторять и запоминать краткія молитвенныя воззванія по алтайски. По пріѣздѣ въ Бійскъ, сотрудники о. Макарія Поповъ и Волковъ стали помогать ему и всѣ трое попеременно учили новокрещеннаго, который скоро выучилъ молитву Господню и краткое исповѣданіе вѣры, составленное о. Макаріемъ на алтайскомъ языкѣ въ Улалѣ. Тутъ были изложены кратко: понятіе о совершенствахъ Божіихъ, о сотвореніи міра, ангела и человѣка, о паденіи сатаны, о грѣхѣ первыхъ людей и о таинствѣ искупленія. Затѣмъ было ему прочитано изъ Евангелія: „о рожденіи, чудесахъ, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи Іисуса Христа и въ особенности о тайной вечери“. Мы внушали ему, сколь опасно и бѣдственно приступать недостойно къ таинству тѣла и крови Христовой, и старались утвердить въ душѣ его память о томъ, что Кровь Сына Божія Іисуса Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха. О. Макарій, служившій первый разъ въ Бійскомъ соборѣ, наканунѣ Воздвиженія Честнаго Креста Господня, всенощную, а въ самый день праздника литургію, такъ описываетъ причащеніе св. тайнамъ Іоанна: „Когда онъ приступилъ къ чашѣ благословенія, я спросилъ его на здѣшнемъ татарскомъ нарѣчіи: братъ Іоаннъ! скажи мнѣ вѣру твою! онъ отвѣчалъ: Покланяюсь Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь. И далѣе: Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ во Отцѣ, и Святый Духъ въ Отцѣ и Сынѣ. Отецъ раждаетъ Сына и Духъ Святой отъ Отца исходитъ и сіи три одно, не три Бога, но Единъ Богъ. Потомъ я спросилъ: какъ Богъ Отецъ рождаетъ Сына и какъ Духъ Святой отъ Отца исходитъ? На сіе онъ отвѣтствовалъ: не вопрошай о семъ, Онъ одинъ знаетъ сіе. Молитвы: „Вѣрую Господи и исповѣдую, и „Вечери Твоея Тайныя“ произнесъ сперва на славянскомъ языкѣ, выговаривая за мною по одному слову и потомъ на природномъ своемъ нарѣчіи произносилъ: „Сыне Божій, Іисусе Христѣ! Ты истинный Богъ мой, Ты пришелъ спасти грѣшниковъ. Я первый грѣшникъ. Помилуй меня“. „Іисусе Христе, Сыне Божій! сіе есть тѣло Твое, сія есть Кровь Твоя. Тѣломъ Твоимъ напитай меня. Кровію Твоею отъ грѣха очисти меня. Тѣломъ Твоимъ и Кровію Твоею укрѣпи

меня на всѣ благія дѣла. Аминь". Послѣ сего рабъ Божій Іоаннъ причастился Тѣла и Крови Господней во оставленіе грѣховъ въ жизнь вѣчную". О. Макарій имѣлъ въ виду новокрещеннаго Іоанна, отличавшагося смышленностію, оставить при миссіи, выучить его читать и писать по русски и сдѣлать переводчикомъ; но онъ отказался, выразивъ желаніе вернуться въ Улалу и заняться земледѣліемъ. Выучивъ его еще читать молитвы къ Богоматери „Богородице, Дѣво радуйся" мы ему на бумагѣ дали образъ краткаго молитвословія, дабы въ случаѣ забвенія могъ онъ по сей запискѣ найдти пособіе у кого-либо изъ людей грамотныхъ, и поручивъ его милосердію Божію, отпустили его въ Улалу". Получивъ письмо о. Макарія, благодарившаго преосвященнаго за гостепріимство и извѣщавшаго о крещеніи татарина, добрый и всѣми любимый архипастырь писалъ ему: „обращеніе вами татарина преисполнило меня живѣйшею радостію. Привѣтствую васъ отъ всей души съ симъ первенцемъ благодати Божіей, коей именемъ онъ запечатлѣнъ; и молю Господа да отверзетъ и другимъ многимъ дверь своего милосердія вашимъ словомъ и молитвою. Благодарность ваша за девятимѣсячное у меня жительство справедливѣе должна обратиться отъ меня къ вамъ. Ибо раствореніе царствія Божія въ трехъ сатѣхъ освящало, а не истощало домъ мой, и вы опечалите меня, ежели отречетесь быть и именоваться моимъ семьяниномъ даже и въ отдаленіи. Аще и не сый тѣломъ, но живу съ вами духомъ". Разставшись съ новокрещеннымъ, о. Макарій не переставалъ заботиться о немъ. Прежде всего онъ выпросилъ у исправника предписаніе на даровой для Іоанна переѣздъ въ Улалу, а какъ новокрещенному очевидно нельзя было вернуться въ семью кочевавшаго близь Улалы отца, гдѣ его ждали непріятности, можетъ-быть даже и совращеніе къ прежнему нечестію, то о. Макарій чрезъ того же исправника хлопоталъ о распространеніи на Іоанна Высочайше утвержденнаго 17 іюня 1826 года, положенія Государственнаго Совѣта о новокрещенныхъ, которымъ они освобождались въ теченіи трехъ лѣтъ ото всѣхъ повинностей и податей и о припискѣ Іоанна къ христіанскому обществу и водвореніи его среди христіанскихъ семействъ. Мѣсяца черезъ два бійскій исправникъ сообщилъ о. Макарію, что изъ Томской казенной палаты послѣдовалъ запросъ о томъ—къ какому обществу же-

лаетъ принадлежать новокрещенный Іоаннъ Шишковъ и прибавилъ отъ себя, что у него уже готово и предписаніе, что Ивана Шишкова привезли въ Бійскъ для отобранія отъ него отвѣта. Этотъ оборотъ дѣла озадачилъ о. Макарія, успѣвшаго уже познакомиться съ характеромъ и обычаями инородцевъ. Такое требованіе начальства некрещенные инородцы приняли бы за притѣсненіе новокрещеннаго со стороны начальства, не желавшаго, по ихъ мнѣнію, перемѣны вѣры. Предполагая, что соблюденіе такой формальности будетъ пожалуй и для Ивана Шишкова оскорбительно и повредило бы ему не только въ глазахъ его бывшихъ единоцѣрцевъ, но что еще всего важнѣе отозвалось бы крайне вредно на успѣхъ Евангельской проповѣди среди иновѣрцевъ, о. Макарій попросилъ исправника поручить это дѣло ему лично, на что исправникъ согласился. Опасеніе о. Макарія было основательно и если не въ этомъ случаѣ, то въ другихъ нашло оправданіе, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. „Уваживъ мое прошеніе“ пишетъ о. Макарій въ своемъ дневникѣ „Федоръ Андреевичъ (имя исправника Серебренникова) сотворилъ полезное для служенія нашего дѣла“. О. Макарій побывъ въ Улалѣ для проповѣди, отобралъ отвѣтъ отъ Іоанна, который и былъ потомъ водворенъ въ Улалѣ и причисленъ къ тамошнимъ христіанскимъ семействамъ. Этого перваго факта миссіонерской дѣятельности о. Макарія было бы совершенно достаточно для убѣжденія въ томъ, какъ всесторонне относился онъ къ своему призванію; но приведемъ еще нѣсколько выписокъ изъ его дневника, который онъ долженъ былъ вести для преосвященнаго Евгенія и въ которомъ всего рѣже встрѣчается его Я, тогда какъ извѣстно, что его старшій сотрудникъ въ ноябрѣ 1830 г. скончался, а младшій во второмъ году службы женился на дочери приказнаго чиновника и вышелъ въ гражданскую службу.

Мы должны сообщить еще предварительно вкратцѣ и о подготовительной къ проповѣди дѣятельности о. Макарія. Новокрещенный татаринъ Іоаннъ хорошо понималъ и говорилъ по русски; но о. Макарію предлежало имѣть дѣло и съ незнавшими и непонимавшими русскаго языка и онъ немедленно принялся за изученіе мѣстныхъ нарѣчій: для этого онъ отлучался изъ Бійска, неутомимо совершая поѣздки верстъ за 100 и болѣе. Такъ онъ ѣздилъ въ отстоящій отъ Бійска на 120 верстъ Антоніевскій форпостъ

для изученія калмыцкаго языка, въ Сандыпскій, на правомъ берегу Біи, въ 100 верстахъ отъ Бійска, для лучшаго ознакомленія съ татарскимъ, а между тѣмъ не упускалъ всюду случая и для проповѣди. Въ Сандыпскомъ форпостѣ онъ встрѣтилъ татарина-христіанина, который сообща съ однимъ казакомъ помогъ ему перевесть на мѣстное татарское нарѣчіе молитву Господню „Отче нашъ“ и десять заповѣдей, но все это было недостаточно. и о. Макарій пишетъ: „крайняя нужда въ постоянномъ толмачѣ была чувствуема со времени самыхъ первоначальныхъ опытовъ и дѣйствій миссіи нашей въ здѣшнемъ краю. Доселѣ мы какъ бы ходили по міру и побирались: накопляемое нами собраніе татарскихъ словъ и рѣченій уподоблялось сумѣ нищаго, въ которой куски всякаго хлѣба, и мягкаго и черстваго, и пшеничнаго и ржанаго, и свѣжаго и загнившаго, — все безъ разбора смѣшано, и все вмѣстѣ составляетъ тяжелую ношу. Бѣднякъ, который воздыхалъ прежде, смотря на пустую суму свою, теперь, когда сума его сдѣлалась полна, опять вздыхаетъ, зная, что носимое имъ бремя не можетъ освободить его отъ горькой бѣдности. Таковы были наши добычи въ знакомствѣ съ различными нарѣчіями, употребляемыми въ различныхъ племенахъ инородцевъ. Тутъ были свѣдѣнія почерпнутыя изъ разныхъ источниковъ, какіе мы встрѣчали на пути своемъ: ибо записки наши составлялись частію подъ руководствомъ бійскихъ мѣщанъ, изъ коихъ одни ведутъ торговлю съ алтайцами и черновыми татарами, а другіе бываютъ въ должности толмачей при земскомъ судѣ и и полиціи; частію съ словъ казаковъ и поселянъ, живущихъ въ смежности съ инородцами и имѣющихъ частое съ ними сношеніе; частію изъ собесѣдованій съ крещенными инородцами, которыхъ отцы или дѣды приняли христіацскую вѣру первые въ родѣ своемъ, и которые знаютъ не столько уже татарскій языкъ, сколько русскій;—частію изъ разговоровъ съ некрещеными татарами, мало еще знакомыми съ русскимъ языкомъ. Тутъ были слова кумандинцевъ, черновыхъ татаръ, телеутовъ, алтайцевъ; всякой всячины накопилось столь много, что не легко было привести сіи хаосное смѣшеніе въ стройный порядокъ. Что, думалъ я, изъ всего этого можетъ выйдти, кромѣ примѣчательной нелѣпости? Изъ всѣхъ нарѣчій, которыя хотя и сходны между собою, но и отличны одно отъ другаго, надлежало избрать болѣе

употребительное;—словарь его составлять обычнымъ порядкомъ, замѣчать, сколько можно, особенности свойственныя другимъ нарѣчіямъ; и такимъ образомъ, изучая одно, знакомиться мало по малу и съ прочими. Мы могли уже предлагать инородцамъ существенное ученіе Христовой вѣры и приглашать ихъ въ церковь Христову нарѣчіемъ черновыхъ татаръ и алтайцевъ, но въ переложеніи священнаго писанія на то или другое нарѣчіе неспособны были сдѣлать безъ толмача даже и шагу. Между тѣмъ по мѣрѣ умноженія новокрещенныхъ, изъ которыхъ многіе вовсе не говорятъ по русски, со дня на день открывалось болѣе случаевъ, въ коихъ потребность постояннаго толмача давала себя чувствовать очевиднѣйшимъ образомъ"... О. Макарій нашелъ наконецъ столь желаннаго толмача въ новокрещенномъ Өеодорѣ и считалъ это для себя „знаменіемъ особеннаго благоволенія и милосерднаго попеченія Божія о дѣлѣ нашего служенія". Съ этимъ Өеодоромъ онъ приступилъ къ переложенію св. евангелія отъ Матөея на татарское нарѣчіе черновыхъ инородцевъ. Немало затрудненій доставляли о. Макарію и давнокрещенные: „при наставленіи новокрещенныхъ", говоритъ онъ, „какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, надлежало немало бороться съ предразсудками давнокрещенныхъ христіанъ, которые пріемля участіе въ свойственныхъ въ службѣ нашей занятіяхъ, безъ предварительнаго съ нами совѣщанія, иногда въ самомъ дѣлѣ помогаютъ намъ, а иногда умножаютъ наши затрудненія. Ибо если новокрещенный не говоритъ по русски, то мы учимъ его совершать молитвословія на природномъ его нарѣчіи; а незванные сотрудники наши, и даже тѣ изъ нихъ, которые, будучи природными татарами, сами говорятъ по татарски, внушаютъ ему, что онъ, оставивъ татарскую вѣру и принявъ русскую (не говорятъ христіанскую, но или русскую или крещеную) непремѣнно долженъ молиться русскимъ языкомъ хотя и вовсе непонимаетъ его. Они поспѣшаютъ пріучить его къ странному произношенію молитвы, называемой Іисусовою, которую сами произносятъ неправильно; а разумѣютъ ли, и стараются ли разумѣть, о томъ и неспрашивайте. Такимъ образомъ вниманіе новокрещеннаго возмущается: онъ не знаетъ, чего держаться, и кого слушать и когда въ памяти его татарскія слова смѣшаются съ русскими, то случается, что онъ, начавъ молитвословіе

на татарскомъ языкѣ, потомъ сбивается на русскій, и ни какъ не можетъ выйдти изъ сей запутанности". Все это усугубляло его трудъ, можетъ-быть порой и волновало его, но неустанной дѣятельности его не могло служить препятствіемъ. Онъ никому не отказывалъ въ своемъ пособіи, въ своемъ содѣйствіи. Въ редутѣ Семеновскомъ онъ написалъ прошеніе преосвященному Евгенію, отъ имени одного отставнаго казака римско-католическаго исповѣданія, пожелавшаго присоединиться къ Восточной православной церкви. По просьбѣ обращавшихъ къ нему татаръ-христіанъ, крестилъ новорожденныхъ младенцевъ, причащалъ св. таинъ, напутствовалъ умирающихъ, служилъ вечерню, утренню и часы гдѣ имѣлись часовни; въ селеніяхъ, гдѣ случалось проѣзжать, проповѣдывалъ, если представлялась малѣйшая возможность; если же замѣчалъ нежеланіе, то не настаивалъ, оставляя до другаго болѣе благопріятнаго времени и настроенія слушателей. Такъ одна старуха татарка, сопротивляясь сама, не препятствовала своимъ двумъ внукамъ вступить въ церковь Христову, но затѣмъ сама пришла вмѣстѣ съ внуками и объявила рѣшительную волю принять св. крещеніе. Случилось это 6-го декабря въ день Святителя Николая, послѣ того, какъ о. Макарій служилъ часы въ своей квартирѣ и потомъ по желанію мѣстныхъ жителей святилъ воду. „Велика милость Божія! въ удивленіи говоримъ мы сами себѣ". Такъ записалъ о. Макарій. „Воистинну, сіе есть дѣло молитвъ Угодника Божія и Чудотворца Николая! И тогда же всѣ они трое крестились во имя Святыя единосущныя и нераздѣльныя Троицы. Послѣ обѣда, освятивъ воду, мы окропили все имущество, находившееся въ смиренной ихъ хижинѣ; и тутъ же узнали, что старица Т—ка и внуки ея прошедшую ночь провели безъ сна, что хотя у нихъ и было при готовлено конье мясо для ужина, однако никто не рѣшился вкушать его; и что они пребывали въ глубокой думѣ, пока всѣ трое маніемъ Божіимъ не соединились въ единодушномъ и искреннемъ желаніи быть христіанами. Старица Т—ка наречена въ св. крещеніи Анною, старшій внукъ ея Саввою, а младшій—Николаемъ. Послѣ сего раба Божія Анна всѣ свои такъ-называемыя куколки, которымъ по прежнему суевѣрію приписывала важную значительность, собрала и безъ всякаго смущенія отдала мнѣ для сожженія". Затѣмъ онъ и послѣ посѣщалъ новокрещенныхъ. „Я старался утвердить ихъ въ

тѣхъ мысляхъ; какія первоначально были имъ внушаемы. Они молились вмѣстѣ со мною; и когда я просилъ старицу Анну молиться по временамъ сими словами Спасителя: Отче нашъ, да будетъ воля Твоя! то узналъ, что она прежде молилась такъ: „Боже мой! куда Ты скрылся? Посмотри на меня“. Кто бы могъ не одобрить и сего молитвословія? „О. Макарій снабжалъ грамотныхъ священной исторіей, катихизисомъ и письменными краткими молитвословіями для того, чтобы читать собиравшимся по вечерамъ жителямъ и дѣтямъ ихъ и совершать вмѣстѣ съ ними молитвословіе. При всемъ рвеніи о. Макарій былъ и остороженъ. Такъ явившагося къ нему двадцатилѣтняго татарина съ изъявленіемъ желанія принять св. крещеніе онъ довелъ распросами до того, что татаринъ признался въ томъ, что былъ пойманъ въ воровствѣ и состоитъ подъ судомъ. Тогда о. Макарій, не смотря на увѣренія татарина, что онъ желаетъ принять св. крещеніе не для того, чтобы избавиться отъ наказанія, что онъ и прежде совершенія преступленія желалъ креститься, рѣшилъ удержать его до времени подъ сомнѣніемъ, но преподалъ ему наставленіе, училъ призывать имя Господа Іисуса Христа и творить знаменіе креста. Обратясь за разъясненіями къ исправнику, къ сторожамъ, подъ надзоромъ которыхъ татаринъ содержался, и къ другимъ лицамъ о. Макарій узналъ, что хотя татаринъ и не совсею искренностію расказалъ о своемъ ночномъ дѣлѣ, но что онъ и прежде проступка своего дѣйствительно выражалъ желаніе сдѣлаться христіаниномъ, поводомъ къ чему послужили найденные имъ въ полѣ крестъ и нѣкоторыя иконы, что и навело его на мысль, по толкованію русскихъ земледѣльцевъ, что обрѣтеніе этихъ св. предметовъ было знаменіемъ воли Господней. Приставники же утверждали, что онъ послѣ наставленій о. Макарія сталъ прилежно Богу молиться. Тогда о. Макарій, съ разрѣшенія исправника, перевелъ татарина въ свою квартиру, гдѣ и стали его приготовлять къ св. крещенію. Татаринъ оказался кстати отлично говорившимъ по русски, что дало возможность миссіонерамъ еще больше ознакомиться съ мѣстнымъ татарскимъ навѣчіемъ, и „написать на семъ языкѣ такое изложеніе христіанской вѣры, которое было бы полнѣе краткаго символа, и въ которомъ можно было бы видѣть и основаіе и послѣдованіе единой истинной вѣры, по крайней мѣрѣ въ глав-

ныхъ чертахъ, для убѣжденія необходимыхъ". Затѣмъ послѣ наставленій и испытаній, татаринъ былъ введенъ предъ литургіею въ чинъ оглашенныхъ и названъ Василіемъ. При окончаніи литургіи оглашенныхъ, онъ припадалъ къ стопамъ вѣрныхъ, прося каждаго помолиться о немъ грѣшномъ и нищимъ подавалъ лепту, а тѣ сами „съ молитвою преклонили колѣна за припадавшаго къ ихъ колѣнамъ" молясь о немъ. „Февраля 1-го оглашенный Василій благодатію всемилостиваго Бога удостоенъ нынѣ св. крещенія и причастился Тѣла и Крови Христовой: онъ исповѣдывался предъ литургіею съ благонадежною искренностію. Новокрещенный сказывалъ, что отецъ его, старикъ лѣтъ 80, остающійся еще во тьмѣ суевѣрія, обѣщался за нимъ послѣдовать въ принятіи христіанской вѣры. Онъ говорилъ также, что станетъ приглашать другихъ татаръ въ нашу церковь; а мы учили его внушать всѣмъ, что кто вѣруетъ во Іисуса Христа, Сына Божія, того душу Богъ развязываетъ и очищаетъ отъ всѣхъ грѣховъ, и принимаетъ въ любовь свою и въ царство небесное; а кто не вѣруетъ въ Сына Божія, Іисуса Христа, тотъ остается подъ гнѣвомъ и проклятіемъ Божіимъ по грѣхамъ своимъ и осужденъ будетъ по смерти вмѣстѣ съ діаволомъ, на вѣчную муку въ огнѣ, который никогда не угасаетъ". Василій оставался потомъ недѣли двѣ при миссіи, ходилъ каждый день въ церковь на литургію, слушалъ чтеніе евангелія, или простое какое-нибудь наставленіе къ душевнымъ нуждамъ своимъ ближайшее, или трудился въ переводѣ изложенія вѣры на татарскій языкъ. Приведемъ еще одинъ примѣръ осторожности о. Макарія, примѣръ, свидѣтельствующій о томъ, что онъ не гнался за количествомъ обращенныхъ, а за ихъ нравственными качествами. Такъ одинъ 20 лѣтній татаринъ, хилый, видѣвшій только однимъ глазомъ, праздношатавшійся какъ бродяга, изъявилъ желаніе креститься. О. Макарій долго не соглашался приступить къ совершенію таинства надъ нимъ, сначала потому, что татаринъ, по легкомыслію своему и непостоянству, не могъ найдти воспріемника; а потомъ даже и тогда, когда его воспріемницей быть пожелала тетка татарина новокрещенная старица Анна, предлагавшая замѣнить ему родную мать и принять къ себѣ, считалъ сначала нужнымъ подвергнуть его испытанію и пріучить его къ труду. „Изъ всѣхъ новокрещенныхъ", замѣчаетъ о. Макарій, „первый онъ

проходилъ столь долгое испытаніе, но безъ ропота, въ смиренномъ терпѣніи и ожиданіи. Ибо какъ всѣ называли его малоумнымъ и охуждали, то, вѣроятно, и самъ онъ привыкъ думать о себѣ подобнымъ образомъ, и потому ожидалъ св. крещенія, какъ милостыни, которой не почиталъ себя достойнымъ и не смѣлъ требовать. Да сбудется и на немъ оное слово ап. Павла: буіе Божіе премудрѣе человѣкъ есть: и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть. И еще: буяя міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ: яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ (1 Кор. 1, 25—29). Обучая Захарію (такъ назвалъ онъ татарина) познанію евангельскихъ истинъ, я не замѣтилъ въ немъ малоумія; но видѣлъ, что у него есть сердце способное любить Бога, и познавать, что Богъ есть всесовершенная любовь. Ни старица Анна, ни внуки ея, ни сосѣди ихъ не говорили уже, что онъ лѣнивъ, легкомысленъ, непостояненъ; онъ помогалъ жившимъ съ нимъ сколько могъ; и нашедши постоянный для себя пріютъ, сдѣлался безпечаленъ, спокоенъ и не показывалъ болѣе охоты бродить безъ цѣли. А какъ жилъ во время испытанія, такъ ведетъ себя и по крещеніи. Да сохранитъ его Матерь Божія подъ благодатнымъ покровомъ своимъ". Проживъ до половины зимы въ Бійскѣ, о. Макарій отправился, въ февралѣ 1831 года, въ сопровожденіи своего сотрудника Волкова въ Сайдыпскій форпостъ. Тутъ была часовня, въ которую и помѣстилъ походную церковь. Встрѣченный, какъ гость давно желанный и долго жданный, о. Макарій рѣшился, по просьбѣ жителей форпоста Сайдыпскаго и редута Сайлапскаго, провести тутъ весь великій постъ и отпраздновать пасху, служилъ для нихъ во время св. четыредесятницы, исповѣдалъ ихъ и причастилъ Св. Таинъ Христовыхъ; здѣсь же исповѣдывался и причастился извѣстный уже намъ—новокрещенный Іоаннъ, и сюда же приходила навѣстить о. Макарія новокрещенная старица Анна со старшимъ внукомъ своимъ, „молилась Богу въ походной церкви нашей, и въ первый разъ по крещеніи видѣла церковь". По вечерамъ сходились къ о. Макарію на бесѣды нѣкоторые изъ крещеныхъ, „равно какъ и казаки сего форпоста по вечерамъ утѣшали насъ доброхотнымъ вниманіемъ предлагаемому имъ полезному чтенію".

„Теперь случилось мнѣ на самомъ дѣлѣ испытать какихъ внутреннихъ и внѣшнихъ трудовъ исполнена должность приходскихъ священниковъ, какой требуетъ силы духа, какого навыка въ умномъ трезвѣнiи, постоянства въ терпѣнiи, зрѣлости въ разсужденiи, какой крѣпости силъ тѣлесныхъ и близости къ сердцу Iисуса Христа. Потому сколь неумѣрены и несправедливы многiе въ своихъ слишкомъ взыскательныхъ сужденiяхъ о немощахъ служителей церкви". На масляницѣ Сайдыпскiя казачки надоѣдали ему мiрскими пѣснями. Онъ далъ имъ VI пѣснь лепты (покаянную) [12]: „сестры Богъ спасти насъ можетъ". Здѣсь онъ былъ счастливѣе чѣмъ въ Екатеринославѣ. Тамъ онъ вызвалъ насмѣшки и даже преслѣдованiя со стороны ректора семинарiи за свой благой совѣтъ семинаристамъ пѣть вмѣсто мiрскихъ пѣсенъ духовныя; здѣсь же простыя неученыя казачки его послушались. „Но сколько для христiанъ Сайдыпскихъ прiятно было пребыванiе наше съ церковью въ ихъ селенiи, столько жъ и для насъ въ странствованiи утѣшительна была возможность упражняться въ церковномъ Богослуженiи и совершать Божественную литургiю въ великiй постъ и въ недѣлю Святыя пасхи. Да будетъ приснопамятнымъ сiе благодѣянiе, которое архипастырь оказалъ здѣшней миссiи! Мы праздновали пасху въ Сайдыпѣ съ радостiю, хотя и не безъ горькаго зелiя— искушенiй. Бдѣнiе на первый день было украшено и у насъ торжественнымъ освѣщенiемъ, хотя составляли оное, кромѣ свѣчей церкви, весьма немногiя плошки. Зато вечернее освѣщенiе, въ нѣкоторые дни пасхальной недѣли, великолѣпiемъ своимъ едвали не превосходило всѣ знаменитыя иллюминацiи: у насъ пылали горы: ибо въ то время выжигали негодную траву, оставшуюся на горахъ отъ прошедшаго года. Самымъ же лучшимъ украшенiемъ нашей пасхи было благодушное послушанiе Сайдыпскихъ женщинъ; онѣ какъ чрезъ весь постъ, такъ и въ сiю седмицу воздерживались отъ мiрскихъ пѣсней и за то получили позволенiе пѣть въ самой церкви пасхальныя пѣсни, которыми увеселялись и по домамъ. Нѣкоторыя же изъ возрастныхъ дѣвицъ Сайдыпскихъ усердно

---

[12]) *Лепта* была впослѣдствiи издана въ пользу церковной алтайской миссiи безъ означенiи имени автора о. Макарiя, также какъ и все напечатанное имъ при жизни.

возжелали учиться грамотѣ, дабы самимъ читать Божественныя книги; и на сей конецъ получили отъ меня азбуки въ церкви при всемъ народѣ. Въ продолженіи всей пасхальной седмицы онѣ проводили за сими книжицами, по добровольной охотѣ своей, у одной, пожилыхъ лѣтъ вдовы—грамотеи, въ то время, которое суетность отдаетъ для однихъ игръ и забавъ. А когда нападала на нихъ скука, принимались пѣть: Христосъ воскресе!, и какъ онѣ, такъ и прочія увѣряли меня, что никогда столь мирно и весело не праздновали Свѣтлаго воскресенія Христова, какъ нынѣ". Жители Сайдыпскаго форпоста просили о. Макарія избрать ихъ селеніе постояннымъ своимъ мѣстопребываемъ; но онъ видя, что татары въ этомъ краю не показываютъ такой склонности къ христіанству, какъ татары, кочующіе за Біею и что Улала какъ мѣсто болѣе центральное представляетъ больше удобствъ и для присмотра за новокрещенными и для дѣйствія во всей области черновыхъ татаръ и виды на самыхъ калмыковъ, избралъ Улалу станомъ для миссіи и въ маѣ 1831 года, перебрался туда и помѣстился въ купленной по его порученію и перевезенной еще по зимнему пути избѣ. Не успѣвъ склонить о. Макарія избдать Сайдыпъ миссіонерскимъ станомъ, сайдыпскіе жители провожали походную церковь миссіи съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ; за то и о. Макарій пишетъ о нихъ: „будьте благословенны Богомъ, сайдыпскіе братія! усердіе ваше оставило въ душѣ моей утѣшительное воспоминаніе. Вы поведеніемъ своимъ утвердили меня въ той мысли, что дисциплина воинская, выправляя тѣла, болѣе или менѣе исправляетъ и души, и располагаетъ ихъ къ евангельскому послушанію". Скоро однако о. Макарію пришлось покинуть Улалу. Узнавъ, что улалинцы опасаясь быть крещеными, собрались откочевать въ Кузнецкій округъ, куда миссіонеры не ѣздили, о. Макарій, чтобы устранить ихъ неосновательныя опасенія и самую перекочевку, предпочелъ лучше перебраться въ селеніе Майму, въ 8 верстахъ отъ Улалы и уже изъ Маймы дѣйствовать на теленгутовъ и черновыхъ татаръ. Не мало было хлопотъ о. Макарію и съ новокрещенными. „Семейству новокрещеннаго Григорія, въ которомъ", пишетъ онъ, „и мужъ и жена не знаютъ первыхъ потребностей добраго хозяйства грозятъ не малыя огорченія, въ особенности со стороны свойствен-

ной здѣшнимъ почти дикимъ людямъ привычки терпѣть все кромѣ полезнаго труда и понужденія къ оному. Это представляется имъ жестокимъ оскорбленіемъ вожделенной для нихъ свободы, хотя такая для ихъ свобода есть плачевное рабство подъ игомъ своеволія, наказуемаго разнообразною нищетою и бѣдностію: кто изъ числа ихъ, соединившись съ христіанскою церковію еще въ отроческія лѣта, находитъ потомъ пріютъ въ домѣ трудолюбиваго земледѣльца, тотъ будучи побуждаемъ иногда угрозою, а чаще ласкою и похвалою, легко измѣняется въ нравахъ и оставляя праздность, мало-по-малу знакомится съ полезными въ домоводствѣ искусствами. Такимъ образомъ составились въ здѣшнемъ краѣ цвѣтущія довольствомъ селенія изъ крещеныхъ татаръ, которые въ свою чреду новообращенныхъ братій своихъ пріучаютъ къ тому же, чему сами въ молодыхъ лѣтахъ не безъ скорби учились. Но кто женатъ, нажилъ дѣтей и прожилъ уже половину вѣка своего до крещенія, какъ нашъ Григорій, тому трудно бороться съ навыками глубоко-вкоренившимися, и еще труднѣе пріучить къ порядку хозяйства жену и дѣтей. Но невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога (Лук. 18, 27); въ семъ токмо словѣ Божественной истины находитъ утѣшеніе мысль, устрашаемая разными видами возможностей горестныхъ! Новокрещенный Григорій и жена его съ груднымъ на рукахъ ребенкомъ, когда снѣгъ уже таялъ, а Майма поверхъ льда бѣжала, пѣшествовали изъ деревни Верхняго-Карагужа до стана миссіи и обратно. Приходили къ намъ съ жалобою на воспріемника и, дабы неудовольствіямъ своимъ дать сколько можно болѣе видъ справедливости, избрали время столь неудобное для себя и даже не безопасное для младенца. Хотѣли избавиться отъ послушанія воспріемнику своему, трудолюбивому и честному земледѣльцу, и ускользнуть въ другое мѣсто, гдѣ бы могли, какъ имъ угодно лѣниться, но не имѣли успѣха въ сей хитрости и возвратились въ домъ попечителя, съ обѣщаніемъ отъ меня — побывать у нихъ послѣ праздника, сообразить жалобу ихъ съ тѣмъ, что Арыковъ скажетъ, и усадить ихъ по возможности такъ, чтобы имъ ловко было сидѣть"... Въ одинъ праздничный день іюля было въ станѣ миссіи значительное, по сравненію съ другими временами, собраніе новокрещенныхъ. „Совершивъ литургію и подкрѣпившись обѣдомъ, я уда-

лился съ ними на малое разстояніе отъ селенія, и усѣвшись подъ горою на берегу рѣки Маймы, разглагольствовалъ съ братьями, при пособіи толмача; выслушавъ ихъ жалобы на бѣдность и недостатки въ необходимомъ, стараясь разрѣшить ихъ затрудненія въ расчетахъ съ воспріемниками, я предлагалъ тому и другому приличные совѣты и нужныя наставленія. Та бесѣда заключена была утѣшеніемъ сихъ скорбящихъ и ободреніемъ ихъ надеждою на благость Провидѣнія, на многомилостивое попеченіе Отца Небеснаго, который знаетъ въ чемъ имѣетъ нужду каждый, и когда наступитъ благопотребное время, несомнѣнно поможетъ намъ и пошлетъ довольство, а до того времени обучаетъ насъ трудолюбію и терпѣнію, врачуетъ горестями духовныя раны въ душѣ и часто растворяетъ скорби наши разнообразными утѣшеніями, которыя впрочемъ по слѣпотѣ своей мы рѣдко примѣчаемъ. Когда же солнце стало склоняться къ западу и мы возвращались въ станъ миссіи, смотрю: ко мнѣ несутъ письмо; распечатываю его, узнаю благотворную руку, и получаю въ немъ свидѣтельство Промысла въ подтвержденіе сказаннаго мною братіямъ нашимъ о Господѣ и въ укрѣпленіе ихъ немощи силою *упованія.* Изъ Петербурга пришла въ пользу ихъ щедрая милостыня: почему радость моя востекла до степени восхищенія. Было тогда время вечерняго молитвословія, и новокрещенные собравшись въ церковь, вкупѣ съ нами воздали Господу Богу благодареніе и вмѣстѣ съ симъ произнесли мольбу за милующихъ и служащихъ имъ ради Христа въ сихъ словахъ: эй кутай пистингъ Іисусъ Христосъ. Онго кыпсилярга, капси пискэ яхши эдипядыларъ сонингъ алкымъ берзинъ! т.-е. Господи Іисусе Христе! всѣмъ человѣкамъ, которые благотворятъ намъ, даруй Твое благословеніе“! А вотъ и заботы о. Макарія о дѣтяхъ. „Семейство новокрещеннаго Аѳанасія получило избушку. Въ состояніи младенцевъ Ѳеодосія и Анисіи произошелъ поворотъ на лучшее. Анисія была какъ скелетъ живой, когда мать привезла ее съ сестрою въ наше селеніе; но она ни мало не поправлялась и въ попеченіи Даріи, на рукахъ девятидесятилѣтней старицы Вѣры; когда я въ концѣ іюля собрался въ Бійскъ, и все было готово къ отъѣзду, приходитъ Аѳанасій и жалуется, что корова столько молока не дастъ сколько нужно и для Анисіи, между тѣмъ какъ ему и своихъ дѣтей кормить нечѣмъ. Тотчасъ

младенцы взяты у него, и колыбель съ Анисіей повѣшена на волю Божію въ келіи старца Петра, и такимъ образомъ какъ бы оставлена на перекресткѣ, для возбужденія состраданія въ проходящихъ. Къ колыбели приставлена Феодосія помогать старцу въ попеченіи о сестрѣ, но сіе искушеніе, которое Петръ спокойно и терпѣливо принялъ и выдержалъ, продолжалось недолго; и жена воспріемника новокрещенной Елены, которая прежде никакъ не соглашалась принять обѣихъ дѣвочекъ, была тронута какъ безпріютностью младенца такъ и сѣдинами старца. Возвратившись изъ Бійска я нашелъ дѣтей на рукахъ Анны, старецъ купилъ ей безъ меня богатую молокомъ корову, а скупая осталась у Афанасія. Теперь младенецъ совсѣмъ другой сталъ, здоровъ и полонъ; а Анна печется о сихъ дѣтяхъ съ усердіемъ и горячностью родной матери. Мы назначили ей годичную денежную награду изъ казны миссіи, откуда ей одѣяніе для дѣтей получать предположено".

О. Макарій никогда не упускалъ случая вступать въ бесѣды съ инородцами, когда они сбирались гдѣ-либо для раскладки или сдачи повинностей или ради другихъ причинъ; для крещенія же младенцевъ новорожденныхъ у новокрещенныхъ онъ всегда былъ готовъ отправиться верстъ хотя бы за 70 и даже верхомъ въ весеннюю распутицу. „Въ послѣдніе дни великой седмицы страданій Христовыхъ, я чувствовалъ изнеможеніе въ силахъ, но пасха снова подкрѣпила меня и приготовила на путешествіе на Чапшу, вмѣстѣ съ новокрещенною Еленою и ея воспріемникомъ. Ей надлежало взять у деверя дочь свою еще младенческихъ лѣтъ, но она одна можетъ-быть въ семъ дѣлѣ и не имѣла бы успѣха, а мнѣ одному съ нею, еще молодою женщиною, неприлично было находиться въ дорогѣ. Въ семъ случаѣ попечитель ея оказалъ мнѣ обязательное великодушіе и терпѣливое снисхожденіе. Ибо я въ продолженіи пути ѣхалъ верхомъ на конѣ, а онъ съ Еленою не менѣе 70 верстъ шелъ просто, и ни однажды не возроптал, хотя по мѣстамъ надлежало идти грязною топью и переходить рѣчки босыми ногами. Но однакожъ прискорбіе было отъ меня недалеко. Елена изъявила прежде сего намѣреніе оставить у деверя дочь свою навсегда некрещенною, питая надежду, что за это получитъ отъ него нѣкое вспомоществованіе для своей бѣдности. Воспріемникъ ея, если не вовсе склонялся мыслями къ

такому намѣренію Елены: то, по крайней мѣрѣ, нерѣшительно противорѣчилъ ей. Впрочемъ оба уступили моему убѣжденію. что христіанка должна ввести въ Христову церковь малолѣтнюю дочь свою, а не оставлять ее въ рукахъ невѣрнаго на жертву діаволу; но уступивъ, они не довольно кажется почувствовали нечистоту перваго своего мудрованія. Мы благополучно взяли дѣвочку изъ нехристіанскаго дома, и въ деревнѣ Бардѣ расположились крестить ее. Чтожъ случилось? Когда зажгли передъ иконами свѣчи, дѣвочка дотолѣ покойная удивительнымъ образомъ стала упрямиться; она садилась, ложилась на полъ въ то время какъ хотѣли поставить ее предъ иконами, отвращала отъ нихъ лицо свое, сжимала персты и не давала сложить ихъ для крестнаго знаменія. Хотя всѣ, находившіеся при семъ событіи, увѣряли меня, что такое упрямство дѣвочки, неумѣющей ни о чемъ разсуждать, и едва начинающей произносить слова, никакого не заслуживаетъ вниманія; однако внутреннее чувство говорило мнѣ противное. Если это дитя, думалъ я, и не имѣетъ еще полнаго смысла, то отъ чего тревожится и не такъ спокойно смотритъ на горящія свѣчи, какъ спокойно смотрѣло прежде на огонь въ татарской юртѣ, и какъ непринужденно принимало изъ рукъ моихъ пищу? Я погасилъ свѣчи возженныя предъ иконами, и убравъ все принадлежащее къ дѣйствію крещенія, началъ обличать въ матери и воспріемникѣ ея холодное и черствое расположеніе къ дѣвочкѣ, по которому они готовы были оставить ее внѣ церкви Христовой; говорилъ также, что этотъ грѣхъ видимо наказуется теперь отвращеніемъ ея отъ святыни; и чрезъ-то возбудилъ обоихъ принесть усердную молитву объ отпущеніи сего грѣха и оставленіи наказанія. Когда такимъ образомъ хладное возгорѣлось и черствое смягчилось въ душахъ ихъ, то и дѣло получило совсѣмъ иной ходъ. Дѣвочка наша совершенно успокоилась, сдѣлалась кроткою и покорною рѣшительному теперь желанію матери; не отворачивалась ни отъ святыхъ иконъ, ни отъ меня, съ веселіемъ приступила къ крещенію, въ которомъ наречена Евдокіею, и сама даже подавала мнѣ руки при совершеніи таинства мѵропомазанія. Не ясно ли, въ какомъ тѣсномъ союзѣ и общеніи находятся души дѣтей съ душами своихъ родителей? О, еслибы чаще размышляли о семъ родители“! О. Макарій не отказывался крестить и русскихъ младенцевъ. „Въ

ночи на воскресенье сыропустной недѣли, пріѣхалъ ко мнѣ изъ Верхней Каменки, нарочно посланный съ письмомъ отъ г. Мейера, (управитель заводскихъ селеній) который усиленно просилъ меня немедленно къ нему пріѣхать и крестить новорожденную дочь его, извѣщая при томъ, что младенецъ весьма слабъ. Когда, подумалъ я, откажу ему и скажу, чтобъ онъ въ сей христіанской нуждѣ отнесся къ приходскимъ священникамъ, между тѣмъ, дитя умретъ; тогда какъ оправдаюсь предъ совѣстію, если не буду въ отвѣтственности предъ начальствомъ! сверхъ того можетъ-быть онъ и посылалъ просить священниковъ приходской церкви, но не нашелъ ихъ въ селѣ Смоленскомъ. Такимъ образомъ я рѣшился исполнить требованіе г. Мейера, къ вечеру того же дня крестилъ младенца его, а въ немъ самомъ пріобрѣлъ благотворителя для своихъ новокрещенныхъ чадъ". О. Макарій не дожидался приглашеній для напутствія больныхъ новокрещенныхъ инородцевъ св. таинствами покаянія и причащенія, какъ въ станѣ миссіи, такъ и внѣ стана, а являлся самъ лишь только узнавалъ о ихъ душевномъ и тѣлесномъ состояніи. Не отказывался пріобщать и русскихъ, когда къ нему обращались. О. Макарій дорожилъ временемъ. Зайдя разъ въ татарскую юрту для проповѣди, онъ нашелъ тамъ только татарку, которая была занята стряпней да еще ребенкомъ, плакавшимъ въ колыбели. О. Макарій началъ свою проповѣдь, а татарка стала слушать, но расплакавшійся ребенокъ мѣшалъ и говорить и слушать. О. Макарій, замѣтивъ желаніе татарки слушать слово Божіе, подсѣлъ къ колыбелькѣ и закачивая ребенка, продолжалъ учить мать. Хорошо знавшій о. Макарія преосв. Парѳеній привелъ случай этотъ какъ примѣръ, какъ образецъ пастырской дѣятельности, одному молодому священнику, когда, обозрѣвая свою епархію, преосв. Парѳеній замѣтилъ, что священникъ этотъ не радитъ о своемъ приходѣ, не имѣетъ усердія къ своему пастырскому служенію, ни любви къ своей паствѣ [13]). Таково было обращеніе о. Макарія съ недавно появившимся на свѣтъ Божій человѣкомъ, а вотъ обращеніе и къ отшедшему. Навѣщая крещенныхъ имъ татаръ въ Кузнецкомъ округѣ, Томской губерніи, о. Макарій

---

[13]) «Странникъ» 1862 г. апрѣль.

зашелъ въ юрту къ ясачному и увидя, что онъ сильно боленъ, исповѣдалъ и пріобщилъ Св. Таинъ; послѣ сего ясачный при немъ и умеръ. Зная, что христіанскаго кладбища тамъ нѣтъ, о. Макарій, не долго думая, положилъ покойнаго въ свою повозку, и привезъ его за 60 верстъ оттуда къ селу Легостаеву, гдѣ и обратился съ просьбой къ священнику дать въ своемъ саду мѣсто покойнику. Священникъ подумалъ: пожалуй, онъ эдакъ всѣхъ мертвецовъ ясашныхъ станетъ возить ко мнѣ въ садъ и класть. О. Макарій, провидя мысль его, сказалъ: „вотъ дьяволъ, сидя на плечѣ, запрещаетъ и внушаетъ, что я всѣхъ мертвецовъ стану возить къ нему въ садъ класть. Нѣтъ, отецъ, недостоинъ ты сего мертвеца принять въ свой садъ“! Положивъ покойника снова въ свою повозку, о. Макарій отвезъ его на деревенское кладбище, верстъ за 6 отъ села, самъ выкопалъ могилу и похоронилъ его. Деревенскіе жители разсказываютъ и теперь, что надъ могилой ясачнаго видѣли горящія свѣчи, почему и ходятъ на могилу эту и служатъ панихиды по ясачномъ [14]). Выше мы сказали, что о. Макарій, не желая тревожить жителей Улалы, не торопился устройствомъ тамъ стана для миссіи, а самъ перебрался до времени въ селеніе Майму, отстоящую въ 8 верстахъ отъ Улалы, и сталъ распространять свою просвѣтительную дѣятельность изъ Маймы, терпѣливо перенося крайнія неудобства. Жилъ онъ въ Маймѣ у крещеннаго инородца Чендекова на квартирѣ, за которую, сверхъ платы, обучалъ грамотѣ дѣтей его. Вспоминая съ особенной любовію объ о. Макаріѣ, одинъ изъ здѣшнихъ учениковъ его инородецъ И. И. Суртаевъ расказывалъ М. Путинцеву, какъ о. Макарій любилъ дѣтей. „Бывало придетъ къ Суртаевымъ и сейчасъ же заведетъ бесѣду съ ребятами: расказываетъ имъ изъ Св. Исторіи, учитъ ихъ краткимъ молитвамъ, поетъ съ ними „Господи помилуй“ и „аллилуія“ и болѣе понятливымъ и усерднымъ любилъ давать по кусочку сахару. Позанявшись и попѣвши съ юнымъ поколѣніемъ, о. Макарій иногда примется шутить и играть: бѣгаетъ съ дѣтьми по зеленой полянкѣ взапуски, — при этомъ показываетъ видъ, что старается перегнать какого-нибудь пятилѣтняго пузана, но

---

[14]) «Странникъ» 1862 г. февраль.

не можетъ,—и при общемъ смѣхѣ дѣтей, уступаетъ маленькому бѣгуну... Тутъ опять раздача сахара побѣдителямъ,—и сколько веселья, радости для ребятишекъ! Веселъ бываетъ въ эти минуты и самъ о. Макарій, его чистая душа радовалась, глядя на невинное веселье тѣхъ, о которыхъ Христосъ сказалъ: ихъ есть царство небесное. Да, любилъ о. Макарій дѣтей и они любили его".

„Страдалъ о. Макарій стѣсненіемъ въ груди. Любилъ кушать сырыя яйца разболтавши ихъ съ солью на чайномъ блюдечкѣ, и это кушанье, по его словамъ, облегчало боль его груди и очищало голосъ, а онъ имѣлъ голосъ тихій, но пріятный, мелодическій". Другой инородецъ, тоже ученикъ Макарія, купецъ А. С. Чендековъ, въ домѣ отца котораго въ с. Маймѣ квартировалъ Макарій, разсказывалъ Путинцеву кое-что изъ своихъ воспоминаній о. Макаріѣ. „Въ Маймѣ о. Макарій, въ своей походной церкви, каждый воскресный и праздничный день, совершалъ рано утреню и потомъ, по маломъ отдыхѣ, обѣдню. Всѣхъ майминцевъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей зналъ въ лицо и по именамъ; требовалъ, чтобы въ праздники всѣ были у утрени и обѣдни, кромѣ конечно благословныхъ причинъ. Во время утрени, бывало пойдетъ о. архимандритъ по церкви, зорко оглядываетъ всѣхъ молящихся и непремѣнно замѣтитъ тѣхъ, кого нѣтъ, кто не былъ у утрени. Когда эти не бывшіе соберутся къ обѣднѣ, то по окончаніи ея доставалось же имъ отъ о. Макарія: выйдетъ изъ алтаря, сердится, ставитъ виновныхъ тутъ же на поклоны, шумитъ, угрожаетъ еще новою епитиміею, а въ концѣ-концовъ самъ поклонится въ ноги тѣмъ, кого только что распекалъ, проситъ прощенія за то, что обидѣлъ ихъ и умоляетъ именемъ Божіимъ ходить усердно въ церковь. Такая доброта и смиреніе архимандрита имѣли благодѣтельное вліяніе на народъ; всѣ старались неопустительно бывать въ церкви у всякой службы". Въ свободное время отъ своихъ ученыхъ и миссіонерскихъ занятій, Макарій училъ дѣтей грамотѣ. Изъ Маймы же пришлось о. Макарію впервые поѣхать верхомъ. Ему былъ данъ самый смирный, послушный конь. Но неопытный ѣздокъ не могъ съ нимъ справиться и конь повезъ о. Макарія не въ путь, а въ конюшню. Испуганный о. Макарій, увидѣвъ хозяйскую дѣвушку, доившую вблизи корову, закричалъ ей: „Ульяна, держи коня"! и Ульяна помогла всаднику

справиться съ конемъ и направить въ путь. Раскольники, поселившіеся въ горахъ и лѣсахъ Алтая за долго до прибытія туда о. Макарія распространяли про него нелѣпые слухи: будто онъ антихристъ, имѣетъ крылья и летаетъ куда захочетъ, а на рукахъ и ногахъ у него когти. И вотъ когда Макарію, во время его миссіонерскихъ поѣздокъ, понадобилось остановиться въ одной небольшой раскольнической деревнѣ и потребовать, по имѣвшемуся у него бланку, подводу, то пришлось получить, не смотря ни на какія просьбы и мольбы его, отказъ. Затѣмъ хозяйка его квартиры старуха раскольница, войдя къ нему, спросила его: ты на крыльяхъ, отецъ, прилетѣлъ къ намъ, или нѣтъ? — Еслибы у меня были крылья, то я не просилъ бы подводъ у васъ, отвѣчалъ архимандритъ. Старуха конечно сообразила, что онъ говоритъ правду, а все-таки продолжала допросъ: правда ли, отецъ, что у тебя на рукахъ и ногахъ когти? о. Макарій молча показалъ ей свои руки, а также смиренно и безмолвно снялъ съ обѣихъ ногъ обувь и показалъ ихъ старухѣ. Старуха поспѣшила сообщить односельцамъ, что у о. Макарія нѣтъ ни крыльевъ, ни ногтей, и Макарій получилъ подводы. Купецъ Чендековъ, передававшій эти разсказы, питая глубокое благоговѣніе къ памяти своего учителя, о. Макарія, выстроилъ на свой счетъ въ 1880 году въ Макарьевскомъ миссіонерскомъ селеніи церковь въ честь преп. Макарія Египетскаго, „Память праведнаго съ похвалами"! заключаетъ о. Михаилъ Путинцевъ. Употребляя скудныя средства свои на осѣдлое обзаведеніе принявшихъ св. крещеніе и пособіе бѣднѣйшимъ и неимущимъ изъ нихъ о. Макарій отказывалъ себѣ во многомъ, и даже вмѣсто чая пилъ отваръ бадана (мѣстное растеніе). Постройка дома, въ которомъ можно было бы помѣстить походную церковь и миссію, затянулась до 1835 года. Знакомясь съ дѣйствіями о. Макарія, исполненнаго любви, милосердія и состраданія къ бѣднымъ инородцамъ, Улалинцы не только перестали бояться его, но полюбивъ его предались ему какъ дѣти отцу и приняли (1834 г.) св. крещеніе. Тогда о. Макарій переселился обратно въ Улалу и основалъ свой главный станъ въ улусѣ Улалу, по правую сторону рѣки Катуни, при впаденіи рѣки Улалы въ Майму. Жилъ онъ по временамъ и въ Маймѣ. У него были двѣ походныя церкви — одна въ Улалу, другая въ Маймѣ, но для обѣихъ антиминсъ одинъ, данный для

церкви Всемилостиваго Спаса. Другой антиминсъ въ честь Божіей Матери Одигитріи онъ получилъ лишь въ 1840 году.

Приведенныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ нами изъ источниковъ, идущихъ изъ сказаній очевидцевъ дѣятельности о. Макарія, изъ его переписки съ разными лицами, и его путевыхъ записокъ и дневника, мы считаемъ совершенно достаточными для характеристики миссіонерской дѣятельности его и закончимъ выпиской изъ его личныхъ взглядовъ его мнѣній, его такъ-сказать profession de foi относительно миссіонерской службы. Еще почти въ началѣ ея, въ 1831 году, писалъ онъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ. „Въ теченіе октября многія затрудненія и непріятности препятствовали распространяться въ дѣйствіяхъ службы внѣ селенія, избраннаго для главнаго мѣстопребыванія миссіи. Но кто прошелъ поприщемъ, усѣяннымъ острыми камнями, тотъ возвращается ли, чтобы разсмотрѣть каждое мѣсто, гдѣ онъ преткнулся или претерпѣлъ уязвленіе? Благодареніе милосердому Богу, растворяющему горести утѣшеніями и полагающему предѣлъ скорбямъ, дабы онѣ не превысили мѣру силъ, дарованныхъ человѣку"! Такъ относился онъ къ препятствіямъ въ началѣ своей службы, а вотъ что говоритъ онъ въ тѣхъ же путевыхъ запискахъ, почти подъ конецъ миссіонерской дѣятельности вообще. „Не знаю: сіе описаніе будетъ ли когда-либо приведено въ общеизвѣстность; но справедливость требуетъ признаться, что въ путешествіе по немалой кривообразной чертѣ, собственно по области черновыхъ татаръ, отъ Сайдыпскаго редута чрезъ Телетское озеро до селенія Верхняго Карагужа не представилось ни одного случая крещенія. По поводу сего не представится ли кому-нибудь мысль о совершенной безплодности подобныхъ странствованій? Въ особенности, воспитанники и служители церкви, въ которыхъ какъ успѣхи миссіи могутъ производить благородное расположеніе къ соревнованію, такъ безуспѣшность напряженныхъ трудовъ можетъ раждать мысли и чувствованія печальныя и противныя пользамъ царствія Божія, могутъ подумать: „если и мы такимъ же образомъ будемъ скитаться, то какое и для кого произойдетъ отъ нашего миссіонерства пріобрѣтеніе"? Братья и отцы! Да будетъ намъ позволено изъяснить мысль свою о томъ, что помощь Божія можетъ обращать въ благое для насъ и нашей службы даже такіе труды, которые не награ-

ждаются вскорѣ новыми пріобрѣтеніями для церкви, каково было наше странствованіе по Черни въ путешествіи къ Телетскому озеру. Не всегда и военные корабли въ плаваніи своемъ имѣютъ сраженія, одерживаютъ побѣды, раздѣляютъ добычу; но часто отправляютъ ихъ изъ пристани къ находящемуся въ извѣстномъ разстояніи приморскому городу, или для испытанія, въ которомъ открылось бы, что̀ въ нихъ есть соотвѣтственнаго назначенію ихъ и что̀ требуетъ исправленія и дальнѣйшаго усовершенствованія; или для того, чтобы служащіе на сихъ корабляхъ упражнялись въ дѣлахъ, составляющихъ искусство мореплаванія и дальнѣйшаго усовершенствованія, знакомились съ опасностями и скорбями, неразлучными съ дѣланіемъ въ водахъ многихъ, изучали моря, пріобрѣтали умѣнье бороться съ бурями и волнами и укрѣплялись мужествомъ и терпѣніемъ. Подобнымъ образомъ, кто приставленъ къ служенію полудикимъ, пребывающимъ во тьмѣ суевѣрія и невѣдѣнія народамъ въ ихъ обращеніи къ истинному Богу во Іисусѣ Христѣ, тотъ служитель церкви, хотя бы во время странствій своихъ по горамъ и лѣсамъ и не находилъ въ сихъ слѣпотствующихъ племенахъ человѣчества новыхъ гражданъ для небеснаго Іерусалима, однако можетъ, при Божіемъ благословеніи, извлечь изъ сихъ трудовъ своихъ разнобразную пользу для себя и своей службы. Сіи труды могутъ способствовать къ раскрытію, очищенію и утвержденію въ миссіонерѣ существенныхъ въ его званіи расположеній; они могутъ вводить его въ опытное познаніе горестей и пріятностей, сему званію свойственныхъ, обогащать его вѣрными свѣдѣніями о нравахъ и обычаяхъ инородцевъ, открывать ему тайны нарѣчій и суевѣрій ихъ, показывать мерцающія въ сей тьмѣ понятія о Богѣ, начала здраваго смысла, священнаго закона совѣсти, и служить поводомъ къ такимъ соображеніямъ, которыя, если будетъ благоугодно Господу, безъ сомнѣнія содѣлаются благонадежными способами руководствованія сихъ язычниковъ къ спасительному богопознанію. Кромѣ сего чѣмъ чаще миссіонеръ воспріемлетъ духовный мечъ слова Божія въ своемъ воинствованіи, тѣмъ болѣе учится и привыкаетъ владѣть имъ; узнавъ на самомъ дѣлѣ, сколь непріятель его упоренъ и крѣпокъ, онъ возчувствуетъ необходимость въ помощи Всемогущаго; а чѣмъ сильнѣе возчувствуетъ, тѣмъ сильнѣе будетъ взывать къ Нему

и Богъ услышитъ гласъ его, Всевышній благословитъ сіи труды его; только онъ долженъ предварительно согласиться на то, чтобы плоды благословенія Божія явились, если такъ Богу угодно, уже по смерти его, чтобы другой собралъ тамъ жатву, гдѣ онъ сѣетъ, чтобы сѣящему и жнущему вмѣстѣ радоваться въ небесномъ царствіи, потому что и тотъ и другой—едино въ Господѣ. Царствіе Божіе подобно тому, какъ госпожа раздаетъ служанкамъ ленъ разными долями, чтобы пряли и представляли ей, что напрядутъ; всякая служанка исполняетъ урокъ свой и вручаетъ госпожѣ пряжу; потомъ ткутъ полотно изъ сихъ нитей, и всякая нить сама-по-себѣ малая получаетъ участіе и значительность въ общемъ произведеніи. Но взглянувъ на состояніе здѣшнихъ татаръ черновыхъ, посмотрѣвъ на ихъ юрты изъ кольевъ, покрытыхъ берестою, слабо защищающіе ихъ отъ морозовъ и брановъ зимою, между тѣмъ, какъ они окружены строевымъ лѣсомъ и могли бы или сами у русскихъ выучиться строить домики или просить русскихъ сооружать имъ покойныя избы сосновыя и кедровыя; положивъ на вѣсы разсужденія ихъ отвращеніе отъ постоянныхъ трудовъ и лѣность непобѣдимую, неопрятность, столь нечувствительную и равнодушную къ чистотѣ, у многихъ способность размышленія какъ бы въ оцѣпенѣніи и совершенную безграмотность, — миссіонеръ можетъ съ перваго взгляда подумать, какъ думаютъ и другіе, что сіи племена не созрѣли для христіанства; можетъ сказать самъ въ себѣ, какъ и сказано въ одномъ напечатанномъ описаніи самоѣдовъ: „если и окрестить этихъ людей: то будутъ ли они счастливѣе отъ того“? Но онъ вспомнитъ сіе повелѣніе Господа: *шедше научите вся языки* (Матѳ. 28, 19); и помыслитъ: кто таковъ я, что берусь судить о незрѣлости народовъ для всемірной вѣры въ Іисуса Христа, который за всѣхъ человѣковъ, и во спасеніе всѣхъ излилъ пречистую кровь Свою на крестѣ и вкусилъ смерть? Блаженство наше не на землѣ, а въ вѣчности; вѣрующій въ Господа Іисуса Христа, старающійся поступать по заповѣдямъ Божіимъ и во имя Господа Іисуса Христа просящій оставленія прегрѣшеній своихъ у Небеснаго Бога Отца, очищается отъ грѣховъ кровію Сына Божія Іисуса Христа и входитъ въ царство небесное; тамъ восходитъ онъ отъ свѣта къ свѣту въ блаженномъ богопознаніи, сколь бы ни была низка та степень разумѣнія, на которой онъ находился въ жизни земной. Посему

если мы должны любить всѣхъ человѣковъ, какъ самихъ себя; то всѣмъ человѣкамъ должны желать, чтобы они учились вѣровать въ Распятаго Іисуса Христа, жить по Его заповѣдямъ, принадлежать Ему и содѣлываться чадами Божіими. Нѣтъ народа, которому бы небеса не повѣдали славы Божіей; и нѣтъ народа, котораго не должны достигать глаголы служителей свыше откровеннаго слова, которые огрубѣвшихъ человѣковъ возводили бы чрезъ Іисуса Христа къ Отцу свѣтовъ, чтобы и они, по мѣрѣ своей пріемлемости, причащались свѣта и были сынами свѣта. Нѣтъ народа, въ которомъ бы Господь не зналъ Своихъ, нѣтъ той глубины невѣжества и омраченія, до которой бы Сынъ Божій не сходилъ, не преклонилъ небесъ, не преклонялся, и нѣтъ народа, который бы не могъ въ избранныхъ своихъ получать изцѣленіе отъ листвій древа жизни (Апокалип. 22, 2). Итакъ надлежитъ научать всѣ народы, крестить ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и учить ихъ соблюдать все, что заповѣдалъ намъ Господь Іисусъ Христосъ (Матѳ. 28, 18, 20). Но способы и степени ученія могутъ и должны быть безчисленно разнообразны, а ядро ученія всегда и вездѣ одно—Іисусъ Христосъ, распятый для спасенія грѣшниковъ“ [15]).

Выше мы упоминали, что незнаніе мѣстныхъ языковъ народцевъ, населяющихъ Алтай, было не единственнымъ препятствіемъ для миссіонерской дѣятельности о. Макарія, приведемъ теперь и тѣ, на которыя указываетъ его бывшій сотрудникъ, а потомъ и преемникъ по миссіи—протоіерей Стефанъ Ландышевъ и Томскія епархіальныя вѣдомости. „Алтай“, пишетъ о. Ландышевъ „великолѣпенъ, какъ Аѳонъ: повсюду грозно-величественныя картины природы въ чрезвычайно разнообразномъ смѣшеніи съ видами невыразимо пріятными. То вѣковые льды въ видѣ изумляющихъ величіемъ шатровъ и конусообразныхъ столбовъ, возвышающихся надъ Алтаемъ и исчезающихъ въ синевѣ небесъ; то самая роскошная флора. Какъ будто разноцвѣтные ковры разостланы по горамъ и долинамъ на свободныхъ отъ лѣсу мѣстахъ. Надоблачныя скалы увѣнчаны всегда зеленѣющими кедрами. Долины и ущелья орошаютъ съ шумомъ скачущія рѣки и рѣчки и никогда не замерзающіе ключи; на самой высотѣ горъ въ озерахъ стоятъ воды. Красота и величіе Алтая

---

[15]) Память трудовъ благовѣстниковъ русскихъ 1857 года.

возвышаютъ духъ до восхищенія; смотря на эти горы Божіи, невольно чувствуешь какой-то благоговѣйный ужасъ“. Описывая свои ощущенія при видѣ Алтая, о. Ландышевъ знакомитъ насъ и съ трудностью верховыхъ проѣздовъ по горамъ, соединенныхъ съ опасностью лишенія жизни. Колесные пути на Алтаѣ существуютъ только по его окраинамъ, а для проповѣди слова Божія приходится отыскивать кочевыхъ жителей, разсѣянныхъ на огромныхъ пространствахъ по дебрямъ, ущеліямъ, трущобамъ и лѣсамъ алтайскихъ горъ и предгорій, на разстояніяхъ въ сотни верстъ, по бездорожной и дикой мѣстности [16]). О. Ландышевъ приводитъ примѣръ, какъ о. архимандритъ Макарій однажды, проѣзжая по Черни (горы покрытыя густымъ хвойнымъ лѣсомъ по правой сторонѣ рѣки Катуни), зацѣпился за ремень бывшей при немъ сумочки со Св. Дарами, конь на бѣгу вышелъ изъ-подъ него, и о. Макарій повисъ на сучкѣ и висѣлъ, пока не воротился и не помогъ ему стать на землю уѣхавшій впередъ провожатый, который вернулся только потому, что соскучился ждать оставшагося назади о. Макарія. Слабаго голоса о. Макарія онъ не разслышалъ. „У каждаго изъ насъ сердце замираетъ и кружится голова, даже и привычный конь дрожитъ иногда при переѣздѣ по высокому *бому*; это узкая тропинка ($^3/_4$—1 арш.) опоясывающая гору, гдѣ по одну сторону тропинки высокая скала, а по другую отвѣсный обрывъ до рѣки, которая синѣетъ внизу какъ ленточка, особенно когда приходится перескакивать чрезъ большіе камни, на этой тропинкѣ высунувшіеся, или спускаться внизъ по довольно гладкой каменной плитѣ и дѣлать крутые повороты лицемъ къ обрыву; на такомъ проѣздѣ вполнѣ ввѣряешься коню; но онъ безсмысленный и голодный часто тянется за травой; и удерживать бываетъ опасно, и давать свободу страшно“. Каково же было этими путями странствовать о. Макарію, который и верхомъ-то ѣздить вынужденъ былъ выучиться только по пріѣздѣ на Алтай? Когда онъ здѣсь въ первый разъ въ жизни сѣлъ на очень смирную лошадь, то и она, чуя неумѣлаго ѣздока, повезла его было прямо въ стойло и только благодаря усиліямъ женщины, доившей вблизи корову, была выведена подъ уздцы на дорогу. „А кочевье въ чрезвычайно нечистой берестяной юртѣ кочеваго алтайца, гдѣ развѣшанное

[16]) Алтайск. Духов. миссія С. Ландышева. Москва 1864 г.

мясо издохшаго коня, или убитаго звѣря бываетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ посудою, которую никогда не моютъ, и съ кожанными продымленными мѣшками, гдѣ помѣщаются на 6—8 кв. арш. и люди и животныя (телята, ягнята, собаки и кошки), гдѣ при 30—40° мороза нѣтъ ни печки ни камина, и дымъ отъ разложеннаго посрединѣ огня (особенно при вѣтрѣ) выѣдаетъ глаза, гдѣ морозъ и жары, сходясь вмѣстѣ, производятъ на голову самое вредное вліяніе,—это уже такъ обыкновенно, что миссіонеры вовсе о семъ не упоминаютъ въ своихъ запискахъ; это мѣсто успокоенія послѣ продолжительной верховой ѣзды, гдѣ чайникъ миссіонера, стоя рядомъ на огнѣ съ винокуреннымъ котломъ хозяина, обыкновенно замазываемымъ конскимъ пометомъ съ глиной, составляетъ единственное нѣкое утѣшеніе и укрѣпленіе изнемогшему; это храмъ и каѳедра, гдѣ мы должны проповѣдывать Евангеліе полунагимъ слушателямъ, вниманіе коихъ *до единаго на потребу* должно доводить, начиная разговоръ съ трубки или огнива и проч.“ О религіозныхъ вѣрованіяхъ алтайцевъ о. Стефанъ говоритъ: въ Алтаѣ еще господствуетъ древняя тьма идолослуженія; темныя силы имѣютъ здѣсь свои орудія: 36,000 кочевыхъ татаръ и калмыковъ приносятъ кровавыя жертвы бѣсамъ (Курюмѣсь): Ульденю, какъ главѣ добрыхъ духовъ, и Эрлику, какъ начальнику всякаго зла, со множествомъ подчиненныхъ ему *ътксрей* (олицетворенныя напасти); обожаютъ души умершихъ, въ честь коихъ дѣлаютъ куклы (*чалу*) и какъ Богу (кутай) покланяются имъ; молятся хозяевамъ горъ рѣкъ и озеръ (ту ээзи, су-ээзи, коль-ээзи), и олицетворяя болѣзни: оспу, горячку, лихорадки и проч., чествуютъ ихъ поклонами. Знаютъ они и Творца (яячи), но не всемогущаго, а только имѣющаго въ своей власти одно: творить души младенцевъ, назначать имъ времена и мѣсто рожденія и судьбу земной жизни ихъ. Имѣютъ понятіе о всемірномъ потопѣ и знаютъ Ноя подъ именемъ *Намы*, величаютъ его царемъ потопа (яикъ-ханъ), приписываютъ ему власть наводить потопъ въ жилищахъ умершихъ сродниковъ ихъ по просьбѣ кама (шаманъ) для того, чтобы можно было ему при потопѣ и общей отъ того суматохѣ умершихъ угнать у нихъ приплодъ скота и такимъ образомъ возвратить будто бы отнятую ими плодовитость скоту, принадлежащему живымъ сродникамъ. Каждый родъ (сёокъ, собств. кость) имѣетъ своего

фамильнаго Бога; такъ живущіе близъ рѣки Біи и занимающіеся сплавкою плотовъ чтутъ *са́лты гана* (царь плотовъ) и вѣрятъ, что ихъ праотцы не участвовали въ общемъ потопѣ, а спаслись на плотахъ и проч. Если внимательно разсмотрѣть состояніе дикости ихъ, понятія и вѣрованія, обладающій ими страхъ мщенія бѣсовъ за отступленіе отъ рабскаго служенія имъ, разорительные обычаи суевѣрій, тѣсно связанный со всѣмъ этимъ чрезвычайно нечистый и до крайности бѣдный кочевой бытъ ихъ, дикостію и суевѣріемъ, какъ желѣзными оковами, содержимое въ вѣковой неподвижности и оцѣпененіи умственно-нравственное состояніе ихъ, и особенныя (пока еще не объясненныя) ужасныя болѣзни, какъ слѣдствія ихъ вѣрованій и нечистой жизни и проч., то понятно будетъ, что отъ этого гибельнаго состоянія, отъ этого мучительства, истинно-сатанинскаго, въ которыхъ столько вѣковъ держатся эти жалкія племена, можетъ освободить ихъ только христіанская вѣра и неразлучно рука объ руку съ нею водворяемая у нихъ осѣдлость и грамотность".

Раскольники, которыхъ въ Бійскомъ округѣ много, относились враждебно къ о. Макарію. „Въ первые дни пребыванія нашего въ Бійскѣ доходилъ", пишетъ о. Макарій въ дневникѣ, „до меня слухъ, что прибытіе наше въ сей край нѣкоторые въ простомъ народѣ изъясняютъ какъ знаменіе, прости насъ Господи, антихристова пришествія. Иновѣрцы же здѣшніе, наслышавшись между русскими объ антихристѣ, боятся его, хотя не вѣруютъ во Христа. Другіе сказывали имъ, будто у меня руки отъ самой кости покрыты шерстью скота, или звѣря какого-то, и будто я кого крещу, того въ солдаты беру. Нѣкто утверждалъ также, будто одинъ казакъ, сидѣвшій спиною ко мнѣ въ дорогѣ, безъ намѣренія оглянулся назадъ, увидѣлъ звѣря, сидящаго въ повозкѣ его, вскричалъ отъ ужаса, но оглянувшись вторично, увидѣлъ будто, что я опять принялъ видъ человѣка. Вообще дѣло миссіи здѣшней есть предметъ странныхъ пререканій не только у инородцевъ здѣшнихъ, но и у русскихъ и въ особенности у раскольниковъ. Но Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль"!

Враждебно къ нему и миссіи относились и нѣкоторыя мѣстныя власти. Въ № 9 „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", 1 мая 1885 года въ отдѣлѣ неоффиціальномъ сказано: „Гражданская

власть, какъ бы условившись съ языческою, нѣкоторое время въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, неособенно благосклонно смотрѣла на распространеніе христіанства на Алтаѣ, и вслѣдствіе сего не всегда оказывала законное содѣйствіе миссіи въ дѣлѣ утвержденія тамъ христіанства, новокрещенныхъ смущала къ удовольствію некрещенныхъ распоряженіями своими приписать кочевыхъ новокрещенныхъ вопреки ихъ желанію и существующему ясному закону, къ крестьянскимъ волостямъ или къ осѣдлымъ управамъ, и вмѣстѣ съ этимъ наложить на новокрещенныхъ бо́льшія подати, чѣмъ сколько платятъ некрещенные. Для характеристики ненормальныхъ отношеній властей земской полиціи къ миссіи, отнимавшихъ много времени на безполезную и непріятную переписку и парализовавшихъ ея дѣйствія, позволимъ себѣ привести эпизодъ изъ жизни основателя миссіи покойнаго архимандрита Макарія. Въ одной изъ мѣстностей Алтая четыре инородческія семейства, изъявившія желаніе принять св. крещеніе, послѣ надлежащаго оглашенія и обученія молитвамъ о. архимандритомъ Макаріемъ, оставлены были имъ на мѣстѣ ихъ жительства по случаю встрѣтившейся ему надобности отлучиться куда-то надолго. Земскій исправникъ (не Ѳ. А. Серебрянниковъ конечно, о которомъ упоминалъ о. Макарій въ своихъ запискахъ), враждебно относившійся къ о. Макарію, узнавъ о приготовленныхъ имъ къ крещенію семействахъ, въ проѣздъ свой черезъ кочевья послѣднихъ внушилъ имъ, чтобы они архимандриту не вѣрили и не крестились, ибо крещеныхъ молодыхъ людей будутъ отдавать въ солдаты, престарѣлыхъ женщинъ—въ заводскія рабо́ты. Узнавъ объ этомъ, присовокупилъ исправникъ, я нарочито пріѣхалъ сюда, чтобы предупредить васъ. Если же вы не послушаете меня, то увѣряю васъ, старшихъ изъ васъ замучу до смерти и тутъ же закопаю въ землю. Напуганные этимъ инородцы немедленно откочевали въ другія мѣста, оставивъ свое намѣреніе креститься. Этотъ фактъ враждебнаго отношенія представителя христіанской власти къ первому проповѣднику Евангелія на Алтаѣ, послужившій о́бразцомъ для языческихъ властей, не разъ повторялся въ исторіи миссіи въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Особенно скорбны страницы исторіи миссіи второй половины 50-хъ годовъ, когда гражданская власть совокупно съ алтайскими родовичами положила

въ намѣреніи „стереть миссію съ лица земли“. Можно бы привести еще нѣсколько фактовъ изъ дѣлъ миссіи, какому преслѣдованію, какимъ возмутительнымъ пыткамъ подвергались новокрещенные со стороны своихъ языческихъ старшинъ, зайсановъ, башлыковъ, димочей и проч. властей, поощряемыхъ примѣрами христіанскихъ властей, но считаемъ достаточнымъ и приведеннаго, чтобы вывесть заключеніе о тяжкихъ трудахъ и миссіонерскихъ подвиговъ, добровольно принятыхъ на себя о. Макаріемъ. Паства о. Макарія росла и къ пріѣзду перваго епископа томскаго Агапита, когда при образованіи отдѣльной томской епархіи архимандритъ Макарій съ сотрудниками былъ переведенъ изъ вѣдѣнія тобольскаго въ вѣдѣніе томскаго епархіальнаго начальства, новокрещенныхъ обоего пола насчитывалось болѣе 200. Къ концу пребыванія о. Макарія на Алтаѣ насчитывалось ихъ уже до 700. Цифры эти краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ энергіи его миссіонерской дѣятельности и пріобрѣтаютъ еще больше цѣны и значенія, если принять въ соображеніе то, какъ осторожно относился о. Макарій къ желавшимъ принять св. крещеніе, ища въ нихъ не количество, а качество, т.-е. искренней и истинной вѣры во спасеніе Іисусомъ Христомъ, а не желанія только числиться христіанами. О его личномъ и совершенно безкорыстномъ отношеніи къ дѣлу мы всего ближе знакомимся изъ его письма къ преемнику пр. Евгенія на тобольской каѳедрѣ преосв. Аѳанасію, въ ту минуту, когда о. Макарій узналъ, что преосвященный желаетъ представить его къ ордену, который по статуту дается тому, кто обратилъ въ христіанство до 100 душъ. Служа дѣлу, и особенно такому великому дѣлу, не ради наградъ и почестей конечно, а ради самаго дѣла, о. Макарій написалъ немедленно письмо къ преосвященному: „повергаясь въ душѣ моей къ стопамъ вашимъ, милостивѣйшій архипастырь и благодѣтель мой, со всепокорнѣйшею искренностію молю: никакимъ орденскимъ знакомъ и никакимъ отличіемъ не украшать моей немощной службы. Священный долгъ побуждаетъ свидѣтельствовать, что всѣ новокрещенные обращены не мною, но Провидѣніемъ Божіимъ, по большей части безъ предварительнаго содѣйствія миссіи въ пунктахъ успѣховъ, такъ что на коихъ наше дѣйствованіе устремлялось, тѣ непреклонными оставались; но трудъ безъуспѣшный

въ однихъ былъ награждаемъ пріобрѣтеніемъ въ другихъ, которыхъ прежде мы и не видали, а которые были всегда извѣстны Всевидящему. Самое качество миссіонерской службы требуетъ, чтобъ иновѣрцы не имѣли повода къ вредному для дѣла Божія мнѣнію, что служитель церкви воспріемлетъ труды въ ихъ пользу по видамъ и чаяніямъ честолюбія. Мнѣ кажется, что многіе здѣсь такимъ образомъ думаютъ обо мнѣ; а я не желаю, чтобы мнѣніе таковое восторжествовало и чтобы отъ личности моей падала тѣнь подобныхъ мнѣній и на другихъ, кои будутъ трудиться на стезѣ настоящей службы миссій". Такъ думалъ о. Макарій, но не такъ думало начальство его. Замѣчательное письмо это не отклонило, а только отдалило награду и нѣсколько видоизмѣнила самый характеръ ея. Въ 1835 году по высочайшему повелѣнію о. Макарій былъ пожалованъ за ревностное служеніе и отличные подвиги въ проповѣди слова Божія наперснымъ золотымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Для принятія этого креста и сослуженія съ преосвященнымъ о. Макарій былъ вызванъ на 1-е августа 1835 года въ Барнаулъ, причемъ ему было предписано взять съ собой и митру, которую, замѣтимъ мимоходомъ, онъ имѣлъ обыкновеніе употреблять только во время службы въ первый день Рождества Христова и св. Пасхи. Не лишено интереса письмо его къ Е. Ѳ. Н. по этому случаю: „1-го августа на литургіи Пр. (Аѳанасій, поступившій на мѣсто пр. Евгенія) возложилъ на меня пожалованный мнѣ Св. Синодомъ крестъ, съ которымъ вы поздравили меня. И въ тотъ же день Господь дѣйствительно послалъ мнѣ крестъ: бывшій со мною новокрещенный отрокъ Василій, который началъ уже часословъ учить и въ которомъ я надѣялся имѣть хорошаго толмача и сотрудника, получилъ лихорадку и чрезъ нѣсколько дней скончался. Помолитесь о душѣ его. Что касается до меня, я не помню, когда такую горестную печаль и скорбь имѣлъ какъ въ этомъ случаѣ". (Письм. 1851 к. 1. стр. 117).

Въ слѣдующемъ году еп. Агапитъ предложилъ о. Макарію по порученію Св. Синода перебраться въ иркутскую епархію и заняться тамъ обращеніемъ бурятъ въ томъ предположеніи, что тамъ болѣе предвидится пользы и успѣха отъ его трудовъ, нежели на настоящемъ мѣстѣ; о. Макарій, который прежде именно въ началѣ миссіонерской дѣятельности своей и самъ желалъ

ѣхать въ Иркутскъ, теперь отвѣчалъ, что это предположеніе открыло въ душѣ его борьбу различныхъ мыслей и чувствованій. „Обрѣтаю въ себѣ“—писалъ онъ, „желаніе согласиться на предложеніе Св. Синода къ проповѣданію христіанской вѣры бурятамъ, и желаніе сойти въ уединеніе и безмолвіе, и желаніе продолжать служеніе при здѣшней миссіи до совершеннаго изнеможенія, и желаніе, не сходя съ пути миссіонерской службы, посвятить остатокъ силъ своихъ приготовленію двухъ юношей, имѣющихъ весьма благонадежныя способности, нравы и желанія, моихъ сотрудниковъ при миссіи въ бійскомъ округѣ, къ плодоноснѣйшему служенію въ распространеніи царствія Божія между евреями, магометанами и язычниками, находящимися въ державѣ россійской“. Юноши эти были: Михаилъ Нигрицкій и Степанъ Ландышевъ, изъявившіе желаніе поступить въ миссію въ сотрудники къ о. Макарію. Примѣтнымъ образомъ, писалъ онъ далѣе въ своемъ отзывѣ, мои тѣлесныя силы ослабѣваютъ, и въ особенности слабѣетъ органъ зрѣнія. Между тѣмъ какъ братія Ландышевъ и Нигрицкій вкупѣ со мною собирали бы благопотребныя для службы миссіонерской знанія и искусство, можетъ быть я исправился бы при помощи Божіей въ состояніи своемъ по тѣлу, особенно вооружился бы хорошими очками и воспользовался бы совѣтами и пособіями врачей московскихъ. Всѣ сіи предположенія предаю волѣ Всевышняго и соизволенію Св. Правит. Синода. Всякому указанію Св. Синода искренно и спокойно желаю послѣдовать, какъ откровенію воли Божіей. Но что бы со мной ни случилось и какое бы распоряженіе въ разсужденіи меня ни было сдѣлано, умоляю правительство церкви не закрывать миссіи здѣшней, но утвердить навсегда ея существованіе на правилахъ иноческой общины, продолжать начатое сею миссіею въ округахъ Бійскомъ и Кузнецкомъ, сколь ни слабо сіе начало, и сохранять то, что при служеніи ея пріобрѣтено церковію, сколь ни малы сіи пріобрѣтенія. Храненіе паче дѣланія—провозглашаютъ богомудрые руководители на пути ко спасенію. Это истинно и въ отношеніи къ собиранію язычниковъ во единую святую церковь Христову“. О. Макарій имѣлъ въ виду относительно помянутыхъ молодыхъ людей въ предполагавшуюся имъ поѣздку въ Москву дать имъ возможность поучиться въ Московской Семинаріи и въ Московскомъ Университетѣ,

познакомить ихъ также съ ланкастерскими школами и съ училищемъ глухонѣмыхъ, съ ухаживаньемъ за больными въ клиникахъ и съ общими основаніями сельскаго хозяйства. Св. Синодъ оставилъ о. Макарія на прежнемъ мѣстѣ служенія, а относительно приготовленія его юныхъ сотрудниковъ къ успѣшнѣйшему служенію въ миссіи не нашелъ удобнымъ исполнить предположенія о. Макарія. Вотъ что писалъ по этому поводу о. Макарію М. Филаретъ: „проэктъ вашъ никому изъ насъ не показался удобнымъ и благонадежнымъ къ исполненію. Удаляясь въ Москву для приготовленія къ новой миссіи, вы прервали бы существующую; а легче и надежнѣе продолжать начатое, нежели возобновлять прерванное. Долгій путь, годы, Москва, свѣтскій кругъ въ университетѣ, множество предметовъ ученія, арабскій языкъ, медицина, ланкастерская метода,—о всемъ этомъ думая, право боюсь за Нигрицкаго и Ландышева. Тоже кажется думали и другіе; а потому положили оставить васъ тамъ, гдѣ вы обрѣтаетесь, и пожелать вамъ, чтобы вы, отецъ Макарій, были для Нигрицкаго и Ландышева семинаріею, академіею и университетомъ, и чтобы они оправдали ваши надежды, на которыя съ участіемъ и любовію смотритъ начальство.." [17]). Съ 1836 года средства миссіи были увеличены до 2.000 руб., которые и употреблялись на содержаніе церкви, дома и больше всего на пособія нуждающимся изъ новокрещенныхъ. Самъ о. Макарій довольствовался по прежнему магистерскимъ окладомъ, а о томъ, какъ велики были вообще денежныя средства въ его распоряженіи, можно судить изъ письма его къ Е. Ѳ. Н. „Письмо ваше съ десятирублевою ассигнаціею получено мною на возвратномъ пути изъ Томска въ Барнаулъ генваря 19, т.-е. въ день ангела моего по монашеству, когда у меня ни копѣйки не оставалось въ карманѣ, и когда, выходя изъ церкви послѣ обѣдни, долженъ былъ занять рубль у церковнаго старосты, которому и отдалъ долгъ изъ денегъ присланныхъ вами. Нужно ли говорить, что усердію вашему соотвѣтствуетъ душа моя чувствами признательности? Или сказать: да спасетъ тебя Господь благодатію Своею? Думаю, и вы сами такъ думаете, что послѣднее лучше". (Письма изд. 1851 г. к. I. стр. 120). Нужно ли прибавить къ

[17]) Чтен. въ общ. любит. дух. просв. 1872 стр. 96.

тому еще, что о. Макарій, какъ пишетъ о немъ А. С. Стурдза— „не только не вкушалъ отъ млека стада своего, ни отъ плода насажденнаго имъ винограднипа духовнаго, но еще обрекалъ себя на частыя трудныя поѣздки изъ Сибири въ Москву для сбора подаяній въ отраду и помощь бѣдной паствѣ своей. Такимъ образомъ иждивая себя и *жрепъ бывая* душевно и тѣлесно Макарій ни на минуту не отставалъ отъ ввѣреннаго ему апостольскаго служенія, но то пробирался чрезъ сугробы въ глушь сибирскихъ лѣсовъ съ своими сподвижниками, то утѣшалъ и училъ худородныхъ и уничиженныхъ міра сего, то опять отправлялся на одноконной телѣгѣ или открытыхъ саняхъ за милостынею въ златоглавую древнюю столицу“ [18]). Отдавшись всецѣло corps et âme миссіонерскому подвигу, о. Макарій не покидалъ и своихъ прежнихъ любимыхъ занятій, ученыхъ трудовъ, посвящая имъ вечера и зачастую проводя за ними и ночи. Нельзя не подивиться, какъ хватало у него силъ на все то, чему онъ посвящалъ себя за это время. Не смотря на то, что онъ предпочиталъ говорить проповѣди прямо не готовясь, онъ ихъ и написалъ много. Жаль, что ихъ собрано и издано очень немного. Сверхъ того онъ долженъ былъ вести дневникъ миссіи для Пр. Евгенія и поддерживать обоюдную и разнообразную переписку со многими лицами. Съ дневникомъ его мы нѣсколько познакомились, а письма его, появлявшіяся частію въ немногихъ повременныхъ изданіяхъ и частію отдѣльными книжками, представляютъ много интереснаго и столько поучительнаго, что стоятъ проповѣдей, отличаясь при томъ прекраснымъ языкомъ. Намъ извѣстны только два отдѣльныхъ изданія его писемъ. Въ первомъ, отпечатанномъ въ Московской Университетской типографіи, (1851) съ разрѣшенія цензора протоіерея Ѳ. Голубинскаго изданы письма о. Макарія къ Е. Ѳ. Н. и кн. Е. П. Т., двумъ велико-свѣтскимъ дамамъ. Первая, какъ видно, была благотворительницей бѣдныхъ изъ ново-крещенныхъ и жертвовала на поддержаніе походной церкви миссіи и деньгами и иконами, церковными принадлежностями, книгами и проч. вещами. О. Макарій называетъ ее сотрудницей. Она писала сама иконы для церкви и даже переписывала для о. Макарія его переводы съ

---

[18]) Странникъ 1860. Апрѣль.

оригиналовъ на русскій языкъ: книгу Іова, Лѣствицу и др. и даже не одинъ разъ по случаю оказывавшихся необходимыхъ исправленій. Письма о. Макарія къ этимъ дамамъ заключаютъ совѣты, поученія, наставленія, нерѣдко довольно строгія по отношенію къ ихъ вопросамъ, касающимся житейскихъ обстоятельствъ, искушеній, непріятностей, огорченій, и т. п. „Не рѣжьте себя тупымъ ножемъ по горлу“ (пишетъ онъ стр. 43, к. I.), но однимъ рѣшительнымъ розмахомъ отрубите голову гордости вашей; смиритесь,—и Богъ спасетъ васъ. Получше, какъ можно получше надобно выдавить гной изъ всякой раны и ранки; послѣ того и примочка слезная будетъ во время и въ пользу; а безъ того она смѣшивается съ гноемъ и умножаетъ оный, и ранки малыя могутъ содѣлаться большими язвами къ смерти“. Замѣчательно его объясненіе „Грозныхъ прещеній и отлученій“ Св. Отцовъ стр. 55. „Посмотрите на пастуха добраго въ полѣ со стадомъ; какой у него длинный бичъ. Какой громкій звукъ раздается, когда онъ хлопаетъ имъ! Но онъ имъ поражаетъ сырую землю, и для того только весь громъ производитъ, чтобы овцы не разбрелись и не сдѣлались добычею хищнаго звѣря; удары его такъ искусны, что на овецъ не упадаютъ; но овцы боятся, чтобы имъ не подвергнуться, и остаются въ послушаніи и единства стада своего держатся смиренно“... „Но буква убиваетъ, а духъ животворитъ; и кто одною буквою оною обладаетъ и управляетъ, тотъ убиваетъ кого больше? себя или другихъ?—А кто проникъ не гордымъ челомъ высокой учености, а смиренною грудью любви въ духъ оный буквы, въ рукахъ того и буква жива, и какъ мила, любезна, сердцу его любезна! питательна, знаменательна, грозна, кротка, важна, снисходительна, драгоцѣнна, священна, со опасствомъ прикосновенна и открываема, съ благословеніемъ соблюдаема—ради духа замкнутаго въ ней; но и духъ самый соблюдается буквою оною отъ безпорядочнаго, безвременнаго разліянія, расточенія и исчезновенія“. Сколько бы мы ни извлекали выписокъ изъ этихъ писемъ, они не могли бы послужить къ вѣрной оцѣнкѣ содержанія писемъ о. Макарія. Ихъ надо читать во всей цѣлости. Нелишнимъ считаемъ замѣтить здѣсь, что судя по нѣкоторымъ чертамъ содержанія писемъ къ Е. Θ. Н. она жила въ Тобольскѣ и была изъ числа тѣхъ замѣчательныхъ по самоотверженію дамъ, которыя послѣдовали

въ ссылку за своими несчастными мужьями—декабристами. Намекъ на отношенія о. Макарія къ декабристамъ мы находимъ и въ письмѣ митрополита Филарета къ нему, по поводу сѣтованія о. Макарія на недостатокъ людей способныхъ для миссіи. Письмо это такъ важно, что мы приведемъ его вполнѣ (чт. въ общ. Люб. Дух. просв., стр. 90—92). „Преподобнѣйшій отецъ архимандритъ. Я чуть не позавидовалъ, услышавъ передъ симъ о письмѣ вашемъ инуды: но вы тотчасъ освободили меня отъ искушенія. Благодареніе Богу, хранящему и подкрѣпляющему васъ на трудномъ поприщѣ. Сотница обращенныхъ вами да будетъ въ тысящи и тмы народа Божія! О вашей нуждѣ въ людяхъ говорилъ я въ Св. Синодѣ. Сказали: долженъ помочь епархіальный преосвященный. Подлинно, намъ послать къ вамъ кого нибудь силою и неудобно и безполезно; а уговорить также трудно не знающаго васъ. По возможности буду еще о семъ заботиться. Иванъ Павловъ могъ бы вамъ годиться, еслибы мысль сія пришла ранѣе. Но недавно онъ сектаторски привязался къ одному дворянину сектатору, и подвергся съ нимъ непріятностямъ и замѣчанію у начальства, такъ что теперь, еслибы онъ и пошелъ къ вамъ, едва-ли принесъ бы вамъ пользу, а могъ бы навести на васъ подозрѣніе. Андрей Ивановъ, случайно возбужденный, но неуправленный, изъ студентовъ академіи попалъ въ типографскіе корректоры, и также способенъ обременить, а не облегчить васъ. Что касается до особеннаго разряда людей, которыхъ вы полагаете пребывающихъ въ духѣ покаянія, на которыхъ лежитъ замѣчаніе, безпримѣрно болѣе тяжкое, нежели на Иванѣ Павловѣ,—можете по сему сравненію заключить, посовѣтую ли я просить кого изъ нихъ. Изъ сего непредвидится кромѣ вреда вашему чистому и простому дѣлу. Можетъ быть время принесетъ удостовѣреніе о пребываніи сихъ людей въ духѣ покаянія, и въ томъ, что они могутъ быть употреблены полезно и благонадежно: теперь еще не сіе время. И подумайте, изъ головъ, которыя почли себя способными перестроить цѣлый міръ, скоро ли можетъ выйти вся сія огромная дурь безъ остатка? Сказываютъ о нѣкоторыхъ, что смирились и занимаются религіею. Слава Богу. Но духъ покаянія требуетъ, чтобы они признались не въ ошибкѣ и заблужденіи, въ чемъ мудрость иногда признается, а въ безуміи и преступленіи. Пре-

доставимъ сіе хотящему всѣмъ спастися. А вы будьте осторожны. Хочется мнѣ поспорить противъ вашего свидѣтельства о мнѣ, будто я когда-то сказалъ: „не всѣ наши такъ худы, какъ ты“. Не клевещете ли вы на меня немножко? Не охотникъ я употреблять, ни слышать слово: наши. Зачѣмъ раздѣлять? Какое право присвоить? Всѣ Божіи и Государевы: и полно. Притомъ я думаю, что если я сказалъ что либо подобное, то развѣ такъ: „не всѣ такъ худы, какъ и мы съ тобою“. Вотъ что могъ я сказать для моего обличенія и для вашего смиренія. Начатки христіанскаго ученія послать вамъ постараюсь. Остается сказать, что вы лучше бы распорядились, еслибы въ письмѣ вашемъ говорили все, какъ миссіонеръ только, дабы можно по надобности сообщить ваше собственно-ручное извѣстіе или требованіе по вашимъ дѣламъ; а что говорится только мнѣ, то написали бы на особомъ лоскутѣ, дабы я скорѣе могъ раздрать рукописаніе, въ которомъ вы клеплете, если не на меня, то на себя. Простите меня предъ временемъ покаянія. Богъ да проститъ и васъ, аще въ чемъ требуетъ прощенія душа ваша, и миръ Божій да соблюдаетъ сердце ваше, и разумѣніе ваше, и житіе ваше, и новоизбираемое стадо ваше. Спб. мар. 2. 1835. Ф. М. М—скій. Кромѣ сказаннаго нами письмо это еще указываетъ *на раздраніе* какъ на причину, почему къ сожалѣнію такъ мало сохранилось писемъ о. Макарія къ М. Филарету, и писемъ частныхъ неоффиціальныхъ, и потому крайне интересныхъ.

Во второмъ изданіи (1860), отпечатанномъ въ типографіи В. Готье и состоящемъ изъ 2 частей, собраны письма о Макарія, какъ къ помянутымъ дамамъ такъ и къ другимъ лицамъ. Къ 1 части приложено какъ faximile руки о. Макарія часть литографированнаго письма его, напечатаннаго въ полномъ объемѣ во 2 ч. этого изданія и писаннаго къ П. П. Г. Ко второй части приложено, тоже какъ faximile, четырестишіе, написанное о. Макаріемъ. Въ этомъ изданіи не соблюденъ ни хронологическій порядокъ, ни даже точность текста писемъ. Мы заключаемъ это изъ того, что въ письмахъ къ Е. Ѳ. Н. и Кн. Е. П. Т., помѣщенныхъ въ изданіи 1851 г. и перепечатанныхъ во второмъ 1860 год., много пропусковъ. Кто такъ распорядился: самъ ли собиратель и издатель писемъ его цензоръ, или священникъ Ф. Сергіевскій? Это послѣднее собраніе писемъ о. Макарія при

всей неполнотѣ и недостаткахъ представляетъ еще больше интереса нежели первое, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ письма о. Макарія не къ двумъ только лицамъ перваго изданія, а ко многимъ другимъ. Содержаніе этихъ писемъ очень разнообразно. Привѣтствуетъ ли онъ кого по случаю радостнаго семейнаго событія или предлагаетъ слова утѣшенія въ горестномъ, онъ постоянно въ основаніе своихъ мыслей приводитъ св. Писаніе или писаніе св. отцовъ и такъ послѣдовательно и увлекательно развиваетъ свои мысли, что не знаешь чему дивиться: богатству ли и глубинѣ его мыслей, необыкновенной ли эрудиціи его? И все такъ конкретно и вмѣстѣ просто, безъ малѣйшаго поползновенія блеснуть краснорѣчіемъ, что письма его читаются и перечитываются съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе еще, что онъ никогда не повторяетъ т.-е. не приводитъ однихъ и тѣхъ же мыслей или выраженій, хотя бы событіе или предметъ рѣчи, ихъ вызвавшіе, были схожи. Особенно замѣчательны по содержанію и изложенію два письма къ Ѳ. А. Г. (71 стр. 3 и 5) 1) „привѣтственное предъ вступленіемъ въ бракъ“ Ѳ. А. Г. и 2) „утѣшительное по кончинѣ его супруги“ чрезъ семь лѣтъ послѣ того какъ о. Макарій поздравлялъ Ѳ. А. Г. со вступленіемъ въ бракъ съ той же особой, утрату которой теперь Ѳ. А. Г. пришлось оплакивать. Обладая такимъ талантомъ, онъ не придаетъ ему значенія, а все приписываетъ св. Писанію. Въ одномъ изъ писемъ къ П. П. Г. онъ проситъ при чтеніи его писемъ найти приведенныя изреченія Божіи и со вниманіемъ прочитать каждое въ мѣстѣ его, прибавляя. „Dulcius ex ipso fonte libuntur aquae, вода пріятнѣе, когда пьешь изъ самаго источника“. Въ другомъ къ М. П. П. онъ предлагаетъ въ утѣшеніе почти только одни избранныя изреченія изъ Евангелія на русскомъ языкѣ и въ началѣ письма говоритъ: „ничего другаго не буду предлагать и теперь въ утѣшеніе кромѣ глаголовъ жизни вѣчной“... Въ одномъ изъ писемъ къ І. А. о. Макарій такъ заканчиваетъ письмо: „Душа христіанская въ молитвѣ говоритъ Богу, а когда читаетъ св. Писаніе, тогда слышитъ Бога говорящаго ей. Иначе—воззрѣніе ея на Іисуса Христа есть молитва, а слово Христово къ ней есть воззрѣніе Іисуса Христа на нее, есть лучъ свѣта сего животворящаго, и прогоняющаго, уничтожающаго всякую тьму грѣха. Итакъ будемъ искать сихъ благодатныхъ воззрѣній въ

Священнѣйшей Библіи". Изъ писемъ же о. Макарія видны его и матеріальныя заботы о миссіи и новокрещеныхъ. Такъ увѣдомляя С. А. М. (ч. 1 стр. 36) о полученіи вмѣстѣ съ серебряными крестами, журнала земледѣльческаго за десять лѣтъ, трехъ книжекъ сельскаго хозяйства о овцеводствѣ и пятидесятирублевой ассигнаціи о. Макарій пишетъ: „Хотя въ кругу различныхъ потребностей миссіи и пособіе деньгами не бываетъ излишнимъ, однако по мнѣнію моему вы поступили бы лучше, еслибы на пятьдесятъ рублей купили книгъ и книжекъ хорошихъ и прислали ихъ намъ; потому что вы и купили бы ихъ подешевле и прислали бы безъ дальнихъ издержекъ". Затѣмъ о. Макарій выражаетъ желаніе имѣть „Магазинъ естественной исторіи", журналъ, который издавался Двигубскимъ въ продолженіе 8 лѣтъ и „Земледѣльческую химію" Павлова. Проситъ о высылкѣ сѣмянъ овощей, врачебныхъ травъ и цвѣтовъ, заботится даже и о табачныхъ сѣменахъ для инородцевъ. Увѣдомляя объ открытіи при миссіи трехъ школъ: двухъ въ Майминскомъ и Уланскомъ станахъ для мальчиковъ и одной въ Майминскомъ станѣ для дѣвочекъ, спрашиваетъ: „нѣтъ ли краткаго и общепонятнаго изложенія ученія о сельскихъ трудахъ, принадлежащихъ мущинамъ, усвоенныхъ женщинамъ, и общихъ для тѣхъ и другихъ? Ознакомясь съ календаремъ флоры Линнея и даже списавъ его, спрашиваетъ: нѣтъ ли также такого календаря натуры?... „въ которомъ бы представлялась картина произведеній многоразличной премудрости Божіей и сыновъ человѣческихъ; въ нихъ и съ ними ея веселіе, ихъ она избрала себѣ въ сотрудники, имъ показываетъ дѣла свои и законы, по какимъ она донынѣ дѣлаетъ съ Отцемъ своимъ: и если она имѣетъ свое веселіе въ сынахъ человѣческихъ, то и сыны человѣческіе не должны ли искать веселія своего въ познаніи Премудрости Божіей, въ удивленіи дѣламъ ея, въ наслажденіи ею, въ подражаніи ей, въ соединеніи съ нею, въ уподобленіи ей"?... „Такую книгу могли бы дѣти земледѣльцевъ читать отцамъ и матерямъ своимъ безграмотнымъ и сколь благотворныя могутъ послѣдствія произойти отъ сего". Нѣкоторыя письма о. Макарія свидѣтельствуютъ о его любознательности и любви къ наукамъ вообще, но мы приведемъ ихъ въ послѣдствіи какъ единственный источникъ при описаніи его пребыванія въ Казани и посѣщеніи тамошняго университета. Изъ писемъ же

его мы видимъ, какъ онъ любилъ и понималъ искусство. Въ майской книжкѣ *Странника* за 1861 годъ напечатано письмо о. Макарія къ академику М. И. Мягкову, который пожертвовалъ походную церковь миссіи. Письмо это не попало въ помянутое собраніе писемъ о. Макарія, изданное въ 1860 году. Оно такъ интересно, что нельзя не благодарить А. Г. Малькова, сообщившаго его. О. Макарій, описывая свои впечатлѣнія при осматриваніи имъ въ бытность свою въ С.-Петербургѣ картинъ Егорова и Брюлова, останавливается особенно на изображеніи Распятія въ протестантской церкви. Отдавая справедливость выраженіямъ ликамъ Іисуса Христа, Богоматери и ап. Іоанна, онъ не мирится съ изображеніемъ Магдалины и говоритъ: „но Магдалина—о несчастное упрямство и своенравіе генія!—та Магдалина, которая была обращена Іисусомъ отъ грѣха къ чистотѣ, Магдалина, изъ которой Онъ изгналъ семь бѣсовъ и которой весь характеръ состоитъ въ покаяніи, уже вкусившемъ и увидѣвшемъ, сколько благъ Господь, но еще продолжающемся и рѣшившемся непрестанно содержать виновную плоть въ обузданіи, порабощеніи и смиреніи,—Магдалина, свидѣтельница смерти Іисусовой, когда должна причащаться страданій Христовыхъ и участвовать въ неизреченней печали Его Пречистой Матери, представляется вамъ роскошною и тѣлеснѣйшею красавицею и разряжена не только *попрежнему*, но и по послѣднему, пышные и раздутые рукава выписаны для нея изъ самой Франціи. Гдѣ здѣсь возможность, современность и истина? Но такова участь совершеннѣйшихъ дѣлъ человѣческихъ; онѣ всегда ознаменованы бываютъ печатію несовершенства и неправильности, потому что мы всѣ человѣки, и человѣки неправильные“... Приведемъ кстати мысли о. Макарія объ искусствѣ, высказанныя имъ еще въ бытность его студентомъ духовной академіи въ сочиненіи его на заданную тему, какъ упражненіе. Основная мысль сходна съ мыслью его современника Жанъ-Поль-Рихтера, который, какъ извѣстно, высказывалъ мысль, что поэзія есть зеркало, въ которомъ отражается жизнь. Студентъ Глухаревъ писалъ: „Совершенство искусства состоитъ въ совершенномъ подражаніи природѣ; природа есть образецъ; искусство достигаетъ своего назначенія, когда представляетъ вѣрный онаго списокъ, когда, какъ въ чистомъ зерцалѣ, исто отражаются въ немъ образы предметовъ суще-

ствующихъ, или могущихъ существовать въ области природы, воображенія ума человѣческаго“ [19])... О. Макарія занимала и музыка, съ которой онъ былъ нѣсколько знакомъ. Макарій никогда не выставлялъ своего имени на своихъ сочиненіяхъ и даже на вопросы о томъ отвѣчалъ уклончиво; но въ письмахъ его находимъ указаніе, что онъ заботился о гармонизаціи своихъ мелодій. Въ письмѣ къ Н—ѣ Д. М. (ч. 1, стр. 217) онъ пишетъ: „Желая соотвѣтствовать благочестивому усердію вашему къ церковной миссіи здѣшней, котораго памятники украшаютъ походный храмъ нашъ, представляю вамъ одинъ псаломъ Давидовъ съ нотами, по которымъ вы можете догадаться, какъ я распѣваю въ моихъ прогулкахъ и путешествіяхъ по службѣ. Ноты соотвѣтствуютъ еврейскому тексту, который написанъ подъ ними съ переводомъ россійскимъ. Мнѣ ихъ разыгрывалъ въ Барнаулѣ на фортепіано одинъ молодой господинъ, но онъ не имѣлъ времени исправить мои ноты, дать имъ установленный закономъ музыки видъ и положить на бумагу аккорды. Все это предоставлено вамъ, и я осмѣливаюсь питать весьма пріятную надежду, увѣряющую меня, что воспріявъ въ покровительство ваше какъ бы усыновите эти звуки, несущіеся къ вамъ изъ горъ Алтайскихъ, звуки, какіе пріискалъ я въ душѣ моей для высокой пѣсни пророка. Вы дадите имъ приличное образованіе и украшеніе, соедините съ ними священные тоны вашего сердца и пришлете ко мнѣ нѣчто похожее на концертъ, который мнѣ иногда разыгрывали въ Барнаулѣ на фортепіано“... Въ письмѣ къ Г. Т. М. стр. 197). „Богопреданной вдовицѣ посылаю въ подарокъ псальму, которую пою и самъ по временамъ; сложить ее желаніе возбуждено извѣстною страстною пѣснію западныхъ христіанъ: „Stabat Mater dolorosa“. Не о той ли пѣсни, которая находится въ числѣ другихъ въ его „Лептѣ“, изданой въ пользу бѣдныхъ между новокрещеными при церковной алтайской миссіи, здѣсь говорится? Эту „Лепту“ также какъ и „пѣснь о преподобномъ Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ“ и тоже съ аккомпаниментомъ фортепіано о. Макарій раздавалъ своимъ знакомымъ. На оборотѣ

---

[19]) Выше было указано на собраніе этихъ юношескихъ сочиненій его, хранящихся въ библіотекѣ моск. дух. академіи.

каждой изъ этихъ брошюръ напечатано приглашеніе къ содѣйствію усердными приношеніями успѣхамъ церковной алтайской миссіи. Мы тоже получили отъ о. Макарія обѣ эти брошюры лично и были свидѣтелями, какъ онъ по нимъ при насъ пѣлъ и самъ аккомпанировалъ себѣ на фортепіано. Голосъ у него былъ слабъ, но онъ все-таки пѣлъ. Это было меньше нежели за годъ до кончины о. Макарія. О. Макарій очень любилъ хорошее церковное пѣніе, но только не такъ-называемое итальянское, а простое изстари усвоенное нашей церковью. Мы увлеклись бы очень далеко, еслибы стали продолжать характеристическія выписки изъ писемъ о. Макарія. Мы не можемъ позволить себѣ уклониться отъ взятой на себя задачи только собрать по возможности и указать матеріалы для біографіи этой замѣчательной личности. Причемъ не можемъ не высказать сожалѣнія, что матеріаловъ изъ записаннаго очевидцами и современниками его оказывается еще сравнительно мало и что оказавшееся на лицо очень отрывочно и неполно. Всего больше приходится жалѣть о томъ, что не все еще издано, какъ мы сказали, да и то немногое, что издано отъ его имени и особенно собраніе его писемъ, издано довольно небрежно; но и за то немногое, что издано, мы должны быть благодарны издателямъ, потому что письма о. Макарія кромѣ превосходныхъ поученій служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для повѣрки появившихся въ печати свѣдѣній о немъ. Кромѣ дневника съ отчетомъ по своей дѣятельности и переписки съ благотворителями миссіи, друзьями и знакомыми о. Макарій продолжалъ заниматься, какъ извѣстно, и учеными работами. Мы уже упоминали, что онъ переводилъ для воронежскаго епископа Антонія огласительныя слова Θеодора Студійскаго. Переводъ этотъ, начатый о. Макаріемъ еще въ бытность его въ Глинской пустыни, оконченъ на Алтаѣ[20]). Затѣмъ онъ перевелъ Іоанна Лѣствичника, Исповѣданіе бл. Августина, бесѣды св. Григорія Великаго. Что эти переводы отличались хорошими качествами, свидѣтельствуетъ вниманіе къ нимъ такого строгаго цѣнителя, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ. Выразивъ въ письмѣ отъ 28 марта 1829 года желаніе получить отъ о. Макарія рукопись Іоанна Лѣствичника для напечатанія,

[20]) Письма архимандрита Макарія. Ч. 1, стр. 109.

митрополитъ продолжаетъ: „желалъ бы я читать и переводъ исповѣданія бл. Августина; а до перевода бесѣдъ св. Григорія Великаго чувствую такую жадность, что хотѣлъ бы получать оный по частямъ, по мѣрѣ, какъ онъ дѣлается. Что принадлежитъ до встрѣченнаго въ семъ переводѣ затрудненія, мое мнѣніе: переводить вѣрно все, и отложить до разсужденія цензуры, нужно ли къ какому мѣсту примѣчаніе, или что другое“. Къ этому же времени относятся первыя попытки о. Макарія къ осуществленію его главнаго труда по переводу всей Библіи на русскій языкъ съ еврейскаго. Мы перейдемъ къ возможно полному и обстоятельному изложенію всѣхъ перипетій этого капитальнаго труда, которому о. Макарій посвятилъ, не смотря на всѣ непріятности, невзгоды, противодѣйствія, весь остатокъ жизни; но предварительно укажемъ и на другіе труды и занятія, относящіеся ко времени его пребыванія на Алтаѣ. Такъ, руководствуясь опытомъ какъ миссіонеръ, о. Макарій написалъ цѣлый проектъ, посвященный миссіонерскому дѣлу: „Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ Россійской державѣ“. Рукопись эту онъ послалъ епархіальному епископу, преосвященному Агапиту съ прошеніемъ о представленіи ея Святѣйшему Синоду. Рукопись эта находится въ Троицкой Лаврѣ, въ академической библіотекѣ въ отдѣлѣ рукописей, по каталогу Горскаго № 8, куда попала конечно чрезъ митрополита Филарета, получившаго ее изъ Св. Синода. Желающіе ближе ознакомиться съ этимъ превосходнымъ проектомъ о. Макарія, найдутъ списки съ его рукописи, кромѣ помянутой академической библіотеки, и въ отдѣлѣ рукописей въ московскомъ публичномъ румянцевскомъ музеѣ. Здѣсь мы можемъ только вкратцѣ познакомить съ содержаніемъ проекта.

Въ виду способовъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между язычниками, магометанами и евреями, о. Макарій предварительно указываетъ на необходимость перевода и изданія полной Библіи съ оригинальныхъ языковъ на живой русскій языкъ, и не только для міранъ, но и для бо́льшей части служителей церкви, такъ какъ славянскій языкъ сталъ уже мертвымъ и недостаточно понятнымъ и долженъ остаться въ употребленіи лишь въ церковномъ богослуженіи. А „чтобы св.

Библія разливала изобильнѣйшею мѣрою истинный свѣтъ въ россійской церкви вкупѣ со всѣми другими",—онъ желаетъ умноженія числа грамотныхъ въ простомъ народѣ: что можетъ быть достигнуто заведеніемъ школъ не только по селамъ, отстоящимъ нерѣдко, особенно въ Сибири, далеко отъ деревень, но и по всѣмъ деревнямъ, и не для однихъ мальчиковъ, но и для дѣвочекъ—будущихъ матерей поколѣній. „Женщины также искуплены кровію Іисуса Христа и первыя насъ учатъ, первыя бросаютъ сѣмена въ дѣвственную почву дѣтскаго сердца". Сожалѣя о милліонахъ людей, пропадающихъ во тьмѣ невѣжества, о. Макарій указываетъ на великаго учителя вселенскаго Іоанна Златоуста, который въ одной изъ бесѣдъ на Дѣянія св. Апостоловъ, поставляетъ за правило, чтобы всякое селеніе христіанское имѣло свою церковь и своего священника. Церкви эти, по мнѣнію о. Макарія, должны бы быть самой простой, незатѣйливой архитектуры, а священникъ съ единственнымъ причетникомъ, равно какъ и жены ихъ могли быть преподавателями въ школахъ; дѣти же не были бы вынуждены бѣгать за нѣсколько верстъ въ село для того, чтобы учиться; а оставаясь дома, могли бы послѣ ученія въ свое время помогать родителямъ въ полевыхъ работахъ и рукодѣльяхъ. Мы привели въ очень сокращенномъ и сжатомъ видѣ начало его обширной рукописи, съ которой желающимъ познакомиться вполнѣ мы уже указали на помянутыя библіотеки, а теперь заключимъ первыя три главы рукописи изложеніемъ его мысли: „Конечно суммы огромныя были бы нужны, великія движенія и усиліи неизбѣжны, разныя непріятности необходимы; но, вопервыхъ, это дѣло было бы производимо мало-по-малу, съ тихою постепенностью,—и сей малый ручей, еслибы произошелъ изъ родника Присножекущаго, скоро въ своемъ теченіи соединился бы съ другими потоками, содѣлался бы малою рѣчкою; а сія рѣчка, соединившись съ другими, явилась бы въ свое время рѣкою великою, которая изобильныя благословенія Божія разливала бы въ русскомъ народѣ; а вовторыхъ, всѣ затрудненія ничего не значатъ въ сравненіи съ важнѣйшею и священнѣйшею нуждою церкви и государства, состоящею въ христіанскомъ просвѣщеніи всего народа, хотя и не всего одною мѣрою. А чѣмъ болѣе свѣтъ Христовъ будетъ распространяться въ нашемъ народѣ, тѣмъ онъ въ безчисленныхъ прикосновені-

яхъ къ инородцамъ и въ сношеніи съ ними благотворнѣе будетъ дѣйствовать на невѣрныхъ и приближать ихъ къ соединенію съ церковію Христовой; тѣмъ болѣе добрыхъ дѣлателей для жатвы Господней церковь будетъ получать отъ народа, и когда миссіонеры будутъ стараться о заведеніи дѣтскихъ училищъ между новокрещеными, тогда сіи не скажутъ имъ: „почему же вы мучите насъ, когда старыхъ христіанъ своихъ не учите знать христіанскую вѣру?“—Затѣмъ въ слѣдующихъ главахъ, послѣ предварительныхъ объясненій о необходимости для миссіонерскаго дѣла воспитательныхъ заведеній для обоего пола и нужды въ миссіонерахъ, какъ безбрачныхъ, такъ и женатыхъ, о. Макарій весь составъ миссіонерскаго дѣла раздѣляетъ: на 1) россійское миссіонерское общество при Св. Синодѣ; 2) образовательныя заведенія—мужское и женское въ пользу церковныхъ миссій и 3) сословіе самихъ миссіонеровъ, т.-е. безбрачныхъ и вдовыхъ, подвижницъ, посвятившихъ одиночество свое Богу, и миссіонеровъ семейныхъ. На миссіонерское общество онъ возлагаетъ: ревностное содѣйствіе къ распространенію христіанства, доброе устроеніе миссіонерскихъ образовательныхъ заведеній, стремленіе къ благосостоянію и успѣхамъ церковныхъ миссій въ Россіи, обращеніе раскольниковъ къ союзу и общенію съ православною церковію и заведеніе церквей и школъ по деревнямъ. Затѣмъ входитъ въ подробности и показываетъ, какъ достигнуть распространенія Слова Божія. Первымъ дѣломъ ставитъ переводъ Библіи и Новаго Завѣта съ оригинальныхъ языковъ на русскій и другіе языки иновѣрныхъ инородцевъ — подданныхъ Россіи, потомъ указываетъ какъ пріобрѣсти и денежныя средства на способы къ миссіонерскому дѣлу. Указывая на возможность ошибокъ и погрѣшностей, совѣтуетъ не унывать и ставитъ въ примѣръ Петра Великаго, который и дѣлая ошибки все-таки научился изъ уроковъ, данныхъ ему врагами, побѣждать этихъ самыхъ враговъ и увѣнчать Россію славою. Совѣтуетъ изданіе Корана на арабскомъ языкѣ съ изобличительными замѣчаніями. Просвѣтительной дѣятельности миссіонерскаго общества предоставляетъ изданіе Библіи и Новаго Завѣта на языкахъ оригинальныхъ съ полнымъ по возможности показаніемъ различія чтеній по различнымъ древнѣйшимъ спискамъ Библіи, дабы видно было, что Библія, проходя чрезъ толикіе вѣка, не

могла повредиться и измѣниться въ существенномъ. Іисусъ Христосъ обличалъ книжниковъ и фарисеевъ за лицемѣріе и ученіе, несогласное съ чистотою заповѣдей Божіихъ, *не обличалъ ихъ однако за поврежденіе книгъ, писанныхъ боговдохновенными пророками*, а говорилъ: „испытайте Писанія: онѣ свидѣтельствуютъ обо Мнѣ“. Для этой же цѣли считаетъ потребнымъ изданіе подлинныхъ съ переводомъ на русскій языкъ сочиненій всѣхъ церковныхъ писателей перваго вѣка, нѣкоторыхъ втораго, третьяго и дальнѣйшихъ, а также новѣйшихъ. Кромѣ изданія и распространенія въ народѣ обществомъ нравоучительныхъ и назидательныхъ книгъ, о. Макарій выражаетъ желаніе, чтобы Св. Синодъ разрѣшилъ обществу печатать Сборникъ, подъ названіемъ „Вѣстникъ Россійской церкви“, біографіи достопамятныхъ лицъ въ россійской церкви новѣйшихъ временъ, ученіе, слова и бесѣды знаменитыхъ пастырей и учителей нашихъ и пр. Совѣтуетъ послать въ разныя христіанскія государства при благонадежномъ руководителѣ двухъ воспитанниковъ церковной академіи, даровитыхъ и понимающихъ по крайней мѣрѣ французскій языкъ, для ознакомленія съ церковно-воспитательными заведеніями, особенно относительно образованія миссіонеровъ и ихъ дѣйствій, внесенія всего достойнаго вниманія въ путевыя записки и представленія миссіонерскому обществу. Кромѣ того подобныя же посольства отправлять и по Россіи для посѣщенія училищъ, лавръ и монастырей и для привлеченія ихъ какъ въ нравственномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи къ обязанности россійской церкви просвѣщать живущихъ въ Россіи магометанъ, евреевъ и язычниковъ и вводить ихъ въ церковь Христову и въ царство небесное для путешествія по тѣмъ мѣстамъ Россіи, гдѣ много евреевъ, или магометанъ или язычниковъ, съ цѣлью наблюденія и составленія записокъ о тѣхъ странахъ и народахъ, ихъ языкахъ, нравахъ, обычаяхъ и климатическихъ условіяхъ. Постояннымъ же дѣломъ россійскаго миссіонерскаго общества о. Макарій ставитъ попеченіе объ устроеніи и благосостояніи образовательныхъ миссіонерскихъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и самыхъ миссій церковныхъ. Выразивъ желаніе, чтобы повсемѣстно царилъ духъ Христовъ, чтобы эти дружины церковныя были избавлены отъ закваски садукейской и фарисейской, о. Макарій продолжаетъ развивать свой планъ относительно миссіонер-

скихъ заведеній и устройства миссій до мельчайшихъ подробностей. Ничего имъ не забыто, ничего не обойдено имъ—устройство зданій, домовъ, церквей, выборъ наставниковъ, отношенія ихъ къ учащимся, предметы занятій послѣднихъ, науки, искусства и ремесла по отношенію къ миссіонерскому дѣлу, распредѣленіе труда и обязанностей между женатыми миссіонерами и неженатыми, между діакониссами, отношеніе миссіонеровъ къ иновѣрцамъ имущимъ и бѣднымъ. Указать хотя бы вкратцѣ на все это завлекло бы насъ очень далеко и все-таки не дало бы возможности представить въ надлежащемъ видѣ и свѣтѣ содержаніе этой замѣчательной рукописи, свидѣтельствующей не только объ административныхъ способностяхъ о. Макарія, но и его глубокомъ знаніи и пониманіи жизни и ея нуждъ и потребностей. Превосходный и разносторонне разработанный проектъ этотъ былъ оставленъ Св. Синодомъ безъ должнаго вниманія уже потому вѣроятно, что въ немъ между прочимъ развивалась мысль объ изданіи всей Библіи на русскомъ языкѣ,—мысль, противъ которой были уже воздвигнуты тогда гоненія. О. Макарія конечно это очень огорчило, но онъ не унывалъ, и по возвращеніи въ Сибирь продолжалъ заниматься переводомъ Библіи на русскій языкъ. Кромѣ того онъ сдѣлалъ въ разное время извлеченія изъ книгъ Св. Писанія. Собравъ эти извлеченія съ тою цѣлію, что не дозволятъ ли по крайней мѣрѣ хоть въ извлеченіяхъ пользоваться новообращеннымъ чтеніемъ Св. Писанія по русски, о. Макарій отправилъ эти извлеченія подъ именемъ „Алфавита Библіи“ къ московскому военному генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну, прося содѣйствія его къ изданію этого Алфавита. Князь Голицынъ не взялъ этого на себя, но отослалъ *Алфавитъ* къ своему зятю графу Протасову, оберъ-прокурору Св. Синода. Графъ Протасовъ передалъ конечно Св. Синоду, и о. Макарію пришлось потерпѣть непріятности. Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе, когда перейдемъ къ его переводу Библіи, а теперь мы должны сказать еще нѣсколько словъ о его „Начальномъ ученіи“, о которомъ упоминается въ письмахъ митрополита Филарета къ нему. Рукопись эта находится въ московской епархіальной библіотекѣ и попала туда вѣроятно послѣ смерти митрополита Филарета. Она состоитъ изъ двухъ частей и озаглавлена такъ на выходномъ листѣ, въ заголовкѣ

котораго изображенъ четвероконечный крестъ: Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учитися книгъ Божественнаго Писанія. **Во имя Оца, и Сна, и Стаго Дха, Аминь. Боже, въ помощь мою вонми: Гди, помощи ми потщися. ѱал. ѯѳ.**

Все это написано славянскими буквами. На второмъ листѣ большими прописными буквами: святѣйшаго правительствующаго Синода члену, высокопреосвященнѣйшему митрополиту московскому Филарету и всѣмъ сословіямъ царствующаго града Москвы благоговѣйнѣйшее и усерднѣйшее приношеніе. Затѣмъ письмо къ митрополиту Филарету, которое мы приводимъ въ цѣлости, какъ крайне замѣчательное по содержанію и особенно по взгляду о. Макарія на современныя ему печатныя азбуки, буквари, на молитвы, сочиненныя или измышленныя людьми къ этому непризванными.

Высокопреосвященнѣйшій архипастырь царствующаго града Москвы,

Взирая на Господа Іисуса Христа, благословляющаго дѣтей, возлагающаго святыя руки свои на нихъ, и глаголющаго: „блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ“, безъ сомнѣнія вѣрный рабъ его съ благоволеніемъ пріиметъ сію книжицу, составленную для дѣтскаго возраста преимущественно, хотя и всякихъ лѣтъ человѣки могутъ употреблять ее съ пользою.

Скоро по вступленіи моемъ въ службу при алтайской церковной миссіи представлялась необходимая потребность такой азбуки, по которой бы можно было съ удобностію учиться славянской и русской граматѣ, и въ то же время утверждать въ памяти спасительныя истины благочестія въ самыхъ началахъ и основанія ученія Христовой церкви. Думая найти такую азбуку уже въ печати, предполагалъ я усвоить ее посредствомъ перевода татарскимъ нарѣчіямъ инородцевъ здѣшняго края, для умноженія способовъ къ распространенію между ними Евангелія. Но сколько азбукъ ни представлялось, ни одна не оказывалась удовлетворительною по моимъ соображеніямъ. Въ одной напримѣръ видѣлъ я молитву Господню: „Отче нашъ!“ и другія молитвы, и Символъ вѣры, и Десять заповѣдей на славянскомъ языкѣ; а не видѣлъ ни одной буквы славянской. Въ другой, которая многимъ луч-

ше всѣхъ прочихъ [21]), не нахожу собранія извѣстныхъ словъ, которыя въ славянскомъ письмѣ отличаются *титлами*; не нахожу также привѣтствія Божіей Матери: „Богородице Дѣво, радуйся!" а сей недостатокъ не можетъ быть пріятнымъ для чувства благовѣрныхъ людей въ русскомъ народѣ. По нуждѣ употребляемъ *Россійскій букварь для обученія юношества чтенію, изданный въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи* [22]). Здѣсь представлены тѣ слова, которыя въ славянскомъ письмѣ отличаются титлами; но здѣсь нѣтъ ни привѣтствія Божіей Матери: „Богородице Дѣво, радуйся", ни Символа вѣры, ни Десяти заповѣдей, ни молитвы къ Духу Святому: „Царю небесный". А молитвъ утренней и вечерней на русскомъ языкѣ не могъ я заимствовать изъ сей азбуки для инородцевъ новокрещенныхъ; потому что не всякій всегда, возставъ отъ сна, можетъ употреблять такія слова въ молитвѣ, каковы слѣдующія: „Ты меня здрава и невредима воздвигъ отъ сна; (ибо случается, что человѣкъ въ вечеру здоровъ былъ, а проснувшись чувствуетъ боль въ головѣ или рѣзь въ животѣ или ломъ въ костяхъ) и разогнавъ тьму нощную, (но случается, и особенно во время осени и зимы, что земледѣльцы и ремесленники встаютъ отъ сна до зари, когда бываетъ темно), осіялъ радостнымъ свѣтомъ дня сего; (но случается, что сей день и не радостенъ, а напротивъ печаленъ, и что какъ встрѣтили, такъ и проводятъ его со слезами и воздыханіями). Не всякій всегда и отходя ко сну найдетъ приличными себѣ такія слова, каковы напримѣръ: „сподобившись сего нощнаго достигнуть часа",—молю,—ко сну меня отходящаго"... ибо случается, что человѣкъ проводитъ ночь въ бодрствованіи, и уже днемъ засыпаетъ, напримѣръ сторожъ: для отвращенія сихъ затрудненій признано мною за лучшее, послѣдуя руководству святой церкви нашей восточной, одно славословіе: „Слава въ вышнихъ Богу", посредствомъ легкаго измѣненія немногихъ словъ, означающихъ время, поставить образомъ молитвословій утренняго и вечерняго. Между тѣмъ, поелику тѣ образы молитвословія самые лучшіе, которые почерпаются изъ Богодухно-

---

[21]) Самоучительная Россійская азбука. Третье изданіе. Спб. Въ типографіи Императорской академіи наукъ 1838.

[22]) Ibid. 1837.

веннаго писанія: то дабы видѣли достоинство молитвословій церковныхъ, помѣщенныхъ въ сей азбукѣ, открыты мною источники ихъ въ Священнѣйшей Библіи; а видѣть ихъ въ семъ достоинствѣ, по мнѣнію моему, надобно человѣку для того, чтобы онъ и усвоилъ ихъ сердцу, какъ слова Духа Святаго, чтобы молясь словами Духа истины, научиться ему молиться духомъ и истиною. Съ особенною точностію разсудилось мнѣ показать, какимъ образомъ весь Символъ вѣры Христовой утверждается на основаніи Слова Божія, откровеннаго посредствомъ чрезвычайныхъ посланниковъ небеснымъ царемъ и Отцемъ человѣковъ. Но кромѣ указаній, по которымъ имѣющіе Святую Библію могутъ находить въ ней изреченія Божественныя, составляющія существенное ученіе Христіанской вѣры, здѣсь представлены сіи самые тексты, дабы и тѣ читали ихъ по крайней мѣрѣ въ азбукѣ, которые не будутъ читать ихъ въ Библіи. По мнѣнію моему, съ пользою и утѣшеніемъ сіи тексты могутъ быть читаны даже тѣми, кои читаютъ Святую Библію, и читаютъ ее съ разумѣніемъ и разсужденіемъ. Кромѣ молитвъ, взятыхъ изъ церковныхъ книгъ, разсудилось мнѣ представить краткія молитвы на разные случаи, взятые также изъ Священнаго Писанія. Намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобы съ азбукою славянскою и русскою совмѣстить и Катихизисъ краткій, составленный изъ самыхъ текстовъ Священнаго Писанія, и небольшой молитвословъ, и чтобы облегчались и уравнивались для народа стези ко спасительному Богопознанію единаго истиннаго Бога и посланнаго Имъ Іисуса Христа. Мнѣ показалось, что не будетъ для учащихся никакого облегченія отъ названій, обѣщающихъ многое, даже несбыточное: и съ пріятнымъ чувствомъ почтенія и признательности къ благочестію предковъ принято мною старинное надписаніе славянскаго алфавита [23]), сопровождаемое знаменіемъ креста Христова, призываніемъ имени единаго Бога въ Троицѣ славимаго, и молитвою краткою: „Боже, въ помощь мою вонми“. Ничего подобнаго не нашелъ я въ новѣйшихъ азбукахъ; а кажется, что не надлежало почитать такія принадлежности христіанскія излишними для первой книжицы, посвященной дѣ-

---

[23]). Печат. въ Москвѣ, въ типографіи св. Синода.

тямъ, которой предки наши благоразумно дали надписаніе: *начальное ученіе человѣкамъ, хотящимъ учитися книгъ Божественнаго Писанія.* Богъ одарилъ человѣковъ словесностію; въ свое время Онъ далъ имъ способность говорить письменами къ отсутствующимъ въ современности и ко всѣмъ будущимъ временамъ; а наконецъ даровалъ имъ и типографію, и алфавитъ печатный, а все для того, чтобы имъ легче было учиться читать книги Божественнаго Писанія, все для того, чтобы слово Его, слово истины, слово живое и дѣйственное, болѣе проницало, очищало и освящало массу возраждаемаго человѣчества. Итакъ, у Бога нѣтъ лицепріятія; Онъ человѣкамъ даетъ сіи стихіи слова; и всякаго, кто только хочетъ быть *человѣкомъ*, приглашаетъ къ разсматриванію сихъ знаковъ благороднаго дара, сихъ знаковъ мысли, сихъ безмолвныхъ выраженій ума и сердца, Божескаго и человѣческаго, къ удивленію, къ благодаренію, къ поклоненію и ученію; приглашаетъ прямо къ изученію *Божественнаго Писанія* и всѣмъ предлагаетъ необходимое начальное къ тому руководство и напутствіе; и такъ не отрокамъ только и юношамъ, но и мужамъ и старцамъ; и не мужескому только полу, но и женскому; ибо всѣ человѣки, и всѣ едино во Христѣ Іисусѣ; и никогда для человѣка не поздно учиться читать Священное Писаніе, могущее умудрить его во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса. Всякій искренній христіанинъ знаетъ, что въ Библіи Богъ даровалъ намъ Слово Свое: есть ли же въ Библіи Слово Божіе, то для чего учиться грамотѣ, есть ли не для того, чтобы читать святую Библію? Это существенная потребность, *насущный хлѣбъ* нашего духа; всѣ другіе виды должно отвергнуть, или поставить на нижнихъ степеняхъ вниманія, уваженія и желанія: „небо и земля прейдутъ; но слова Мои, глаголетъ Спаситель, не прейдутъ“. Не сказано впрочемъ: „учиться читать книги“, но просто: *учитися книгъ Божественнаго Писанія.* Это значитъ, что должно учиться грамотѣ не для того только, чтобы читать книги Священнаго Писанія; но чтобы изучать святую Библію, и при томъ не умомъ только, но и сердцемъ, не памятію только, но и дѣломъ и истиною. Опять не сказано: *изучить книги*, но: *учитися книгъ Божественнаго Писанія.* Это значитъ, что вся жизнь христіанина должна быть дѣятельнымъ изученіемъ откровеній Божіихъ, посредствомъ исполненія воли Отца небеснаго вѣрою въ послан-

наго Имъ благословить насъ, Единороднаго Сына Его Іисуса Христа; это значитъ, что мы во всю жизнь будемъ изучать Библію только *отчасти*; а совершеннаго, не постиженія, но созерцанія сокрывающейся и открывающейся тамо бездны богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія достанетъ для наполненія вѣчности избранныхъ радостію о Богѣ Спасителѣ. Хотя же представляются письмена, не всѣмъ народамъ усвоенныя Провидѣніемъ; однако, какъ и другихъ народовъ письмена, представляются человѣкамъ всякаго рода и племени, евреямъ, татарамъ, туркамъ, остякамъ, камчадаламъ, потому что Богъ хощетъ, чтобы всѣ люди спаслися и достигли познанія истины. 1 Тим. п. 4. Единая, святая, соборная и апостольская церковь Христова соединяетъ въ себѣ всѣ народы въ одно семейство Божіе; всякая частная христіанская церковь имѣетъ сей священный характеръ всеобщности; посему и Россійская церковь отъ всего человѣчества ожидаетъ и принимаетъ человѣковъ, для которыхъ предназначено слово славянское и Россійское содѣлаться органомъ Слова Божія, орудіемъ силы Божіей ко спасенію вѣрою во Христа, благовѣствующаго грѣшникамъ всепрощеніе именемъ Божіимъ, примиреніе съ Богомъ, освобожденіе отъ грѣха, усыновленіе Богу и свободный входъ въ вѣчное царство Его.

Всепокорнѣйше прошу васъ, милостивѣйшій архипастырь, о снисходительномъ соизволеніи, чтобы сія дѣтская книжица, когда будетъ и напечатана, украшалась именемъ вашего высокопреосвященства и именемъ царствующаго града Москвы. Пастырь предшествовалъ паствѣ своей въ благотвореніи бѣднымъ людямъ изъ инородцевъ новокрещенныхъ при алтайской церковной миссіи. Сія миссія со времени учрежденія своего всегда находила въ любви вашей ко всему, что Христово, обильныя вспоможенія и безъ упрека.

Всепокорнѣйше прошу васъ, милостивѣйшій архипастырь, о томъ также, чтобы для напечатанія сей книжицы было употреблено иждивеніе вашего высокопреосвященства и другихъ благотворителей церковной алтайской миссіи во всѣхъ сословіяхъ царствующаго града Москвы: ибо не имѣю собственныхъ способовъ для напечатанія сей азбуки славянской и русской; а она для успѣховъ служенія миссіи весьма благопотребна, весьма нужна, необходима. Одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, состав-

ляющихъ службу миссіи, есть обученіе новокрещенныхъ инородцевъ грамотѣ не только природныхъ нарѣчій ихъ, но и славянской и русской, потому что они призваны участвовать въ общественномъ богослуженіи нашей церкви, совершаемомъ на славянскомъ языкѣ, и потому что вошедши въ общеніе съ народомъ русскимъ въ единой вѣрѣ, для лучшаго познанія сей спасительной вѣры они должны искать общенія съ нимъ въ самомъ языкѣ русскомъ, и изучать сей живой языкъ, на которомъ, по милости Божіей, имѣетъ церковь наша уже Новый Завѣтъ и нѣкоторыя изъ священныхъ книгъ Ветхаго. Между тѣмъ почитаю за нужное и о томъ упомянуть, что вкупѣ съ дѣтьми новокрещенныхъ инородцевъ обучаются при миссіи дѣти инородцевъ давно-крещенныхъ и обрусѣвшихъ и дѣти русскихъ людей, что миссія приготовляетъ уже для представленія церковному начальству сообразную сей славянской и русской азбукѣ азбуку на телеутскомъ нарѣчіи, которое въ близкомъ сродствѣ со всѣми другими нарѣчіями здѣшнихъ инородцевъ, и для всѣхъ ихъ понятное, что охота учиться грамотѣ славянской и русской въ инородцахъ новокрещенныхъ открывается по временамъ весьма благонадежными признаками, и что нѣкоторые изъ нихъ, уже люди женатые, почти и безъ пособія миссіи выучились грамотѣ славянской и русской. Миссія должна видѣть въ этомъ ободрительное знаменіе Провидѣнія Божія, и симъ искрамъ желаній стремящихся къ истинному и доброму представлять пищу.

Помышляю о безчисленныхъ благодѣяніяхъ, въ продолженіе двадцати семи лѣтъ, мнѣ на добро, совершаемыхъ великодушіемъ наставника моего въ Господѣ, и попеченіемъ отеческаго во Христѣ сердца вашего о душѣ моей.

Благословите, милостивѣйшій архипастырь, мое желаніе соединить съ дѣтскою книжицею выраженіе любящихъ такія помышленія чувствъ искреннѣйшаго высокопочитанія и сердечнаго благодаренія, которыя долженъ сохранить всегда

Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца,
всепокорнѣйшій послушникъ архимандритъ Макарій.

1841 г. декабря 29-го дня.
Томскъ.

Затѣмъ часть I, въ которой излагаются славянскія письмена и русскія буквы, слоги изъ двухъ буквъ, изъ трехъ буквъ и образцы словъ безъ титлъ и подъ титлами, и наконецъ цифры славянскія, арабскія и римскія. Въ части II—„чтенія изъ Священнаго Писанія и нѣкоторыя молитвы церковныя". Все это на русскомъ языкѣ, но съ указаніемъ книгъ, главъ и стиховъ, по которымъ можно найти въ славянскомъ текстѣ. Кромѣ того, здѣсь въ стихахъ, извлеченныхъ изъ книгъ Св. Писанія, изложены основанія христіанскаго ученія о Богопознаніи и Богопочитаніи. Всѣ эти изреченія Св. Писанія, съ указаніемъ въ выноскахъ откуда взяты, такъ хорошо избраны и подобраны, такъ соотвѣтствуютъ намѣченной цѣли, что лучшаго и желать нельзя для начальнаго ученія. Очень жаль, что такая общеполезная рукопись остается до сихъ поръ неизданною. Общество любителей духовнаго просвѣщенія принесло бы большую пользу, издавъ эту рукопись взамѣнъ безсмысленныхъ букварей и азбукъ, распространяемыхъ поневолѣ повсюду за отсутствіемъ чего-либо болѣе дѣльнаго для первоначальнаго обученія. Если гоненію подвергались Св. Писанія на русскомъ языкѣ и самому митрополиту Филарету досталось за русскіе тексты къ Катехизисѣ его, то ужъ конечно нечего было и думать объ изданіи такого начальнаго обученія, гдѣ главное мѣсто занимали извлеченія изъ Св. Писанія на русскомъ языкѣ. Теперь эти препоны исчезли уже давно, и митрополитъ Филаретъ дожилъ до осуществленія его завѣтной и такъ долго лелѣемой имъ мысли—до разрѣшенія изданій книгъ Св. Писанія на русскомъ языкѣ, но рукопись о. Макарія была почему-то забыта. Самъ о. Макарій придавалъ такую цѣну, такое значеніе извлеченіямъ изъ Св. Писанія, собраннымъ во II части Начальнаго ученія, что въ заключеніи, въ концѣ этой части, обращается къ родителямъ такъ: „не соизволятъ ли благочестивые родители, и преимущественно матери, *сами* пріучать дѣтей своихъ находить и читать означенные въ сей книжицѣ тексты Священнаго Писанія и помогать имъ разумѣть изреченія Духа истины? Лучшее время для сего святаго семейственнаго утѣшенія есть воскресный день. Люди небѣдные могли бы имѣть особый, нарочно для сего назначенный и въ чистотѣ сохраняемый, экземпляръ сей книжицы. При вступленіи молодыхъ людей въ супружество и при разлукѣ съ родителями

они получали бы отъ матерей вмѣстѣ съ иконами сію книжицу, но, можетъ быть, матери восхотѣли бы и у себя оставлять экземпляръ ея: посему, когда дитя уже могло бы читать эту книжицу, достаточные родители купили бы два экземпляра ея, кои оба были бы употребляемы ими въ священныхъ бесѣдахъ съ дѣтьми. Люди высшихъ сословій могли бы имѣть при сихъ книжицахъ портреты благонравныхъ дѣтей. Сіи памятники, сіи залоги, сіи благословенія рачительно были бы сохраняемы въ христіанскихъ семействахъ. Нерѣдко онѣ бывали бы освящаемы молитвенными воспоминаніями и слезами. Сердце матери понимаетъ все".

Въ концѣ этой рукописи, очень заботливо—красиво и четко переписанной, есть приписка рукою о. Макарія: *для типографа*. Покорнѣйше прошу печатать по-славянски все, что находится въ этой книжкѣ на славянскомъ языкѣ. А. М.

На письмо, при которомъ была препровождена эта рукопись, также какъ и на другія—о библейскомъ алфавитѣ и о переводѣ библій, митрополитъ отвѣчалъ: „Съ вашимъ *начальнымъ ученіемъ* не знаю что дѣлать. Теперь болѣе нежели когда-либо возбраняютъ замѣнять славянское русскимъ. О *библейскомъ алфавитѣ*, по той же причинѣ, вовсе нѣтъ надежды, чтобы могъ быть напечатанъ. И признаюсь вамъ, что мнѣ кажется онъ составленнымъ непривлекательно для употребленія. И рукописью перевода ветхозавѣтныхъ книгъ не очень хвалитесь. Здѣсь явился литографированный переводъ нѣкоторыхъ съ примѣчаніями, противными достоинству пророчествъ, и другими неправильностями, и возбудилъ сильное прещеніе. Совѣтую держаться строже въ предѣлахъ послушанія и не очень довѣрять своему, хотя и къ добру стремящемуся мудрованію. И рѣдко пишу и непріятно. Простите и имѣйте терпѣніе и молитесь, чтобъ я лучше могъ дѣйствовать и лучше къ вамъ писать. Благословеніе Божіе да пребываетъ съ вами, и сотрудниками, и съ учениками вашими, и съ дѣлами вашими, во славу Божію и спасеніе душъ предпріемлемыми. „Филаретъ, М. Московскій. Спб. мая 1. 1843.

„Князь Александръ Николаевичъ вспоминаетъ васъ съ любобію. Онъ съ миромъ оставилъ службу и занимается теперь своимъ ослабѣвшимъ зрѣніемъ, которое впрочемъ есть надежда сохранить,—о чемъ и вы сотворите молитву".

Письмо это было написано подъ вліяніемъ непріятностей, которыя пришлось вынесть митрополиту Филарету по поводу перевода Библіи Павскаго. О. Макарій, такъ же какъ и Павскій, хотя и не такъ строго, какъ Павскій, держался мысли точнаго перевода съ еврейскаго подлинника, а митрополитъ Филаретъ находилъ необходимымъ соображаться съ переводомъ 70 толковниковъ и даже церковнославянскимъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ показанныхъ занятій о. Макарія во время пребыванія его на Алтаѣ были и такія, которыя прямо относились къ дѣлу миссіи и составляли немалую для него заботу, доставляя ему въ то же время и не мало труда. Съ татарскимъ языкомъ онъ немного ознакомился прежде, но татарскій языкъ не былъ общимъ между различными инородцами иностранцами Алтая. Языкъ каждаго изъ этихъ народцевъ представлялъ особенности. Вотъ почему о. Макарій и говаривалъ, что онъ какъ нищій накопилъ „суму полную подаяній отъ этихъ народцевъ", но надобно было разобраться въ этомъ матеріалѣ, классифицировать его, составить словарь наиболѣе употребительнѣйшаго нарѣчія телеутскаго или теленгутскаго, переводить Евангеліе, Псалмы и хотя избранные тексты изъ другихъ книгъ священнаго Писанія, церковныя пѣсни, молитву Господню и другія молитвы. Символъ вѣры, десять заповѣдей съ толкованіемъ и многое, что необходимо для новообращенныхъ, не знавшихъ вовсе русскаго языка, составить Катехизисъ краткій и краткую Священную Исторію. Все это требовало и времени и труда и лежало на одномъ о. Макаріѣ, потому что у о. Макарія было только два помощника—Нигрицкій и Ландышевъ, изъ которыхъ первый получилъ образованіе въ духовномъ училищѣ, а второй въ семинаріи и, слѣдовательно въ ученыхъ трудахъ о. Макарію большой помощи оказать не могли. Нигрицкій помогалъ о. Макарію переписывать Библію, да и въ 1842 году по болѣзни оставилъ миссію. Ландышевъ, котораго о. Макарій полюбилъ за его рвеніе къ миссіонерскому дѣлу, врядъ ли могъ посвящать себя филологическимъ заятіямъ безъ руководства о. Макарія. Ловицкій, прибывшій на Алтай съ о. Макаріемъ въ 1840 году, былъ студентъ ветеринаръ Московской Медико-Хирургической академіи, въ которую обыкновенно поступали молодые люди, не надѣявшіеся выдержать вступительный экзаменъ въ университетъ (поступившіе въ ветеринарное

отдѣленіе были еще слабѣе, такъ какъ вступительный экзаменъ былъ еще менѣе строгъ) и, слѣдовательно, Ловицкій едва ли могъ по степени полученнаго имъ образованія споспѣшествовать филологическимъ трудамъ о. Макарія.

Хотя о. Макарій предпочиталъ говорить проповѣди, поученія безъ предварительнаго подготовленія, но и написалъ ихъ довольно и по своему желанію и по желанію другихъ. Не мало написалъ ихъ по порученію преосв. Іова, какъ мы знаемъ, не мало и по собственному влеченію, такъ какъ болѣзнь груди не позволяла ему иногда говорить проповѣди самому и вынуждала поручать прочтеніе ихъ его помощникамъ. Что по смерти о. Макарія онѣ были собраны, свидѣтельствуетъ письмо м. Филарета къ архіеп. Тверскому Алексію 1853 (стр. 31)... „какую проповѣдь о. Макарія напечатать, разсудите съ добрымъ совѣтомъ. Сколько помню, я встрѣчалъ въ нихъ доброе по частямъ, но цѣлой не представлялось, которую прямо указалъ бы для *вашего изданія.*“—Что это за изданіе, намъ неизвѣстно. Есть изданіе 1854 года, оно озаглавлено: нѣсколько словъ покойнаго архимандрита Макарія, бывшаго начальника алтайской церковной миссіи. Москва. Типогр. А. Семена. Изданы только девять „словъ“ изъ произнесенныхъ имъ въ Костромѣ и на Алтаѣ. Неужели „*добрый совѣтъ*“ „*разсудилъ*“ напечатать только ихъ? Судя по этимъ изданнымъ проповѣдямъ мы въ правѣ заключить, что „*добрый совѣтъ* поступилъ не совсѣмъ основательно, если „разсудилъ“ не печатать остальныхъ.

Теперь приступимъ къ капитальному труду о. Макарія—его переводу Библіи на русскій языкъ. О. Макарій былъ уже издавна знакомъ съ еврейскимъ подлинникомъ Библіи. Это подтверждаетъ и письмо его изъ Бійска, 29 марта 1835 года, къ Г. Т. М. (стр. 204, ч. I): „Я собираюсь еще приступить къ изученію еврейской библіи. Охота открылась недавно въ прикосновеніи по службѣ къ некрещенымъ евреямъ, и хотя я не надѣюсь уже прочитать всѣ книги Ветхаго Завѣта на еврейскомъ языкѣ до смерти, однако думаю, что Господь, не оставившій тщетными усилій моихъ въ знакомствѣ съ безграмотными нарѣчіями полудикихъ племенъ, даруетъ нѣкій плодъ въ возобновленіи занятій начавшихся въ семинаріи и продолжавшихся въ академіи, впрочемъ давно уже, къ чувствительнѣйшему раскаянію моему, пре-

сѣченныхъ“. О. Макарій былъ студентомъ С.-Петербургской Духовной Академіи въ эпоху процвѣтанія Россійскаго Библейскаго Общества. Какъ человѣкъ близкій къ ректору академіи, архимандриту Филарету, одному изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общества, студентъ Глухаревъ весьма вѣроятно принималъ участіе въ переводѣ св. Писанія на русскій языкъ. 16 марта 1816, слѣдовательно за годъ до окончанія имъ курса въ академіи, коммиссія духовныхъ училищъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія относительно переложенія Новаго Завѣта на русскій языкъ, поручила дѣло это ректору академіи архимандриту Филарету съ прочими членами академіи, съ соблюденіемъ правилъ, изъ коихъ одно гласило: для поспѣшности переводъ раздѣлить на нѣсколько лицъ, коихъ избраніе предоставляется усмотрѣнію его же, архимандрита Филарета. Хотя здѣсь упоминается только Новый Завѣтъ, но затѣмъ, какъ извѣстно, были переведены книги и Ветхаго. Не даромъ же о. Макарій упомянулъ въ вышеприведенновъ письмѣ къ Г. Т. М. о своихъ занятіяхъ по изученію еврейской библіи, „начавшихся въ семинаріи и продолжавшихся въ академіи“. Протоіерей Ландышевъ разсказываетъ, какъ живой свидѣтель, случай, который привлекъ о. Макарія вновь къ занятію переводомъ Библіи. Имъ овладѣла одно время какая-то безотчетная тоска. О. Макарій не зналъ, что дѣлать, за что приняться, недостатка въ занятіяхъ у него никогда не было, но тутъ за что онъ ни принимался, что ни дѣлалъ, все какъ-то не спорилось, не клеилось. Въ такую минуту онъ нечаянно взглянулъ на полку съ книгами и глаза его остановились на еврейской библіи. Онъ взялъ ее, развернулъ и первое, что попалось на глаза была книга Іова. О. Макарій принялся читать ее и чтобы испытать свои силы, сталъ записывать по-русски прочитанное по-еврейски. Это его такъ увлекло, что съ одного присѣста явилась въ русскомъ переводѣ вся первая глава книги Іова. Припомнивъ, что Библейское Общество успѣло передать по-русски изъ Ветхаго Завѣта только до книги Іова, онъ сталъ продолжать заниматься переводомъ книги Іова и тѣмъ положилъ начало своему труду по переводу своей Библіи, съ которымъ и не разставался до конца жизни.

Зная, что М. Филаретъ постоянно и горячо стоялъ за русскій переводъ библіи, архимандритъ Макарій послалъ ему, 23

марта 1834 года, изъ Маймы письмо, въ которомъ изложилъ свои мысли о необходимости русскаго перевода [24]). Поводомъ къ этому письму было слово, сказанное митрополитомъ 22 августа 1833 года и напечатанное въ Христіанскомъ чтеніи за тотъ же годъ. Ознакомясь изъ того слова съ мыслями митрополита Филарета относительно изданія свода законовъ къ чести и славѣ Государя Николая,—о. Макарій высказалъ въ своемъ письмѣ между прочимъ надежду, что „и полная библія, будучи единственнымъ разнообразнымъ свидѣтельствомъ о Іисусѣ, какъ о Христѣ и Царѣ-царей, есть основаніе и крѣпость государственныхъ законовъ православной Россіи“ явится тоже на понятномъ для всѣхъ сыновъ Россіи языкѣ. Благодаря Государю Александру I-му новый завѣтъ и псалтырь уже переведены на русскій языкъ, а желательно также для возвышенія славы и царствованія Государя Николая Павловича, чтобы и полная библія явилась на языкѣ, на которомъ мыслятъ, говорятъ и пишутъ русскіе. Святые апостолы въ божественныхъ книгахъ новозавѣтныхъ ссылаются на предсказанія въ ветхозавѣтныхъ; желательно, чтобъ и эти были переведены на русскій языкъ, гораздо болѣе понятный, чѣмъ уже устарѣвшій для пониманія многимъ славянскій. „Новый и ветхій завѣтъ простираютъ одинъ другому руку и слово апостольское со словомъ пророческимъ, какъ соотвѣтственныя орудія муссикійскія, любятъ соглашаться и составлять единую божественную гармонію, плѣняющую умы въ послушаніе вѣры. Святой апостолъ называетъ пророческое слово свѣтильникомъ, освѣщающимъ темное мѣсто естественнаго разума человѣческаго“... Собравъ всѣ неблагопріятные отзывы о переводѣ Библіи, Макарій очень твердо и разумно опровергъ ихъ и разъяснилъ всѣ недоразумѣнія и ложныя опасенія, и напротивъ того самъ выразилъ опасенія, что тѣ инородцы, которые уже были близки къ просвѣщенію словомъ Божіимъ и ознакомились съ новымъ завѣтомъ на русскомъ языкѣ, придутъ въ сомнѣніе узнавъ, что ветхозавѣтныя книги запрещены въ русскомъ переводѣ вслѣдствіе какихъ-нибудь открывшихся сомнѣній и оставлены на языкѣ славянскомъ, котораго простой народъ не понимаетъ.

---

[24]) Письмо это напечатано въ прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ. Годъ 19-й, кн. 2. Москва 1861. стр. 292—326.

Полная русская библія нужна и евреямъ, для которыхъ она послужитъ серпомъ Божіимъ въ благословенной жатвѣ. И свѣтскимъ людямъ высшаго сословія, которые, не понимая славянскаго языка, обращаются въ желаніи питаться словомъ Божіимъ къ иностраннымъ переводамъ, причемъ, поддаваясь вліянію иностранныхъ толкователей, нѣкоторые отпали отъ православной церкви и перешли въ другое исповѣданіе. И духовнымъ, изъ которыхъ не всѣ имѣютъ досугъ и возможность и способность прибѣгать къ средствамъ ученымъ, а всѣ особенно въ воспитательныхъ заведеніяхъ церковныхъ должны руководствоваться св. писаніемъ. И миссіонерамъ, которые имѣя въ полной русской библіи богатѣйшее книгохранилище, легко обходились бы безъ нѣмецкихъ или латинскихъ тяжеловѣсныхъ толковниковъ. Восполнить недостатокъ русской библіи можно бы легко и скоро, издавая при С.-Петербургской духовной академіи журналъ со специальной цѣлію переводить съ еврейскаго и греческаго на русскій и разсылать преподавателямъ въ семинаріяхъ и академіяхъ книги ветхаго завѣта. Еслибы при томъ въ четыре мѣсяца выходило по книгѣ, равной по мѣрѣ новому завѣту, то можно было бы въ два года издать весь ветхій завѣтъ. Если же долго будемъ бояться препятствій и затрудненій, то дождемся пожалуй того, что Англійское библейское общество предвосхититъ честь труда пастырей православной церкви и подаритъ имъ полную русскую библію. Въ распространеніи библіи на живыхъ новѣйшихъ языкахъ о. Макарій видитъ дѣло провидѣнія Божія въ умноженіи вѣдѣнія истины и Бога. Долго не получая отвѣта на это письмо, о. Макарій воспользовался случаемъ, который представлялся въ его сношеніяхъ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода Нечаевымъ (?) по поводу дѣлъ миссіи и послалъ на имя оберъ-прокурора письмо, въ которомъ, изложивъ подробно свои мысли о необходимости перевода всей библіи съ еврейскаго и греческаго на русскій языкъ, просилъ доложить о томъ Государю и въ случаѣ Высочайшаго соизволенія предложить планъ роскошнаго изданія библіи полиглотты на иждивеніе Государя Императора. Замѣчательное письмо это приводится здѣсь вполнѣ, потому что до сихъ поръ еще не являлось въ печати; другія же письма, уже гдѣ-либо напечатанныя, приводятся здѣсь въ краткихъ извлеченіяхъ съ указаніемъ, гдѣ они напечатаны въ полномъ объемѣ.

1836 г. іюня 28 дня.

„Связи, совершаемыя по мановенію Господа нашего Іисуса Христа и во имя Его святое, суть самыя усладительныя, самыя прочныя“. Эту истину, изображенную въ вашемъ, избранный изъ тысящей мужъ, писаніи отъ 6 марта, прилагая къ открывшимся, по указанію Провидѣнія Божія, сношеніямъ между вами и здѣшнею миссіею, получаю другую, отъ вашей рождающуюся мысль о томъ, съ какою свободною отъ своеволія и своекорыстія осторожностію надлежитъ обращаться въ сихъ евангельскихъ соотвѣтствіяхъ. Если, думаю, прочность и чистота пріятности связей между учениками Іисуса распятаго заключается въ мановеніи и имени Господа и Учителя ихъ, то надлежитъ, чтобы таже воля Божія, которая составляетъ и укрѣпляетъ союзы добрые, приводила ихъ въ благовременное движеніе и дѣйствованіе на внѣшность; и чтобы таже слава имени Божія, которая на святой горѣ вѣчности предпоставлена какъ послѣдній конецъ для шествующихъ юдолію жизни земной, одна, какъ стадія на путяхъ, являлась цѣлями дружнаго дѣйствованія, постепенно отъ времени до времени достигаемыми въ семъ восхожденіи нашемъ, въ семъ восхожденіи церкви, отечества, человѣчества къ назначенію своему. Эта же мысль останавливаетъ вниманіе мое на тѣхъ выраженіяхъ въ писаніи вашемъ, которыми вы изъявили готовность принять въ разсужденіе мнѣніе мое о мѣрахъ, служащихъ „къ лучшему устройству миссіи здѣшней“. Здѣсь какъ бы малая узкая дверь мнѣ открылась; но я радъ ей, какъ двери Провидѣнія Божія; и вотъ,—она вводитъ меня въ пространную горницу, въ которой душа увеселяется восхитительными видами далеко простирающихся гаданій и чаяній. Такимъ образомъ частное и личное провожаетъ меня ко всеобщему и цѣлому извѣстной мѣры; и если ваше превосходительство рѣшились прочитать все это письмо, то сами изволите усмотрѣть, что столь же необходимо было войти помышленіемъ въ необозримый кругъ потребностей россійской церкви по дѣлу распространенія царствія Божія въ отечествѣ нашемъ, сколько было бы странно желать и ожидать, чтобы для этой миссіи, едва движущейся въ какомъ-то бійскомъ округѣ, было положено издать полную Библію на россійскомъ языкѣ въ переводѣ съ оригинальныхъ.

Не извѣстно-ли, что нравственный міръ есть большая больница, наполненная недужными всякаго рода? Истинный Богъ и Отецъ нашъ не есть ли также единственный врачъ испорченнаго грѣхомъ человѣчества? Всеобщее врачевство, составленное премудростію Его для человѣковъ, не есть ли слово истины, о которой сказано въ одномъ псалмѣ: „послалъ слово Свое и исцѣлилъ ихъ, и избавилъ ихъ отъ всякаго поврежденія?“ Болящіе человѣки не тою ли мѣрою должны принимать спасительное врачевство слова Божія, какою мѣрою преподаетъ его Самъ Господь, который одинъ вѣдаетъ человѣческаго естества многоразличную немощь, и одинъ можетъ опредѣлять число, мѣру и вѣсъ для состава исцѣляющихъ всякія немощи откровеній многоразличной Своей премудрости? Не надлежитъ ли постоянно уничтожать препятствія, которыя ослабляютъ въ душахъ человѣческихъ дѣйствія сего Божественнаго врачевства, или совсѣмъ отвращаютъ болящихъ отъ принятія нѣкоторыхъ раствореній цѣлебныхъ? Не поставляетъ ли для милліоновъ между россіянами множество такихъ препятствій буква славянская? Не надлежитъ ли намъ „*быть служителями Новаго Завѣта, не буквы, но духа*“, и опасаться, чтобы и въ Новомъ Завѣтѣ владѣющіе ключемъ разумѣнія не подверглись грозному изреченію Господа, которое въ Ветхомъ навлекли на себя учители іудеевъ, когда и сами не входили во святилище истины, и хотящихъ войти не допускали? Подобные вопросы безъ-сомнѣнія возбуждаются въ вашей душѣ, избранный ходатай церкви у престола царева, и вкупѣ съ ними долженствуетъ возбуждаться желаніе, чтобы всѣ святыя истины откровенія Божія были преподаны россіянамъ въ той мѣрѣ ясности и вразумительности, въ которой Духу Святому благоугодно было предать ихъ человѣчеству посредствомъ языковъ, послужившихъ Ему въ семъ дѣлѣ первыми органами.

Въ наше время такъ громко говорятъ о жизни народовъ; но не въ предвѣчномъ ли словѣ Божіемъ жизнь и свѣтъ человѣковъ? Священное Писаніе не есть ли откровеніе сего животворящаго свѣта? И дать народу россійскому святую Библію, сію уже давно по благости Божіей народную книгу на языкѣ народномъ, не значитъ ли возводитъ россіянъ къ истинному просвѣщенію царскимъ путемъ, который никогда не обманываетъ, и сообразно законамъ премудрости Божіей, потому что сія Премудрость, имѣ-

ющая свое Божественное веселіе въ томъ, чтобъ сообщаться съ сынами человѣческими, всегда любила говорить съ ними живымъ языкомъ ихъ, дабы слово ея, которое само-по-себѣ „всегда живо и дѣйственно, проницаетъ до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ, и судитъ чувствованія и помышленія сердечныя“, обрѣтало въ живыхъ нарѣчіяхъ соотвѣтственныя орудія для сообщенія народамъ духа и жизни отъ Бога, по особенному свойству и назначенія каждаго? Не это ли значитъ распространять въ народѣ царствіе Божіе, царствіе истины и добродѣтели, „подобно тому какъ, если человѣкъ бросаетъ сѣмя въ землю, онъ самъ не знаетъ, какъ сѣмя прозябаетъ и выростаетъ: ибо земля сама по себѣ производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ“. Итакъ позвольте самому слову Божію дѣйствовать въ духѣ народа свободно; и тогда помышляйте, какими благонадежнѣйшими средствами надлежитъ содѣйствовать Богу. Дайте россійскому народу полную россійскую Библію; и вы получите право ожидать свыше богатой и щедрой жатвы отъ сего искренняго, усерднаго и щедраго сѣянія, вы пустите удобнѣйшими путями потоки живой воды по вертоградамъ вашихъ искусствъ и наукъ; и духъ Іисуса Христа будетъ проницать во всѣ члены и состоянія общества, возбуждая въ народѣ вкусъ и стремленіе ко всему, „что только есть истинно, что честно, что справедливо, что достославно, что только составляетъ добродѣтель и похвалу?“ Помяните слово изреченное Спасителемъ: „какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ отмѣривать“,—и дайте россійскому народу полную россійскую Библію: тогда возможете нелицемѣрно предавать его полнымъ образомъ Богу и благодатному слову Его; и получите право ожидать свыше изобильныхъ благословеній Божіихъ, которыя окажутся умноженіемъ просвѣщеннаго благочестія въ народѣ и вожделѣннымъ исцѣленіемъ язвъ и болѣзней его. Ибо чѣмъ явственнѣе „сухія кости наши будутъ слышать слово Господне“, тѣмъ болѣе жизнь Божественная будетъ въ нихъ открываться, тѣмъ болѣе и истинный свѣтъ Христовъ будетъ возсіявать, а туманы суевѣрія разсѣяваться. Дайте россійской церкви полную россійскую Библію, и вы будете имѣть право желать и ожидать, чтобы всѣ служители церкви могли читать все Священное Писаніе на россійскомъ нарѣчіи съ правильнымъ разумѣніемъ, не имѣя необходимости

прибѣгать къ пособіямъ учености, для немногихъ доступныхъ, но руководствуясь общимъ правиломъ вѣры, духомъ молитвы и законами общаго здравомыслія; чтобы лаодикійская безпечность и лѣность не находила убѣжища и покрова въ темнотѣ многихъ мѣстъ и цѣлыхъ книгъ славянской Библіи; чтобы преподаваніе богословскихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, получивъ значительное облегченіе, дало время другимъ наукамъ, весьма благопотребнымъ въ воспитаніи церковнаго юношества, каковы напримѣръ естественная исторія и медицина, чтобы всякій воспитанникъ могъ до выпуска изъ училища нѣсколько разъ прочитать всю Библію, а наставники имѣли время и удобность прочитать для воспитанниковъ хотя однажды всѣ книги Священнаго Писанія съ полными введеніями и самыми необходимыми и краткими примѣчаніями. Дайте россійской церкви полную россійскую Библію; и вы, вѣруя въ Духа Святаго, глаголавшаго чрезъ пророковъ, будете имѣть основательное утѣшеніе надѣяться, что изданіе Священныхъ Писаній Ветхаго Завѣта вкупѣ съ Писаніями Новаго на Россійскомъ языкѣ въ переводѣ съ оригинальныхъ, содѣлается самымъ твердымъ основаніемъ и вѣрнымъ залогомъ къ возрожденію церковнаго чина въ Россіи, что совершенствующійся церковный чинъ могущественнымъ образомъ будетъ подвигать впередъ великую колесницу народнаго возрожденія; а возрастающее христіанское просвѣщеніе народа не приминетъ подавать и церковному чину столь же сильную помощь въ его восходѣ къ высшему образованію по духу Евангелія.

Но сіе возрожденіе народа и особенно церковнаго чина въ духѣ Евангелія не тѣмъ ли должно оказаться, что въ народныхъ сословіяхъ и въ чинѣ служителей церкви будутъ умножаться искренніе ученики Христовы, одаренные тѣми же чувствованіями самоотверженія, послушанія, смиренія и любви ко кресту изъ любви къ Богу и человѣкамъ, которыхъ вѣра созерцаетъ во Христѣ Іисусѣ? Сіе таинственное сочувствіе многихъ сердецъ со святѣйшимъ сердцемъ Іисуса Христа, излившаго Кровь Свою за многихъ, будетъ происходить отъ сокровеннѣйшей въ возрожденіи человѣчества тайны, которая есть обитаніе, жизнь, откровеніе Сына Божія Іисуса Христа въ своихъ, какъ свидѣтельствуетъ св. апостолъ Павелъ сими словами: „Уже не я живу но живетъ во мнѣ Христосъ; опять: когда Богъ благоволилъ

открыть во мнѣ Сына Своего, дабы я проповѣдалъ Его язычникамъ, то я съ сего времени не совѣтовался съ плотію и кровію; и какъ Самъ Спаситель глаголетъ: ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ; опять: Будьте во Мнѣ, и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, ежели не будетъ на лозѣ; такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви. Кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ; тотъ много приноситъ плода: ибо безъ Меня не можетъ дѣлать ничего. Тѣмъ прославится Отецъ Мой, если вы много принесете плода; и тогда вы будете Моими учениками". Сіи и другія подобныя имъ изреченія Спасителя нашего и Божественныхъ учениковъ Его показываютъ, что духовное пребываніе и откровеніе въ человѣкахъ начальника жизни Іисуса Христа есть истинное возрожденіе человѣчества, и всякаго народа въ человѣчествѣ и всякаго рода и чина людей въ народѣ; что оно есть тотъ живой краеугольный камень, на которомъ Іисусъ Христосъ основалъ святую церковь Свою; и что оно есть тотъ живой камень, которымъ сія великая церковь Божія строится и возводится къ своему исполненію и совершенію, и о которомъ св. апостолъ Петръ говоритъ сими словами: „Приступая къ Нему, камню живому, человѣками отверженному, но Богомъ избранному, драгоцѣнному, и сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу, Іисусомъ Христомъ". Какія сіи духовныя жертвы, если не тѣ же, которыя приноситъ и св. Павелъ умоляетъ насъ, говоря: „Милосердіемъ Божіимъ умоляю васъ, принесите тѣла ваши въ жертву живую, святую, угодную Богу, чего требуетъ разумное служеніе ваше"? Сіи духовныя жертвы приносятъ истинные ученики Христовы, распиная плоть свою со страстями и похотями. Сіи духовныя жертвы такъ же суть плоды Святаго Духа въ христіанской душѣ, которыя она приноситъ Богу Іисусомъ Христомъ: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Все сіе не иначе раждается, прозябаетъ и созрѣваетъ въ душѣ, какъ по мѣрѣ тлѣнія внѣшняго человѣка; и всякая жертва остается солію крестною. Сіи духовныя жертвы приносилъ св. Павелъ, претерпѣвая въ благовѣстіи Христовомъ столь многія и различные скорби, труды, изнуренія, муки. Сіи духовныя всесож-

женія совершили Божественные апостолы и мученики, когда запечатлѣли вѣру и любовь свою къ Спасителю своею кровію. Впрочемъ св. Петръ замѣчаетъ, что духовныя жертвы токмо тогда могутъ быть совершаемы и бываютъ благопріятны Богу, когда истинные послѣдователи Іисусовы приносятъ ихъ Іисусомъ Христомъ. Это значитъ, что сей великій Архіерей, обитающій въ нихъ, самъ совершаетъ сіи духовныя жертвы, подкрѣпляя ихъ въ немощи Духомъ Святымъ. Движимые Духомъ Святымъ и распаляемые любовію къ Богу и человѣкамъ рабы Христовы находятъ со св. Павломъ удовольствіе въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа. Будучи Духомъ Святымъ влеченъ, учитель язычниковъ Павелъ восходитъ въ Іерусалимъ, не смотря на узы и бѣдствія, которыя тамъ ожидаютъ его. „Я ни на что, говоритъ, не взираю, и не дорожу своею жизнью, только бы совершить съ радостію свой путь и служеніе, которое принялъ я отъ Господа Іисуса, проповѣдать Евангеліе благодати Божіей". Духъ пророчества устами вѣрныхъ явно предвозвѣщаетъ ему великія скорби и страданія въ Іерусалимѣ; вѣрные по внушенію самого Духа Святаго умоляютъ его, проливая слезы, оставить путешествіе столь опасное. Жаркое сраженіе происходитъ въ сердцѣ Павловомъ; но Іисусъ Христосъ побѣждаетъ, и Павелъ отвѣтствуетъ возлюбленнымъ братіямъ: что вы дѣлаете? зачѣмъ плачете и растрогиваете сердце мое? я готовъ быть не только узникомъ, но и умереть въ Іерусалимѣ за имя Господа Іисуса. Какъ же это происходило, что когда Духъ Святый влекъ св. Павла на узы и самую смерть за Христа, тотъ же Духъ умолялъ его слезами не идти въ опасный городъ? Не самъ ли Духъ Святый испытывалъ и раскрывалъ силы свои въ душѣ св. апостола и такимъ образомъ укрѣплялъ его? Не надлежало ли св. Павлу, какъ выражается нѣкоторый писатель, *отказаться отъ самого Бога для Бога?* И не сей ли духъ Іисуса Христа, Духъ любви къ Богу и человѣкамъ, вознесъ ап. Павла на ту превыспренность самопожертвованія, на которой онъ представляется, когда въ посланіи къ Римлянамъ описываетъ чувствованія души своей сими словами: Истину говорю предъ Христомъ, не лгу предъ Духомъ Святымъ (въ чемъ свидѣтель мнѣ совѣсть моя), что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему. Ибо я желалъ бы самъ отлученъ быть

отъ Христа за братьевъ моихъ по имени, которые суть израильтяне?

Обращаясь къ предмету настоящаго объясненія моего предъ в—мъ пр—мъ, я не думаю утверждать нѣчто новое и чрезвычайное; напротивъ весьма естественно, что великій народъ въ возрожденіи своемъ увлечетъ ко Христу сіи многія и разнородныя племена, спокойно сѣдящія подъ покровомъ державной Россіи, однако во тьмѣ и тѣни смерти; и тогда церковь россійская явится въ сугубомъ качествѣ церкви апостольской, и какъ основанная на словѣ Божіемъ, проповѣданномъ и преданномъ св. апостолами, и какъ избранная, предназначенная, призванная и посланная волею Вседержителя Бога на покореніе столь многихъ народовъ мирному скипетру Царя Царей и Спасителя всѣхъ человѣковъ, Іисуса Христа. Созерцая подобный небесамъ образъ первой церкви Христовой, начертанный въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, мы видимъ, что она вся была апостольская, что дружина дѣйствователей не ограничилась ни числомъ двѣнадцати, ни числомъ семидесяти апостоловъ, но возрастала съ удивительною быстротою; что всѣ вѣрные или дѣйствовали непосредственно какъ апостолы, или содѣйствовали и помогали апостоламъ; что между тѣмъ какъ св. Петръ, скованный двумя цѣпями, находился въ темницѣ, изъ которой потомъ изведенъ чудотворною десницею ангела, церковь прилежно молилась о немъ Богу, что всѣ принимали живѣйшее участіе въ дѣлѣ Іисуса Христа, которое было своимъ для каждаго, и между тѣмъ какъ одни пріобрѣтали ему новыхъ учениковъ, другіе принимали на себя обязанность пещись о бѣдныхъ между новыми братіями, что не только все вещественное было у вѣрныхъ общее, но и сердце одно, единаго ищущее и единаго любящее, и душа одна, исполненная однихъ чувствованій и помышленій, однѣхъ склонностей и отвращеній, однѣхъ радостей и печалей, происходившихъ отъ живаго сознанія во всѣхъ и въ каждомъ общаго всѣмъ назначенія. Какъ чада свѣта, по самому свойству свѣта, который неминуемо сообщаетъ себя всему тому, въ чемъ противленія не находитъ, или въ чемъ побѣждаетъ противленіе, они свѣтили Христовымъ свѣтомъ въ своей окружности, находились ли среди братій и въ церкви, назидая и утѣшая другъ друга и мѣняясь другъ съ другомъ разными благотвореніями, или дѣйствовали на внѣшнихъ, или дѣй-

ствователямъ служили. Но какъ Господь Іисусъ Христосъ во вѣки единъ и той же, и обѣщался не разлучаться съ своими до скончанія вѣка: то первая церковь Его есть образецъ, которому христіанская церковь должна подражать во всякомъ вѣкѣ; и хотя внѣшнія выраженія, въ которыхъ открывается духъ Евангелія, могутъ принимать измѣненія, но самый духъ истинной церкви Христовой всегда одинъ и тотъ же,—любовь къ Богу и къ человѣкамъ во Христѣ Іисусѣ. Чѣмъ изобильнѣе и явственнѣе сей Духъ чистой любви Божіей въ христіанской церкви, тѣмъ болѣе жизни и свѣта Христова въ церкви, тѣмъ въ ней болѣе ревности, усердія и способности къ распространенію благодатнаго царствія Божія на землѣ; тѣмъ въ ней имя церкви апостольской плодоноснѣе. Но какимъ образомъ сіи вѣрные перваго времени въ христіанствѣ получали Духа святой любви? Вѣрою во Христа Іисуса. А какимъ образомъ зараждалась въ нихъ сія вѣра? Отъ слова Божія, которое они слышали изъ устъ апостоловъ. Чѣмъ же сей Духъ святой любви питался въ церкви? Отчего онъ болѣе и болѣе разгорался и усиливался? Благопріятствовали сему разныя благочестивыя учрежденія, общенія, приношеніе хлѣбовъ, молитвы и другія подобныя; но священный повѣствователь прежде всего о томъ говоритъ, что вѣрные постоянно пребывали въ ученіи апостоловъ. Можемъ ли знать, въ чемъ состояло сіе ученіе апостоловъ? Оно все въ Библіи, не въ однихъ книгахъ Новаго Завѣта, но и въ писаніяхъ Ветхаго, которыми они доказывали истину ученія Новозавѣтнаго, и вообще апостолы были такъ-сказать воплощенныя живыя Библіи. Было ли позволено вѣрнымъ повѣрять ученіе апостоловъ, соображая проповѣдь ихъ съ писаніями Ветхаго Завѣта? Въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ съ похвалою упоминается о верійскихъ іудеяхъ, усердно принявшихъ слово апостоловъ, что они ежедневно разбирали сіи Писанія, и разсуждали, точно ли это такъ, какъ апостолы проповѣдывали. Посему если и для россійской церкви необходимо нужна благодать духа апостольскаго для возрожденія столь многихъ племенъ, не знающихъ Спасителя человѣковъ Іисуса Христа; то первое и главное, чего надлежитъ ей желать, — есть возбужденіе въ россійскомъ народѣ охоты читать Св. Писаніе; первое же и главное средство къ сему — есть изданіе полной Библіи на россійскомъ языкѣ въ переводѣ съ оригинальныхъ.

Кто-нибудь скажетъ: не довольно ли и того, что Новый Завѣтъ и Псалтирь изданы на россійскомъ языкѣ? Но кто это говоритъ и кому? Смертный человѣкъ смертному человѣку, грѣшный грѣшному и прахъ праху. Но позвольте спросить: Вы ли сотворили небо и землю? Вы ли поставили свѣтила на тверди небесной? Вашъ ли есть день, и ночь не ваша ли? Не вы ли произвели моря и сушу? Весну и лѣто, осень и зиму не вы ли установили?— Развѣ я Богъ? вы отвѣчаете. Если же не вы установили четыре времени года, то вы были бы несправедливы предъ Богомъ и предъ великимъ множествомъ разсудительнѣйшихъ человѣковъ, когда сказали бы: довольно весны и лѣта; къ чему эта грязная сырая осень? Къ чему убійственный холодъ зимы? Притомъ еслибы вамъ было позволено судить обо всемъ и измѣнять все въ великихъ дѣлахъ Вседержителя, то вы впали бы въ самыя странныя противорѣчія; потому что иногда рѣшились бы уничтожить навсегда ночь, а въ другое время пожелали бы безконечнаго продолженія ночи. Хорошо; но къ чему такія несбыточныя предположенія? Когда вы не творили ни дня, просвѣщаемаго солнечнымъ свѣтомъ, ни ночи, освѣщаемой сіяніемъ звѣздъ и луны; то не вы сотворили и въ Библіи Ветхій Завѣтъ и Новый. Какъ же находите въ себѣ довольно дерзновенія, чтобъ утверждать, будто, когда однѣ книги Св. Писанія даны народу на живомъ, общемъ и понятномъ для всѣхъ нарѣчій, другія могутъ остаться, какъ были прежде, мало понятными и для немногихъ, которые впрочемъ усердно хотѣли бы разумѣть ихъ получше, неудобьвразумительными во многомъ и для сословія народной учености въ церковномъ клирѣ, которое впрочемъ столь малочисленно, неприступными и какъ бы не существующими для милліоновъ народа? Одинъ истинный Богъ, даровавшій намъ книгу натуры, даровалъ намъ и книгу откровенія; книга натуры есть Божественная цѣлость, полнота, и единство въ разнообразіи, такъ же Библія; Богъ говоритъ намъ въ книгѣ натуры, Богъ говоритъ намъ и въ Библіи; ни въ той, ни въ другой ни вы, ни я не можемъ истребить ни одного мѣста. Если же кому-нибудь изъ насъ не угодно читать и понимать въ сихъ великихъ и священныхъ Божіихъ книгахъ сей или другой листъ; то почто желать, чтобъ и другіе или совсѣмъ не читали, или по крайней мѣрѣ не понимали этихъ листовъ? Вы позволяете

намъ разумѣть апостоловъ, и говорите: довольно! Но апостолы утверждаютъ свое ученіе о Богѣ, явившемся во плоти, на предсказаніяхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ: почто же вы лишаете насъ удобности разумѣть писанія пророческія на томъ понятномъ нарѣчіи, на которомъ нынѣ читаемъ Новый Завѣтъ? Не Самъ ли Спаситель повелѣваетъ испытывать и разумѣть писанія, которыя свидѣтельствуютъ о Немъ? Благопріятствуйте же сему желанію и повелѣнію Господа Іисуса Христа, а не противьтесь Ему: это весьма опасно и страшно. Если вы искренно пожелаете, чтобы россіяне такъ легко могли разумѣть Моисея и пророковъ, какъ легко могутъ нынѣ разумѣть Новый Завѣтъ и книгу хваленій; то вы будете благопріятствовать великому дѣлу Господа Іисуса Христа, которое состоитъ въ томъ, чтобы, вѣруя во имя Его, всѣ человѣки содѣлывались благоразумными и добрыми чадами Божіими и причастниками вѣчной жизни.

Но вы невесело смотрите, и все еще, кажется, помышляете: когда успѣли издать Новый Завѣтъ и псалтирь на русскомъ нарѣчіи, то и довлѣетъ! Потому снова коснемся васъ нѣкоторыми вопрошеніями: Вы ли правитель міра нравственнаго? Вамъ ли дана всякая власть на небеси и на земли? Вы ли Отецъ всѣхъ человѣковъ? Вы ли изъ любви къ человѣчеству пролили кровь свою, и положили душу за спасеніе міра? Если не вы Отецъ всѣхъ человѣковъ, то вѣрите ли, что есть на небесахъ Отецъ всѣхъ человѣковъ, который во всѣ времена открывалъ себя имъ, и бесѣдовалъ съ ними живымъ и понятнымъ языкомъ ихъ? Если не вы Отецъ всѣхъ человѣковъ, то какъ помыслили, что для народа россійскаго не нужно имѣть полную книгу откровеній Божіихъ на россійскомъ языкѣ; но довольно разумѣть одинъ Новый Завѣтъ, а если еще книгу хваленій, то уже и предовольно? Знаете ли всѣ лица въ россійскомъ народѣ? Знаете ли исторіи сердца, характеръ, вкусъ, особенное назначеніе, слабости каждаго человѣка? Все это выше ограниченности и мѣры вашей; вы не можете сказать, что совершенно познали сами себя, что проникли въ глубину души своей, что вамъ извѣстны всѣ извороты самолюбія вашего; вы не знаете, какія новыя нужды и желанія завтрешній день принесетъ; можетъ быть завтра то же самое будетъ для васъ необходимо до крайности, что сегодня отлагаете какъ излишнее. Притомъ сегодня

у васъ глаза болятъ, вы не можете свободно пользоваться полнымъ солнечнымъ свѣтомъ; безъ-сомнѣнія найдутся другіе, у которыхъ органъ зрѣнія такъ же въ болѣзненномъ состояніи; всѣмъ вамъ самое благоразуміе повелѣваетъ употреблять всякій свѣтъ съ большою осторожностью, и темнота на время есть врачевство для васъ: но слѣдуетъ ли отсюда, что всей Россіи надлежитъ сидѣть въ затворѣ съ закрытыми отъ солнца окнами? Еслибы такъ же пресыщеніе лишало кого-нибудь сна въ свѣтлую ночь, а онъ разсердился бы на мѣсяцъ, и подумалъ бы: не знаю, какую пользу приноситъ землѣ этотъ безотвязный спутникъ ея;—тотъ человѣкъ и самъ не принялъ бы вправду сей безразсудной мысли; и защитивъ себя завѣсою отъ луны, можетъ быть вспомнилъ стихъ изъ псалтири: Хвалите Его солнце и луна! Хвалите Его всѣ звѣзды и свѣтъ! Вы же вспомните притчу Спасителя о человѣкѣ, который, имѣя сто овецъ, оставилъ девяносто девять и пошелъ искать одной пропадшей; и будьте увѣрены, что полная россійская Библія доставитъ ангеламъ Божіимъ много случаевъ радоваться о грѣшникахъ, разными гласами единой любви Божіей призываемыхъ къ покаянію и спасаемыхъ. Впрочемъ, по смыслу притчи Христовой, еслибы полная Библія на россійскомъ языкѣ была благопотребна для спасенія и одного грѣшнаго человѣка; то любовь Божія повелѣвала бы и для чего одного подъять нетщетный трудъ изданія полной Библіи на россійскомъ нарѣчіи.

Но вотъ свидѣтельство самого Духа Святаго, столь простое, открытое и торжественное, что всѣ возраженія и пререканія должны умолкнуть, когда Самъ Богъ является защищать дѣло свое. Апостолъ Павелъ пишетъ къ ученику своему Тимоѳею: „Держись того, чему ты наученъ и что тебѣ ввѣрено, зная Писанія, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніе, вѣрою во Христа Іисуса. Все Писаніе Богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, чтобъ совершенъ былъ человѣкъ Божій, ко всякому доброму дѣлу пріуготовленъ“. Держись того, чему ты наученъ: это—откровенія Новаго Завѣта. Но какія Священныя Писанія Тимоѳей зналъ изъ дѣтства, слѣдственно прежде вступленія въ церковь Христову? Безъ-сомнѣнія книги ветхозавѣтной Библіи. О нихъ-то говоритъ св. Павелъ, что они могутъ умудрить че-

ловѣка во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса. Не должны ли онѣ посему быть любезны и драгоцѣнны для всякаго христіанина? Вѣра во Христа Іисуса спасаетъ насъ отъ проклятія, изрекаемаго закономъ Моисеевымъ противъ всѣхъ нарушающихъ Божіи заповѣди; Моисей наводитъ страхъ на грѣшника; страхъ побуждаетъ человѣка искать убѣжища; и Моисей указываетъ намъ путь ко спасенію въ томъ великомъ Пророкѣ, которому надлежало содѣлаться вторымъ законодателемъ для человѣчества, въ Миротворителѣ, который былъ предназначенъ открыть для всѣхъ народовъ заключенный грѣхомъ источникъ благословеній Божіихъ. Какое утвержденіе и утѣшеніе для вѣрующихъ созерцать Іисуса Христа въ эмблеммѣ закалаемаго агнца пасхальнаго, въ символѣ Исаака послушнаго отцу до смерти, уже закланнаго, уже умершаго и въ своей душѣ Богопреданной, и въ душѣ Авраама, который вѣрѣ и любви къ Богу все принесъ во всесожженіе, и вдругъ, сверхъ чаянія обоихъ, въ другой разъ даруемаго отцу своему, воскресающаго! Какое трогательное изображеніе страданій и славы Іисуса Христа въ приключеніяхъ цѣломудреннаго Іосифа! И сколь сладостна та сокровенная манна, которую вѣра во Іисуса Христа обрѣтаетъ въ сличеніи ветхозавѣтныхъ образовъ съ дѣйствительнымъ осуществленіемъ ихъ во Іисусѣ Христѣ! Многія мѣста въ пророческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта усердные христіане знали бы наизусть, еслибы сіи книги были столь доступны для общаго разумѣнія на россійскомъ нарѣчіи, какъ онѣ вразумительны на другихъ новѣйшихъ языкахъ въ переводѣ съ еврейскаго. По крайней мѣрѣ это было бы удобоисполняемымъ долгомъ служителей алтаря: впрочемъ Духъ Святый чрезъ апостола повелѣваетъ и всѣмъ вѣрнымъ знать основанія, на которыхъ утверждается искреннее убѣжденіе ихъ въ истинѣ вѣры, и тѣ надежды, которыми они услаждаютъ произвольныя скорби и страданія въ мірѣ, ненавидящемъ духъ и правило Евангелія и готовомъ хвалить и любить ихъ, еслибы они отказались отъ сихъ несносныхъ для него правилъ. Духъ міра сего побуждаетъ юношей христіанскихъ учить и читать наизусть отличныя по остроумію и красотѣ слога, но гнилыя по содержанію стихотворенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей; а Духъ Святый повелѣваетъ вѣрнымъ знать истины религіи въ полной связи и единствѣ ихъ, дабы всякому, кто

хотѣлъ бы вопросить ихъ о вѣрѣ, они могли отчетъ дать, и дабы всякій христіанинъ, восклицая съ апостоломъ Павломъ въ духѣ: я знаю въ кого вѣрую, безстрашно, подъ знаменіемъ креста Христова, подвизался въ духовной бронѣ и срѣталъ самую смерть съ упованіемъ и радостью.

Основанія вѣры нашей въ Господа Іисуса Христа находятся въ Священныхъ Писаніяхъ Ветхаго Завѣта. Духу Святому не было благоугодно открыть намъ въ подробности, что Іисусъ творилъ и говорилъ въ младенческія, отроческія и юношескія лѣта свои, хотя довольно открыто, когда сказано, что разумъ и отвѣты отрока Іисуса приводили іудейскихъ учителей въ удивленіе, что онъ имѣлъ сознаніе о своемъ происхожденіи отъ Отца, что онъ зналъ Отца своего на небесахъ; во всѣхъ движеніяхъ обращенія своего съ человѣкомъ всегда видѣлъ Отца предъ собою; когда что дѣлалъ, дѣлалъ то, что угодно Отцу, и когда говорилъ, говорилъ то, что видѣлъ у Отца Своего; но былъ между тѣмъ въ повиновеніи у Матери Своей и у праведнаго старца Іосифа. Впрочемъ желаемъ ли знать подробнѣйшую, разнообразнѣйшую и пространнѣйшую исторію первыхъ возрастовъ жизни Христовой? Будемъ усердно читать историческія книги Ветхаго Завѣта: ибо исторія церкви сихъ древнихъ временъ есть исторія Духа Христова въ человѣчествѣ, по степенямъ младенчества, отрочества и юношества восходящемъ и приближающемся къ зрѣлости мужества. Все благородное и Божественное, все святое и чистое, все простодушное, искреннее, и любезное, все смиренное и умаленное, все высокое и великое, что найдемъ въ ветхозавѣтныхъ повѣствованіяхъ, все сіе есть жизнь Христова младенчества, отрочества и юношества въ человѣчествѣ возрождаемомъ. Не потому ли въ евангельской исторіи и нѣтъ подробнаго описанія происшествій въ первые возрасты жизни Іисуса Христа, что исторія сихъ періодовъ изображена въ ветхозавѣтной исторіи благочестивыхъ патріарховъ, царей и всѣхъ святыхъ Божіихъ человѣковъ? Во всѣхъ ихъ жилъ Духъ Христовъ, предобразуя и назнаменуя въ дѣйствіяхъ и приключеніяхъ ихъ е́ще нѣкоторыми слабыми чертами и тѣнями то, что полнымъ образомъ надлежало Самому Богу во плоти совершить съ того времени, какъ Іисусъ явился мужемъ и женихомъ на Іорданѣ, и невѣсту свою — церковь израильскую,

представительницу человѣчества, принялъ отъ руки Іоанна Предтечи, до того великаго мгновенія, когда Онъ, чашу смерти вкусшая на крестѣ за спасеніе міра, возгласилъ: совершишася! Все же человѣческое и что хуже и ниже человѣческаго, все же скотское и что хуже и ниже скотскаго, все сатанинское, всѣ заблужденія, похоти, страсти, злодѣянія, мерзости, вошедшія по изволенію Духа Святаго въ исторію Ветхаго Завѣта, все сіе представляетъ грѣхъ всего міра нравственнаго, прошедшаго, преходящаго, будущаго, грѣхъ всего человѣчества, полное скопище беззаконій, совершавшихся, совершающихся и хотящихъ совершиться въ грѣшномъ человѣческомъ родѣ. Какая громада и тяжесть! И кто достоинъ взять на себя сей грѣхъ міра, сей міръ грѣха, и понести и повергнуть его въ бездну безконечнаго милосердія и забвенія вѣчнаго? Никто не могъ ни на небѣ, ни на землѣ, ни подъ землею, взять на себя сей грѣхъ міра, сей міръ грѣха, и понести, и повергнуть его въ бездну безконечнаго милосердія и забвенія вѣчнаго, а человѣчество обновить и содѣлать царственнымъ священствомъ Богу. И всѣ пророки много плакали о томъ, что не нашлось никого, кто бы достоинъ былъ оправдать, очистить и освятить человѣчество. И Духъ пророчества говорилъ имъ: не плачьте, се Левъ, отъ колѣна Іудина, корень Давидовъ, побѣдитъ змія древняго и спасетъ человѣчество. Но здѣсь Ветхій Завѣтъ оканчивается и начинается Новый. Іисусъ грядетъ принять крещеніе отъ Іоанна. Внутреннее чувство души пророческой предвозвѣстило Іоанну о присутствіи Того, о которомъ Онъ радовался въ утробѣ Матери. Послѣдуя сему чувству раба и твари, Іоаннъ и смиряется предъ Господомъ и Творцомъ, и повинуется Господу и Творцу своему, и видитъ небо отверстое, и Духа Святаго, сходящаго на Іисуса, знаменіе, по которому Богъ, пославшій его крестить, повелѣлъ ему узнать Христа своего, и свидѣтельствуетъ, что сей есть Сынъ Божій, и говоритъ: се агнецъ Божій, который беретъ на Себя грѣхъ міра; Онъ, истинный Богъ и человѣкъ чистѣйшій и совершеннѣйшій, Онъ достоинъ взять на Себя грѣхъ цѣлаго міра; Онъ достоинъ оправдать и очистить, исцѣлить, обновить, освятить въ Себѣ и Собою все человѣчество: ибо Онъ будетъ закланъ и кровію Своею искупитъ Богу чадъ Его изъ всякаго колѣна, и языка, и народа, и племени, и сдѣ-

лаетъ ихъ царями и священниками Богу ихъ, изливъ въ нихъ Духъ Свой, и возродивъ ихъ Духомъ Своимъ. И вотъ весь Новый Завѣтъ въ своей сущности. Не видимъ ли, что ветхозавѣтная исторія о грѣхѣ міра имѣетъ необходимую связь съ исторіею о исполненіи всякой правды въ чистѣйшей святости и высочайшихъ добродѣтеляхъ Спасителя нашего, которыя Онъ даровалъ и усвоилъ человѣчеству, такъ какъ бы мы исполнили весь законъ Божій и не сдѣлали никакого грѣха, и въ Его смерти со всѣми предшествовавшими страданіями, которыя Онъ претерпѣлъ, какъ агнецъ Божій, взявшій на себя всѣ грѣхи человѣковъ, такъ какъ бы Онъ—правда вѣчная — былъ виновникъ, и которыя Онъ даровалъ и усвоилъ человѣчеству, дабы мы драгоцѣнными заслугами Его оправдались на судѣ Бога безконечнаго въ правдѣ своей, и примирившись съ Нимъ, получали отъ Него благодать Святаго Духа, все немощное врачующую, и благодатію Божіею обновляясь и освѣщаясь, содѣлывались наслѣдниками небеснаго царствія, въ которой никакая нечистота войти не можетъ. Не видимъ ли, что тяжесть грѣховъ человѣческихъ, описанныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, даетъ намъ видѣть глубину золъ, въ которую низверглось падшее человѣчество, изъ которой возводитъ его Іисусъ Христосъ; даетъ намъ чувствовать, какъ Богъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего единороднаго предалъ на смерть, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибалъ, но имѣлъ вѣчную жизнь; даетъ намъ чувствовать, какъ и Сынъ Божій возлюбилъ насъ, что не возгнушался облещись въ человѣчество, дабы въ Себя облечь насъ, что не смотря на толикія беззаконія, которыми человѣчество осквернило себя, не возгнушался содѣлаться сродникомъ нашимъ, и не стыдится называть насъ Своими братьями? Описаніе грѣховъ человѣческихъ въ Библіи ветхозавѣтной даетъ намъ познавать высокую цѣну искупленія нашего, и открываетъ для созерцанія бездну страданій, въ которую погружался за насъ Сынъ Божій: ибо какъ только Онъ, обремененный грѣхами цѣлаго міра, предсталъ на страшный Судъ Всевышняго; то вдругъ отвлекъ отъ насъ, и привлекъ на Себя всѣ громовые удары гнѣва Божія, открывающагося съ небеси на всякое нечестіе и неправду человѣковъ; а когда еще не являлся предатель въ саду Геѳсиманскомъ, сіи громовые удары уже разразились надъ Нимъ; смертоносныя стрѣлы Божіи

произали непорочную душу Спасителя, и извлекли изъ нея вопль сильный и слезы. Ужасъ объялъ Его; скорбь и тоска исполнили горестію святѣйшее сердце. Онъ былъ въ бореніи, и былъ потъ Его, какъ капли крови, которыя падали на землю. Но кто можетъ измѣрить пучину животворныхъ страданій Твоихъ, Божественный Искупитель? Взирая на Тебя въ сихъ страданіяхъ, мы должны помнить, что беззаконія и нечестія наши подвергли Тебя страданіямъ, хотя описаннымъ евангелистами, однако неизреченнымъ: слава Тебѣ! Видя такъ же въ Святыхъ Писаніяхъ представленные образы человѣческихъ беззаконій, мы должны помышлять о томъ, что Ты, Всемилосердый, ни на что не смотря, возлюбилъ насъ, и омылъ насъ отъ грѣховъ нашихъ кровію Твоею, и сдѣлалъ насъ царями и священниками Богу и Отцу Твоему: слава Тебѣ! да обратятся въ похвалу непостижимой благости и любви Твоей къ человѣчеству ужаснѣйшія злодѣянія и постыднѣйшіе грѣхи человѣковъ отъ перваго братоубійства Каинова до послѣдняго усилія и востанія прельщенныхъ разрѣшеннымъ сатаною народовъ, Гога и Магога, противъ стана святыхъ и града возлюбленнаго. Несчастные! Судъ надъ ними совершится скоропостижно: и ниспалъ огнь съ неба отъ Бога, и и пожралъ ихъ. Но и за нихъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій проливалъ кровь Свою на Крестѣ; въ томъ грѣхѣ міра, который взялъ на Себя агнецъ Божій, заключались всѣ беззаконія ихъ, всѣ даже до послѣдняго движенія вражды противъ царствія Божія. Христосъ искупилъ всѣхъ драгоцѣнною Своею кровію. Но они сами не восхотѣли воспользоваться дарованною и объявленною свободою, сами восхотѣли остаться рабами грѣха и діавола, сами содѣлались сосудами гнѣва, въ которыхъ Богъ покажетъ силу и правду свою, такъ какъ покажетъ богатство славы Своей надъ сосудами милосердія, т.-е., надъ всѣми, кои вѣрою искреннею пріемлютъ Сына Его Іисуса Христа, и съ Нимъ соединяясь, содѣлываются чадами Божіими. Что же? Побѣждается ли въ сихъ погибающихъ слово крестное безуміемъ ихъ? Никакъ! Но какъ Христосъ за всѣхъ умеръ; то и воскресъ для всѣхъ; а какъ всѣ человѣки умерли въ первомъ Адамѣ, когда онъ услышалъ отравленный діаволомъ голосъ жены, и согрѣшилъ; такъ всѣ находящіеся во гробахъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавъ изыдутъ, но творившіе добро въ во-

скресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія. Такимъ образомъ сила смерти Христовой исторгнетъ изъ челюстей смерти все человѣчество; и смерть и адъ отдадутъ мертвецовъ своихъ. Такимъ образомъ сила воскресенія Христова воздѣйствуетъ и во врагахъ Его, и всѣ воскреснутъ; но судимы будутъ всѣ по дѣламъ своимъ; и между тѣмъ какъ праведники, облекающіеся во Іисуса Христа, просвѣтятся какъ солнце въ царствіи Отца ихъ, неимѣющіе сего брачнаго одѣянія, хотя и явятся на вечери общаго воскресенія, но бывъ обличены, будутъ выброшены во тьму внѣшнюю, и ввержены въ озеро огненное; тамъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

Но какіе это народы—Гогъ и Магогъ? Ибо думаю, что сіе вопрошеніе не удаляетъ меня отъ предмета моего, но къ нему приближаетъ. Предки наши производили начало россійскаго народа отъ Мосоха, Ноева внука. Если москвитяне, такъ они думали, отъ города главнаго получили названіе; а этотъ городъ называется такъ по рѣкѣ Москвѣ: то кто первый назвалъ эту рѣку Москвою? И какъ именующему пришло на мысль такое названіе? Вѣроятно, что потомки Мосоха, можетъ быть многими вѣками отдаленные отъ своего древняго родоначальника, кочевали и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Москва течетъ, и назвали рѣку именемъ своего патріарха, которое осталось на ней, если тѣ племена и ничего своего не оставили здѣсь, кромѣ этого имени. Подобнымъ образомъ можно изъяснять происхожденіе если не самаго Тобольска, то названій рѣки Тобола и сего города. Ѳовелъ или Туболъ Мосохъ, но вотъ, и родной братъ ихъ Магогъ; всѣ три сыны Япета. Что касается Гога, это одно имя съ Магогомъ, представляемое въ двойномъ видѣ по свойству пророческаго языка, и значитъ тоже, что въ нѣмецкомъ языкѣ *hoch*. Потому въ 38 и 39 главахъ книги пророка Іезекіиля сначала сказано: сыне человѣчь! утверди лице твое на Гога и на Магога, князя Росъ, Мосоха и Ѳовеля, и прорцы намъ. Потомъ Господь глаголетъ: Се азъ на тя Гогъ и Магогъ на князя Росъ, Мосохъ и Ѳовелъ. И такимъ образомъ далѣе. Ужели слѣпымъ случаемъ представляется Іезекіилю вмѣстѣ съ Гогомъ-Магогомъ, Мосохомъ, Тубаломъ, еще одинъ народъ, которому имя Росъ или Ромъ? Указанное мѣсто у пророка Іезекіиля не есть ли изображеніе тѣхъ же событій будущихъ, только въ большемъ

размѣрѣ и видѣ, которыя представляются и въ XX-й главѣ Апокалипсиса? Этотъ Ромъ или Росъ не есть ли союзникъ и общникъ Магогу, Мосоху, Тубалу? Гдѣ же ихъ общее мѣстопребываніе, откуда они выдутъ нѣкогда на широту земли, и окружатъ станъ святыхъ и городъ возлюбленный? Въ предѣлахъ сѣвера, говоритъ Іезекіиль. Теперь видимъ соображенія, на которыхъ писатели иныхъ церквей утверждаясь, полагаютъ, что земли будущаго Гога-Магога занимаетъ нынѣшняя Россія и въ особенности сѣверная часть азіатской Россіи. Они ничѣмъ не могутъ доказать, что Апокалипсическимъ Гогомъ-Магогомъ будутъ народы, составляющіе нынѣшнюю Россію. Ибо еслибы и дѣйствительно оправдались гаданія извѣстнаго германца, толковавшаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія Апокалипсисъ; то и тогда между нами и явленіемъ Гога-Магога на позорищѣ міра было бы еще тысящелѣтіе духовнаго на земли царствованія избранныхъ Божіихъ со Христомъ, эпоха, какой безъ сомнѣнія нѣтъ ничего подобнаго въ системѣ прошедшихъ временъ Новаго Завѣта, потому что въ сію эпоху сатана долженъ быть связанъ, низверженъ въ бездну и запертъ въ темницѣ своей, такъ что уже не будетъ прельщать народовъ. А когда сатана не прельщалъ народовъ? Не содержитъ ли и доселѣ толикихъ милліоновъ магометанъ и евреевъ и толикихъ темъ милліоновъ язычества въ разнообразномъ обольщеніи? Итакъ тысящелѣтнее царствіе Христово есть извѣстный періодъ времени будущаго, но извѣстный единому Богу, у котораго и тысяча лѣтъ какъ день одинъ, и одинъ день какъ тысяча лѣтъ, впрочемъ не малое время, потому что ему противополагается малое время, на которое сатана будетъ разрѣшенъ послѣ, и потому что сія великая суббота народовъ, за которою послѣдуетъ день Господень, день общаго воскресенія и вѣчности, будетъ исполнена преславныхъ событій и самыхъ благополучныхъ и вожделѣнныхъ преобразованій въ нравственномъ мірѣ, которыя можетъ вмѣстить только обширный кругъ временъ—паденіе магометанства, всерадостное обращеніе евреевъ къ истинному Христу, Господу Іисусу, и великое движеніе язычниковъ, которые предъ грядущимъ потопомъ огненнымъ будутъ искать спасенія во Христѣ Іисусѣ и входить въ святую церковь Его съ такою, происходящею отъ особенной благодати Божіей заботливостію, съ какою

заботливостію вдохновенною робкія лани и свирѣпые тигры, огромные слоны и малые зайцы бѣжали въ ковчегъ Ноя праведнаго предъ потопленіемъ міра водою. И у всѣхъ народовъ, упокоившихся отъ стуженій и обаяній невидимаго обольстителя, покрывало ослѣпленія и суевѣрія спадетъ съ очей ума, такъ что они съ великою радостью воскликнутъ: мы увидѣли истинный свѣтъ во Христѣ Іисусѣ; вѣрою во имя Его пріяли Духа небеснаго; обрѣли мы вѣру истинную; нераздѣльной Троицѣ покланяемся. Для сихъ необъятныхъ человѣческимъ помышленіемъ происшествій безъ сомнѣнія потребно время великой мѣры, которая называется тысячью лѣтъ въ Апокалипсисѣ. По окончаніи же сей полноты времени, когда разрѣшенный сатана выдетъ обольщать народы и возбуждать ихъ на брань противъ церкви Христовой, тогда россійскій ли народъ будетъ занимать Гога-Магога, и онъ ли будетъ симъ Гогомъ-Магогомъ, кто можетъ знать кромѣ Бога? Притомъ хотя по указанію пророка Іезекіиля Гог-Магогъ имѣетъ земли свои дѣйствительно въ отдаленныхъ предѣлахъ сѣвера; но мы видимъ въ Апокалипсисѣ, что прельщаемые сатаной народы, въ которыхъ онъ будетъ набирать войско свое, находятся на четырехъ углахъ земли. Итакъ хотя собственно Гог-Магогъ выдетъ изъ нѣдръ хладнаго сѣвера; но онъ найдетъ себѣ во всѣхъ народахъ единомысленныхъ союзниковъ, которыхъ духъ будетъ—Гог-Магогъ. Итакъ надобно только народамъ о томъ заботиться, чтобы не имѣть духа Гога-Магога: ибо тайна беззаконія издали замѣчается, и постепенно достигши зрѣлости, наконецъ открывается. Посему истинно то, что антихристъ придетъ, но и то справедливо, что какъ прежде было, такъ и теперь много антихристовъ, которые суть предтечи послѣдняго; истинно то, что въ послѣднее время востанутъ противъ царствія Христова богопротивные народы, означаемые именемъ Гога-Магога; но справедливо также, что и нынѣ уже не одинъ Гог-Магогъ на земли. Потому всѣмъ народамъ, вѣрующимъ во Христа, только о томъ пещись надлежитъ, чтобы не заразиться духомъ Гога-Магога, духомъ сихъ исполиновъ послѣдняго міра, сихъ человѣковъ отъ вѣка именитыхъ, которые послѣднимъ востаніемъ противъ церкви Христовой оправдаютъ только вѣрность и истину словъ Спасителя, глаголющаго: на

семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою, и врата адова не преодолѣютъ ея.

Россіяне! Братія Отцы! Будемъ пещись наипаче о томъ, чтобъ имя россійскаго народа было написано на небесахъ въ книгѣ жизни. Ибо тѣ, коихъ имена будутъ написаны въ книгѣ жизни, только тѣ окажутся истинными россіянами, когда откроется Гог-Магогъ, гдѣ бы онъ ни открылся. Тогда умножится беззаконіе, и оскудѣетъ вѣра, и изсякнетъ любовь у многихъ; но сіи вѣрные и благородные братія наши, союзомъ любви связуемые, прострутъ другъ ко другу руки, и возгласятъ: Спасемся изъ сего развращеннаго рода! И внидутъ въ неразрушающійся ковчегъ Ноя истиннаго, и спасутся отъ волнъ потопа огненнаго. Они сохранятъ свѣтильникъ россійской церкви, и сей свѣтильникъ неугаснетъ предъ Господомъ! Всѣ же прочіе—Гог-Магогъ.

До того времени всего нужнѣе о томъ заботиться, чтобъ намъ жить, мыслить, чувствовать, говорить, дѣйствовать не по духу Гога-Магога, но по духу Іисуса Христа Сына Божія. Народы Гога-Магога переживутъ тысящелѣтіе царствія Христова въ человѣческомъ родѣ; и духъ пророчества представляетъ ихъ находящимися на четырехъ углахъ земли, въ то время, когда сатана будетъ разрѣшенъ и выдетъ обольщать народы. Итакъ весь міръ нравственный, въ которомъ будетъ царствовать Духъ Іисуса Христа, пророку представляется въ образѣ четвероугольника. Средоточіе сего четвероугольника есть безъ сомнѣнія сердце Іисуса Христа; тамъ святые всегда имѣютъ станъ свой; и Господь имѣетъ возлюбленный градъ ихъ всегда у сердца: это изображеніе церкви. Сердцемъ Господа Іисуса Христа, посредника между Богомъ и человѣкомъ, Богъ и Отецъ Его посылаетъ въ святую церковь Духа Святаго, который совершаетъ въ ней все Божественное и спасительное, и безъ котораго церковь не можетъ быть живою. А когда народы Гога-Магога представляются на углахъ земли, которая въ то время вся будетъ занята вертоградомъ Божіей церкви, то симъ изображается ихъ состояніе нравственное во время тысящелѣтняго царствія Христова. Ибо углы въ сей четвероугольной фигурѣ суть единственные и самыя крайнія отдаленности отъ средоточія, и народы, представляемые на сихъ углахъ, суть отдаленнѣйшіе отъ средоточія, не по мѣсту пребыванія своего, но по отношенію духа своего къ

сердцу Христову и къ истинному духу церкви Его. Въ продолженіе благословеннаго тысящелѣтія безъ сомнѣнія и сіи народы, свободные отъ обольщенія сатаны, будутъ увлечены стремленіемъ всеобщаго примѣра и возбужденія; и какъ все въ то время будетъ наполнено свѣтомъ Христовымъ, то и они будутъ покрыты имъ, и ничего такого не покажутъ въ дѣлахъ своихъ, что могло бы обнаруживать въ нихъ враговъ креста Христова; напротивъ они опять, какъ находящіеся на углахъ земли, не только будутъ имѣть большую силу и важность въ политическомъ мірѣ, но и будутъ казаться подпорами и твердынями церкви. Но вотъ,—по прошествіи великаго времени упокоенія, настаетъ малое время опаснѣйшаго, но послѣдняго искушенія для всѣхъ народовъ; разрѣшенный сатана обозрѣваетъ состояніе ихъ, освѣдомляется о духѣ каждаго, щупаетъ пульсъ Гога-Магога, и находитъ, что сіи народы недовольно укоренены въ любви ко Христу и человѣчеству, не довольно проникнуты Духомъ Христовымъ, не крѣпко держатся блаженнаго средоточія, откуда свѣтъ и жизнь, Духъ и истина разливается по всей окружности церкви; что хотя они ничего не щадятъ для наружнаго великолѣпія въ богослуженіи, однако для приношенія Богу истинныхъ духовныхъ жертвъ весьма скупы и боязливы, что хотя у нихъ многіе наблюдаютъ благопристойность въ обращеніи и держатся даже строгихъ правилъ гражданской честности въ поведеніи, но не пекутся о очищеніи ума и сердца, о томъ, чтобы Духомъ Іисуса Христа крѣпко утвердиться во внутреннемъ человѣкѣ; и желая быть по смерти въ небесномъ царствіи, не ищутъ во время странствія своего на землѣ, чтобы царствіе Божіе открылось въ духѣ ихъ; и что хотя они, вкупѣ съ другими народами, являютъ ревность, и, если угодно, достойныя исполинской огромности ихъ напряженія, начинанія и движенія въ пользу церкви; но что все это происходитъ не столько отъ искренней преданности Господу Іисусу, сколько по одному приличію, по склонности къ подражанію, изъ желанія не отстать отъ вѣка, не потерять себя во мнѣніи свѣта, не унизить себя предъ другими народами; и что хотя сѣмя слово Божіе обрѣтаетъ и въ этихъ народахъ добрую землю, однако большая масса ихъ, подобно каменистому мѣсту, гдѣ не много земли, и гдѣ былie отъ сѣмени скоро восходитъ, потому что оно не глубоко бываетъ въ землѣ;

отъ зноя же солнечнаго сгораетъ, и, поелику не имѣетъ корня, засыхаетъ. Въ такомъ характерѣ людей Гога-Магога сатана съ удовольствіемъ увидитъ способное пріятелище для обольщеній своихъ и много обѣщающія орудія для непріязненныхъ предпріятій его противъ церкви Христовой. Цѣль же, для которой сіи будущія событія открыты въ Апокалипсисѣ, состоитъ въ томъ, чтобы какъ всѣ народы, такъ и россіяне опасались духа и правилъ Гога-Магога, который есть и теперь уже въ мірѣ; а сатана еще несвязанный и въ темницѣ незаключенный ходитъ по вселенной или какъ левъ рыкающій, страхомъ суетнымъ отвращая народы отъ пути Божія, или какъ ангелъ свѣтлый, мудрованіями лжеименнаго разума и удовольствіями утонченными обольщаетъ ихъ. Господь же нашъ Іисусъ Христосъ примѣромъ своимъ показалъ, какимъ оружіемъ надлежитъ ратовать противъ сего невидимаго врага: ибо когда онъ былъ искушаемъ въ пустынѣ отъ діавола, тогда словомъ Божіимъ, содержащимся въ Св. Писаніи, отражалъ его трикратное нападеніе и одержалъ надъ нимъ совершенную побѣду. Итакъ всего нужнѣе, чтобы Св. Писаніе въ отечествѣ нашемъ всѣми сословіями общества могло быть употребляемо съ правильнымъ разумѣніемъ; а для сего изданія послѣдней Библіи Россійской въ переводѣ съ оригинальныхъ языковъ необходимо.

Кто-нибудь скажетъ: наши святые предки не спасались ли и съ одною славянскою Библіею? Предки наши сдѣлали, что могли и что должны были сдѣлать для водворенія слова Божія въ юной церкви своей, стяжавши Библію на славянскомъ языкѣ въ то время, когда россійскій языкъ еще младенчествовалъ, но по младенческому возрасту своему и не былъ еще такъ грѣшенъ, какъ сдѣлался послѣ. Мы же, потомки ихъ, не содѣлаемся ли недостойными предковъ, когда не сдѣлаемъ и съ своей стороны, что должны и можемъ при помощи Божіей сдѣлать для обновленія храма Премудрости Божіей въ Россійской церкви, для сооруженія изъ веществъ живаго русскаго слова животворному слову Божію полнаго и столь величественнаго, обширнаго и благолѣпнаго дома, сколь обширно пространство церкви Христовой въ русскомъ народѣ, сколь величественно и благолѣпно образованіе русскаго слова въ настоящее время, когда россійское нарѣчіе по всей державѣ есть живой языкъ и свой народу русскому,

когда съ одной стороны славянское нарѣчіе у насъ сдѣлалось не только мертвымъ, но и для самой большей части народа невразумительнымъ, когда съ другой стороны русскій языкъ нерѣдко столь недостойнымъ христіанства образомъ оскверняется и оскверняетъ многихъ, содѣлываясь орудіемъ и лепотою неправды, и заражаетъ все тѣло христіанскаго общества духомъ міра сего, и восполняетъ кругъ жизни народной огнемъ не отъ святилища Божія происходяшимъ, будучи имъ воспаляемъ отъ геенны. Не надлежитъ ли наблюдать ходъ, какимъ небесное провидѣніе возводитъ человѣчество къ высшимъ свѣтамъ и совершенствамъ, и симъ свѣтамъ и совершенствамъ даетъ всегда обширнѣйшіе круги въ человѣчествѣ, и печется не токмо о сохраненіи, но и о распространеніи употребленія слова истины, преданнаго человѣкамъ въ Св. Писаніи, и о томъ, чтобы разумѣнія сего слова было весьма доступно и удобно для всякаго, кто пожелалъ бы читать и разумѣть чтеніе Библіи? Когда еврейскій языкъ началъ выходить изъ общаго употребленія въ еврейскомъ народѣ; а между тѣмъ приближался Новый Завѣтъ, которому надлежало свѣтъ истиннаго откровенія Божія, сосредоточивавшійся дотолѣ въ одной еврейской церкви, усвоить всѣмъ племенамъ и языкамъ; тогда было благоугодно Духу Святому употребить всемірное въ тѣ времена еллинское нарѣчіе въ орудіе слова Божія. Водители народа не соизволятъ ли усмотрѣть здѣсь указанія Провидѣнія Божія на дарованіе Россійской церкви Россійской Библіи, когда славянское нарѣчіе уже давно между нами не есть живое? Водители народа не соизволятъ ли усмотрѣть необходимую потребность и нужду въ томъ, чтобы очаровательнымъ обольщеніямъ сатаны противосталъ въ народѣ Богъ и Отецъ человѣковъ, говорящій съ дѣтьми живымъ языкомъ ихъ, по своей силѣ и богатству достойнымъ Бога, по своей вразумительности и народности достойнымъ отца человѣковъ; чтобы языкъ Россійскій, вслѣдъ за другими живыми языками живыхъ народовъ, получилъ полное освященіе отъ слова Божія и, содѣлавшись благовѣстниковъ всѣхъ откровеній Божіихъ, органомъ истины, чистоты и святости, всегда служилъ освященію многихъ? Когда мы совершенствовали побѣдоносныя воинства наши; тогда сколько разъ, примѣчая ухищренія враждебныхъ народовъ къ улучшенію оружія воинскаго, и сами перемѣняли употребляв-

шіяся дотолѣ орудія на новѣйшія, удобнѣйшія и краснвѣйшія? Но козни діавольскія не опаснѣе ли человѣческихъ? И брань христіанскаго народа съ поднебесными духами злобы, съ міроправителями тьмы вѣка сего, не важнѣе ли всякой войны съ видимыми и тлѣнными непріятелями? И не требуетъ ли благоразуміе, чтобы въ то время, когда духъ міра столь сильно дышетъ на Россійскій народъ въ образованности и пріятности языка народнаго, Христова церковь ратовала симъ же самымъ оружіемъ противъ міра, преподавъ народу полную книгу откровеній Божіихъ на самомъ чистомъ Россійскомъ нарѣчіи?

Но скажутъ: греческій переводъ ветхозавѣтной Библіи освященъ евангелистами и апостолами въ приводимыхъ ими свидѣтельствахъ изъ книгъ пророковъ: итакъ если и надобно издать всѣ книги Ветхаго Завѣта на Россійскомъ нарѣчіи; то не лучше ли перевести ихъ съ греческаго перевода, чѣмъ съ еврейскаго оригинала? Но апостолы и евангелисты, употребляя греческій переводъ ветхозавѣтной Библіи по тому же, почему Господу было благоугодно предать ученія и откровенія Новаго Завѣта человѣкамъ на еллинскомъ языкѣ,—нигдѣ однако не изрекаютъ отверженія противъ еврейской Библіи; напротивъ ап. Павелъ торжественно утверждаетъ, что Богъ не отвергнулъ народа своего, который Онъ прежде зналъ;—а въ другомъ мѣстѣ, сказавъ, что необрѣзанный, по природѣ исполняющій законъ, осудитъ іудея, когда онъ и при писаніи и при обрѣзаніи преступникъ закона,—онъ предлагаетъ вопросъ: какая выгода быть іудеемъ? Или какая польза отъ обращенія? И отвѣтствуетъ: великая во всѣхъ отношеніяхъ; а наипаче въ томъ, что имъ ввѣрено слово Божіе. — Апостолъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о еврейскомъ оригиналѣ ветхозавѣтной Библіи: ибо слово Божіе въ еллинскомъ переводѣ уже давно было предано и другимъ народамъ, и греческая Библія LXX толковниковъ уже была общею собственностью іудеевъ и язычниковъ. Но св. Павелъ говоритъ, что іудеямъ, а не другому какому-нибудь народу ввѣрено слово Божіе для сохраненія истинныхъ откровеній Божіихъ въ человѣческомъ родѣ: посему іудей, будучи напоенъ словомъ Божіимъ со млекомъ матери, зная законъ Моисеевъ и пророчества о Христѣ изъ дѣтства, удобнѣе чѣмъ язычникъ можетъ обрѣсти путь спасенія во Іисусѣ. А когда онъ обрѣлъ Мессію во Іисусѣ Назарянинѣ; то ему

остается только быть вѣрнымъ познаваемой истинѣ, и исповѣдать ее съ праводушіемъ Наѳанаила, чтобы видѣть небо для человѣковъ отверстымъ во Іисусѣ, и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ къ сыну человѣческому на пользу и спасеніе грѣшныхъ братій Его. Итакъ писанія, у іудеевъ на еврейскомъ языкѣ хранящіяся, на которыя св. Павелъ указываетъ, суть по свидѣтельству его слово Божіе. Но онъ не сказалъ: іудеямъ оставлено слово Божіе, какъ остаются умирающіе лучи заходящаго солнца на вершинахъ горъ; а сказалъ: „ввѣрено", то-есть и нынѣ, хотя евреи оказались невѣрными духу Св. Писанія, но Богъ, вѣрный и истинный, котораго дары и призыванія непреложны, и нынѣ ввѣрилъ имъ, какъ залогъ милосердія своего и будущаго возстановленія и славы ихъ во Христѣ Іисусѣ, — букву Писанія, совершенно вѣрную духу Его, и вложилъ имъ въ сердца, какъ залогъ милосердія Своего и будущаго возстановленія и славы ихъ во Христѣ Іисусѣ,—крѣпкую, постоянную, строжайшую, благоговѣйную, искреннюю, непобѣдимую вѣрность въ храненіи ввѣреннаго имъ слова Божія, такъ что при всемъ поврежденіи характера въ этомъ таинственномъ народѣ, когда еврей за малость готовъ обмануть міръ весь, — самая ненависть къ распятому Назарянину не могла склонить евреевъ на то, чтобы обманывать человѣчество въ Библіи. Еврей во всемъ можетъ-быть изъ корысти низокъ, двоедушенъ, безчестенъ; въ одной Библіи характеръ евреевъ является въ поразительномъ блескѣ безкорыстнѣйшей честности, благородства и правоты постояннѣйшей и для всего человѣчества благотворнѣйшей. Но если греческій переводъ ветхозавѣтной Библіи освященъ употребленіемъ въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта; а славянская Библія переведена съ греческой: то какая выгода читать Библію Ветхаго Завѣта на еврейскомъ языкѣ, или какая польза отъ перевода сихъ книгъ на Россійское нарѣчіе съ оригинала? Великая во всѣхъ отношеніяхъ, а наипаче въ томъ, что Духъ святый, первоначально ввѣрившій еврейскому языку слово Божіе, посредствомъ сего же языка ввѣритъ и русскому нарѣчію слово Божіе, такою же мѣрою свѣтлости и вразумительности, какою оно усвоило еврейскому, и какъ Спаситель повелѣваетъ испытывать писанія, то переводъ всей Библіи Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка на русскій будетъ уже и самъ по

себѣ исполненіемъ заповѣди Спасителя и трудомъ, который будетъ увѣнчанъ Его благословеніемъ; а между тѣмъ сей трудъ будетъ награждаемъ святыми корыстями разумѣнія, которыя обогатятъ и украсятъ Россійскую церковь паче всѣхъ сокровищъ міра и паче всякаго великолѣпія вещественнаго,—многими прозрѣніями въ таинства Божіи, принадлежащія и открывающіяся душамъ, которыя со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступаютъ къ размышленію о путяхъ Божіихъ, прозрѣніями, которыя срѣтаются съ неизглаголанными воззрѣніями Премудрости Божіей, веселящими душу вѣрную ей, невѣрную же обличающими и къ вѣрности воззывающими.

Россіяне! Братія и отцы въ Господѣ! Когда живые языки народовъ современныхъ намъ одинъ за другимъ освящаются, содѣлываясь органами всѣхъ откровеній Божіихъ человѣкамъ, изреченныхъ Духомъ святымъ на языкахъ еллинскомъ въ Новомъ Завѣтѣ, а на еврейскомъ въ писаніяхъ Ветхаго: почто Россійскій языкъ и народъ медлитъ полною мѣрою причаститься сего же освященія истиною и словомъ Божіимъ? Духъ Святый, сошедшій на Божественныхъ учениковъ и апостоловъ Іисуса Христа въ огненныхъ языкахъ, и даровавшій имъ способность тогда же проповѣдывать разными языками великія дѣла Божіи, не освятилъ ли всѣ нарѣчія человѣковъ? И сія первосвященническая молитва Іисуса Христа за апостоловъ: Отче святый! освяти ихъ истиною Твоею; слово Твое есть истина; какъ Ты меня послалъ въ міръ, такъ и Я послалъ ихъ въ міръ, — сіе желаніе святѣйшаго сердца Іисусова не принадлежитъ ли какъ дражайшее наслѣдіе, и Тебѣ, святая церковь Россійская? Не предназначена ли и Ты быть великимъ собраніемъ свѣтлыхъ лучей животворящаго солнца правды, Христа, сосредоточенныхъ въ одно цѣлое? Какъ видимое солнце посылаетъ лучи свои на землю, на луну и на другія громады темнаго вещества, подчиненныя сему князю свѣта вещественнаго; такъ Христосъ, солнце духовнаго міра, не посылаетъ ли и Тебя, дщерь свѣта, по опредѣленному и указанному Тебѣ направленію въ міръ, лежащій въ землѣ, дабы свѣтъ Его просвѣщалъ чрезъ Тебя темныя массы многихъ народовъ, поставленныя Провидѣніемъ Его на пути силы и державы Твоей и вліяніямъ Твоимъ преданныя, дабы, какъ Ты, бывъ нѣкогда тьмою, содѣлались свѣтомъ въ Господѣ?

Сіи народы одѣваютъ и украшаютъ тебя, о дщерь Россіи, лисицами, соболемъ, бобрами: уже ли они для того и поручены тебѣ Господомъ Богомъ, чтобы служить и угождать прихотямъ роскоши? Уже ли владыка небесный для того и предалъ державѣ твоей землю сибирскую, чтобы облить тебя золотомъ и сребромъ, изрываемымъ изъ нѣдръ этой земли, принадлежавшей татарамъ, остякамъ, самоѣдамъ, калмыкамъ и прочимъ многимъ? Не должна ли ты заплатить имъ за сіи драгоцѣнности словомъ Божіимъ, котораго польза и достоинство до безконечности выше сребра и злата и драгоцѣнныхъ камней? Не обязана ли за сіи пышныя одѣянія облечь ихъ во Христа, въ бѣлыя ризы праведности Христовой? Но если ты сама будешь страшиться увидѣть полный свѣтъ откровеній Божіихъ въ русскомъ словѣ; то увидятъ ли посредствомъ тебя великій свѣтъ сіи народы, которые Провидѣніе Божіе ввѣрило попеченію твоему? Да освятится вполнѣ языкъ твой истиной Божіею, которая есть Слово Божіе; тогда, какъ въ надеждѣ на Бога вѣровать должно, и духъ народа посредствомъ языка пріиметъ отъ истины Божіей полное освященіе; тогда въ духѣ народа благоуспѣшно будетъ раскрываться живое сознаніе назначенія своего, доколѣ слово Господа Іисуса Христа не изречется въ немъ духомъ святымъ: какъ Отецъ послалъ Меня въ міръ, такъ и Я посылаю Тебя, ко многимъ народамъ, чтобъ Ты ввелъ ихъ въ благодатное царство Мое, и помогъ имъ содѣлаться добрыми и блаженными гражданами іерусалима небеснаго. Иди и научи ихъ вѣровать во имя Мое, получать отъ Отца Моего прощеніе грѣховъ и благодать святаго Духа отъ полноты Моей для исполненія заповѣдей Моихъ. Тогда дхнетъ Духъ Іисуса Христа, и сіи льди хладнаго невѣжества, которыми окованы столь многія воды народовъ, растаютъ, и они, какъ великія рѣки, потекутъ въ Христову церковь, быстрыми стремленіями усердія и преданности Спасителю Богу увеселяя градъ Божій, сущій на небесахъ.

Но братія и отцы! съ такою ли ревностію стремимся къ совершенству во всемъ богоугодномъ, духовномъ и вѣчномъ, съ какимъ рвеніемъ подражаемъ современнымъ народамъ во всемъ, чѣмъ питается любопытство, что умножаетъ удобства и удовольствія образованнаго общежитія, что возвышаетъ насъ во мнѣніи другихъ народовъ, что возвышаетъ насъ въ особенномъ нашемъ

о себѣ мнѣніи, что занимаетъ суетность нашу непрестанно измѣняющимися новостями? Похвально усердіе, достоинъ почтенія и ободренія вкусъ народа ко всему доброму, что у другихъ примѣчаемъ; но, какъ сказалъ мнѣ одинъ благоговѣйный старецъ, добро добра добрѣе, божественное выше всего человѣческаго, вѣчное дороже всего временнаго, богоугодное вѣрнѣе всего, что сегодняшнему вкусу многолюдной толпы угодно, духовное благороднѣе всего чувственнаго. Россіяне! на васъ смотритъ вселенная; на васъ смотритъ Европа: но не смотритъ ли на васъ и съ высоты небесной Сынъ Человѣческій, стоящій одесную Бога, сей Царь надъ царями и Господь надъ господами? Не смотрятъ ли на васъ всѣ святые ангелы Его? Не смотритъ ли на васъ торжественное собраніе на вѣчномъ Сіонѣ, и церковь первенцевъ, написанныхъ на небесахъ? Не смотритъ ли на насъ и все, что на землѣ есть благороднѣйшаго, просвѣщеннѣйшаго, благотворнѣйшаго и чистѣйшаго? А что такое? кто-нибудь спроситъ. Христіанство живое и плодоносное, — тѣ, кои вѣруютъ во Іисуса, какъ въ Бога, явившагося во плоти, и, не видѣвъ Его, но полагаясь на Святыя Писанія, свидѣтельствующія о Немъ, любятъ Его, усердно учатся у Него же творить волю Отца, и радуются радостію незреченною и преславною въ самыхъ страданіяхъ, и получаютъ плодъ вѣры своей, спасеніе душъ, т.-е. и сами спасаются и служатъ спасенію ближнихъ, Іисусомъ Христомъ. Россіяне! Если уже необходимы слова для возбужденія ревности вашей; то заслуживайте похвалу между всѣми любящими Сіона: они соль земли, они краса и цвѣтъ человѣчества; они свѣтъ міру. Россіяне! Если вы по распоряженію Небеснаго Міроправителя, не предшествуя, а послѣдуя образованнѣйшимъ народамъ въ великомъ ходѣ возрожденія человѣковъ, не можете не подражать имъ во многомъ, въ чемъ они имѣли время опередить васъ; то подражайте имъ наипаче въ дѣятельномъ усердіи и любви къ слову Божію, подражайте имъ въ ревности къ распространенію христіанства между народами, остающимися въ мучительной власти діавола. Но что я говорю: подражайте? Смотрите и творите. Смотрите, какъ работаютъ въ церквахъ Великобританіи и Германіи; смотрите на усилія сихъ церквей въ образованіи пастырей и учителей; смотрите на устроенія и дѣйствія миссій ихъ; смотрите на моравскую церковь, на общины

ея, разсѣянныя по вселенной, на ея подвиги и успѣхи въ проповѣданіи язычникамъ Іисуса Христа распятаго. Но во всѣхъ сихъ церквахъ народы читаютъ полную Библію на живыхъ народныхъ языкахъ своихъ: вотъ что прежде всего надлежитъ перенять для того, чтобы Духъ Іисуса Христа возраждалъ, оживлялъ, освящалъ, оплодотворялъ и руководствовалъ Россійскій народъ къ его столь великому назначенію въ царствіи Божіемъ, сколь велико число и различіе тѣхъ народовъ ея, которые доселѣ не привиты къ Спасителю человѣковъ Іисусу Христу. О дщерь Россіи! ты не желаешь, чтобы кто предвосхитилъ вѣнецъ твой: это открылось явно, когда иной церкви дѣйствователи въ Иркутской епархіи на вопросъ, будетъ ли позволено имъ крестить безъ сомнѣнія ими обращаемыхъ и оглашаемыхъ иновѣрцевъ, не получили утвердительнаго отвѣта. Но въ то же время и долги наши не увеличились ли? Не обязались ли мы на мѣсто англійскихъ миссіонеровъ давать иновѣрцамъ Россійскихъ, которые бы и крестили ихъ безкорыстно, и заботились съ постояннымъ усердіемъ о наставленіи и утвержденіи неофитовъ въ спасительномъ познаніи Іисуса Христа и святыхъ Его заповѣдей? Но англійскіе миссіонеры читаютъ на живомъ народномъ языкѣ полную Библію, переведенную съ оригинальныхъ: вотъ что прежде всего надлежитъ перенять, чтобъ и вообще въ Россійскомъ народѣ и особенно въ служителяхъ алтаря умножался спасительный для человѣковъ свѣтъ истиннаго Богопознанія. Если же все еще будемъ бояться полной Библіи на Россійскомъ нарѣчіи; то не вошелъ бы въ число миссіонеровъ нашихъ нѣкто подобный одному клирику, приходившему ко мнѣ съ объявленіемъ, что онъ желаетъ послужить святой церкви проповѣданіемъ слова Божія иновѣрцамъ. Хорошо, говорю, другъ мой; но скажи мнѣ сколько у насъ боговъ, чтобъ знать какую вѣру мы намѣрены проповѣдывать. И что же? Онъ насчиталъ мнѣ ихъ не только три, но и четыре, и пять, и можетъ-быть простирая бы далѣе, еслибы я не пресѣкъ этого исчисленія. Архіепископъ всплеснулъ руками отъ удивленія и прискорбія, когда я разсказалъ ему разговоръ мой съ этимъ клирикомъ. Впрочемъ у насъ нельзя и ожидать того, чтобы одни миссіонеры и клирики приходскихъ церквей проповѣдывали иновѣрцамъ Бога истиннаго; но и всѣ православные земледѣль-

цы и торговые люди нерѣдко изъясняютъ имъ вѣру, которую называетъ „крещеною“, и многіе изъ сихъ учителей называютъ честныя иконы богами, а полочки, на которыхъ онѣ стоятъ, божницами. Такъ образомъ вообще русскій народъ, хотя доселѣ кажется недовольно собравшійся съ силами, долженъ содѣйствовать обращенію ко Христу многихъ племенъ, вкупѣ съ нимъ составляющихъ одну державу; и чѣмъ болѣе въ русскомъ народѣ умножался бы свѣтъ Христовъ, тѣмъ болѣе добра Христова онъ сообщалъ бы иновѣрцамъ безчисленными точками непрестанныхъ сближеній съ ними, прикосновеній къ нимъ, сообщеній и связей съ ними по дѣламъ и нуждамъ временной жизни. Но чтобъ Россійская церковь родила сей духъ спасенія, для того надобно прежде, чтобъ она зачала сей духъ спасенія, а для сего необходимо, чтобы она совершеннымъ и полнымъ образомъ предалась дѣйствію сотворившаго вся и возсозидающаго вся Іисуса Христа Сына Божія, чтобы она получила отъ Него полною мѣрою нетлѣнное сѣмя Слова Божія въ св. Писаніи, чтобы всѣ затрудненія, препятствующія слову Божію дѣйствовать полною силою въ духѣ народа, происходящія отъ нарѣчія, содѣлавшагося для русскихъ мертвымъ, были отвращены и уничтожены, а съ другой стороны были приведены въ дѣйствіе всѣ возможные способы для того, чтобы полная Библія на россійскомъ нарѣчіи была самая вѣрная и сообразнѣйшая слову Божію, первоначально ввѣренному письменамъ еврейскаго языка въ книгахъ ветхозавѣтныхъ и еллинскаго въ новомъ завѣтѣ. Ничѣмъ не можно замѣнить сію полноту и чистоту живаго сѣмени возрожденія, никакими душеполезными сочиненіями, никакими златыми книжицами, никакими самонадежными способами спасаться, никакими проповѣдями. Притомъ надобно истинствовать въ любви къ Богу и человѣкамъ во Христѣ Іисусѣ, чтобы и подражаніе въ дѣлахъ Царствія Божія было твореніемъ по искреннему убѣжденію и благочестію въ духѣ и истинѣ,—и мужественно рѣшиться на скорби чадорожденія, возвышающія достоинство и блаженство матери,—хотя по всему вѣроятно, что болѣзни твои, о дщерь Россіи, будутъ не тяжки, и если ты, не внимая опасеніямъ оскорбительнымъ для слова Божія, обиднымъ для вѣры и благочестія, унизительнымъ для христіанской державы, спокойно употребишь предохранительныя мѣры

благоразумія, уповая на помощь Божію; то гласъ Іеговы, разрѣшающій ланей отъ бремени, облегчитъ и твои страданія; Господь будетъ съ тобою въ скорби, и безъ дальнихъ потрясеній болѣзненныхъ содѣлаетъ тебя матерію веселящеюся о многихъ чадахъ.

Поспѣшимъ окончить письмо, такъ растянувшееся сверхъ чаянія; возвращаюсь къ изреченію св. ап. Павла, который свидѣтельствуетъ, что св. Писанія, и какъ мы видѣли, ветхозавѣтныя, могутъ умудрить всякаго христіанина, и въ особенности служителя церкви во спасеніе вѣрою во Христа. Если же это вѣрно; то безъ сомнѣнія Духу Святому будетъ благоугоденъ усердный трудъ, которому Россійская церковь будетъ одолжена яснымъ и вѣрнымъ переводомъ всей библіи Ветхаго Завѣта на россійскій языкъ съ оригинальныхъ: ибо сей подвигъ поведетъ россійскую церковь и въ особенности сословіе клириковъ къ той самой цѣли, для которой Библія Ветхаго Завѣта дарована человѣкамъ Небеснымъ Отцемъ ихъ. Сія цѣль въ томъ состоитъ, чтобы мы читая книги Ветхаго Завѣта умудрялись вѣрою во Христа Іисуса. Но чѣмъ яснѣе и вразумительнѣе будутъ для насъ сіи Писанія, тѣмъ искуснѣйшими и благоразумнѣйшими будутъ содѣлывать насъ въ дѣлѣ спасенія. Мы говорили, какимъ образомъ законодательныя, историческія и пророческія книги Ветхаго Завѣта руководствуютъ ко Христу. Что касается прочихъ писаній, въ которыхъ содержатся прекраснѣйшія нравоученія,—въ книги притчей Соломоновыхъ видимъ, что они суть уроки предвѣчной премудрости Божіей, которая, по изъясненію ап. Павла, есть Сынъ Божій, пришедшій въ міръ, Іисусъ Христосъ; и какъ въ тѣ времена, когда составъ Ветхозавѣтной Библіи восходилъ къ полнотѣ своей, спасаемое человѣчество находилось въ возрастѣ отрочества и юности: то во всѣхъ Ветхозавѣтныхъ нравоученіяхъ надлежитъ созерцать Іисуса Христа въ Святомъ отрочествѣ Его, и внимать самой премудрости Божіей, преподающей человѣкамъ удивительныя наставленія, но всегда сообразныя младости человѣчества: ибо нравоученіе Премудрости Божіей въ Новомъ Завѣтѣ есть уже высшее и совершеннѣйшее.—Кто-нибудь скажетъ: не опасно ли представлять народу таинственную книгу Пѣсни Пѣсней на россійскомъ нарѣчіи? Пастыри церкви отвратятъ опасность приложеніемъ ука-

заній на внутреннѣйшее содержаніе сей божественной книги, въ которой воспѣвается брачный союзъ Премудрости Божіей съ непорочною и чистѣйшею душею человѣческою во Іисусѣ, достигшей жаркаго возраста юности, но крѣпкой и побѣждающей, и всею силою прилѣпляющейся къ Премудрости Божіей и объемлемой ею. Впрочемъ ужели ап. Павлу не было извѣстна Пѣснь Пѣсней? А онъ торжественно объясняетъ, что все Писаніе, не исключая ни одной книги, все Писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, чтобы совершенъ былъ человѣкъ Божій, ко всякому дѣлу доброму пріуготовленъ. Кто не желаетъ, чтобы и нынѣ умножились въ россійской церкви такіе служители слова, каковъ былъ Тимоѳей ученикъ св. Павла? Но образуются, пріуготовляются ко всякому доброму дѣлу и совершаются святые Божіи человѣки Библіею. Итакъ на что оставлять прегражденнымъ и засореннымъ хотя одинъ источникъ церковной пользы? Все Писаніе богодухновенно, и все полезно: и такъ даруйте россійской церкви всю Библію на русскомъ языкѣ, дабы она приносила народу русскому сколько можно болѣе пользы, дабы она, будучи вразумительна и свѣтла, и просвѣщая сердечныя очи, тѣмъ явственнѣе открывалась въ достоинствѣ богодухновенности и въ силѣ истиннаго слова Божія. Если же и затѣмъ останутся въ библіи такія мѣста, которыя съ перваго взгляда будутъ казаться темными; это будутъ весьма легкія и тонкія тѣни возвышающія красоту и величіе свѣта. Впрочемъ св. ап. Петръ говоритъ и о посланіяхъ св. Павла, что въ нихъ есть нѣчто неудобовразумительное, что̀ невѣжды и неутвержденные, къ собственной своей погибели, превращаютъ подобно какъ и прочія писанія. Но св. Петръ за слабость и невѣжество нѣкоторыхъ не воспрещаетъ читать посланія св. Павла на греческомъ языкѣ доступномъ для всѣхъ и вразумительномъ. Благодаримъ Господа Бога, что имѣемъ теперь сіи посланія глубокомысленныя на россійскомъ языкѣ, такъ же какъ и весь Новый Завѣтъ и книгу хваленій отъ ветхаго; и молимъ благость Его даровать намъ вскорѣ и прочія писанія Ветхаго Завѣта въ такой же ясности; и чѣмъ онѣ яснѣе будутъ на русскомъ нарѣчіи, тѣмъ менѣе будетъ способовъ для невѣждъ превращать истинный смыслъ ихъ.

Наконецъ чѣмъ яснѣе, чѣмъ сообразнѣе съ оригиналами будетъ библія на русскомъ языкѣ, тѣмъ полезнѣе будетъ употребленіе ея въ обращеніи и наставленіи обращающихся ко Христу магометанъ и евреевъ: ибо евреямъ надлежитъ непрестанно показывать Іисуса Христа въ Ветхомъ Завѣтѣ; а Магомета ни что не можетъ столь сильно поражать и низлагать, какъ сама Библія, которую онъ исказилъ въ Алкоранѣ. Но Алкоранъ уже неоднократно изданъ у насъ на русскомъ нарѣчіи: почто же не спѣшимъ противопоставить ему Святую Библію на живомъ языкѣ народа, весьма знакомомъ для многихъ между русскими магометанами и евреями? Но В. Пр—во и безъ многословія моего можете чувствовать и видѣть съ этой стороны важность церковной нужды, о которой я обстоятельнѣе говорилъ въ письмѣ къ высокопреосвященнѣйшему Филарету Митрополиту Московскому. Впрочемъ будемъ развязны; будемъ учиться у св. апостола быть всѣмъ для всѣхъ.—Вы сегодня желаете остаться съ одною славянскою библіею, какую нынѣ имѣемъ? Останьтесь съ Богомъ; но вы не знаете, что съ вами завтра случится; и если получите другое желаніе, то объявите намъ, потому что мы готовы и другимъ образомъ послужить и угодить вамъ.—А вы желаете читать славянскую же библію, но вновь переведенную съ еллинскаго? Вотъ она: читайте съ Богомъ.—А вы требуете полной библіи, но переведенной на россійскомъ нарѣчіе съ еллинскаго? Извольте получить: вотъ она.—А вы намѣрены изучать библію на славянскомъ языкѣ, но въ переводѣ съ оригинальныхъ, греческаго и еврейскаго?—Вотъ она: поучайтесь съ Богомъ и днемъ и ночью.—Быть такъ развязными необходимо для того, чтобы по наставленіи ап. Павла сражаться десными и шуими. Но какъ намъ кажется, что нельзя еще вскорѣ открыться у насъ такому богатству и изобилію способовъ: то мы, бѣдные миссіонеры, сего названія недостойные, молимъ прежде всего даровать намъ полную россійскую библію на россійскомъ нарѣчіи, вѣрно переведенную съ оригинальныхъ языковъ еврейскаго и еллинскаго.—И мы осмѣливаемся воображать, что намъ отвѣтствуютъ такимъ образомъ: прошеніе ваше не безразсудно. Вы боретесь обыкновенно съ большими и неминуемыми развлеченіями; вы ходите среди соблазновъ, сѣтей и пропастей; вы обращаетесь по большой части съ такими людьми, которыхъ

вниманіе занимается только земнымъ и временнымъ; а кромѣ того вы и живете тамъ, гдѣ престолъ сатаны. Получите убо неистощимый запасъ священнаго елея, которымъ можете питать свѣтильники ваши, дабы они не угасали. Вы совершенно удалены отъ богатыхъ книгохранилищъ, которыми ваша ученая братія пользуется; вы не имѣете доступа къ тѣмъ толковникамъ, которые можетъ быть помогли бы вамъ разумѣть, напримѣръ, книгу Іова на славянскомъ языкѣ (не о себѣ говорю, а вообще о состояніи миссіонеровъ) вы не можете имѣть многія книги въ странствіяхъ вашихъ, иногда по лѣсамъ, горамъ и пустынямъ: вотъ книга книгъ и при томъ на россійскомъ нарѣчіи; вотъ библія, которая сама себя изъясняетъ; она можетъ сопровождать васъ повсюду, освящая часы отдохновенія вашего, услаждая горесть скорбей, разгоняя туманъ печали, возбуждая вѣру и упованіе на Провидѣніе Божіе, подкрѣпляя терпѣніе, утѣшая добрыми помышленіями. Вотъ богодухновенная библія Ветхаго Завѣта на россійскомъ нарѣчіи въ переводѣ съ еврейскаго, читайте ее бѣднымъ евреямъ; и когда они съ удовольствіемъ будутъ видѣть, что Библія наша совершенно сообразна съ ихъ библіею, тогда вы открывайте имъ, какимъ образомъ Іегова ведетъ ихъ рукою Моисея и пророковъ ко Іисусу, и что сей Іисусъ есть Іегова, обѣщавшійся явиться на землю для спасенія грѣшниковъ. Вотъ полная библія и Ветхаго Завѣта и Новаго: читайте ее магометанамъ, да познаютъ они, что все спасеніе человѣковъ заключается въ дѣйствительности страданій и смерти Христовой, что нѣтъ ничего ужаснѣе и ненавистнѣе для діавола какъ животворный крестъ Господа нашего Іисуса Христа, что потому самому и научалъ онъ Магомета проповѣдывать, будто Іисусъ не былъ на крестѣ распятъ, и будто призракъ одинъ представлялся на крестѣ Іудеямъ; да познаютъ, что они вѣруютъ лжи и противятся истинѣ; что Іисусъ Христосъ дѣйствительно пострадалъ за насъ пречистою плотію и душею святѣйшею и грѣхи наши самъ вознесъ тѣломъ своимъ на древо, дабы мы, умерши для грѣховъ, жили для правды, и что ранами Его мы исцѣляемся. Вотъ наконецъ полная библія на россійскомъ языкѣ, которою россійская церковь благословляетъ. Она явилась послѣ многихъ другихъ переводовъ св. Писанія, а оказалась впереди всѣхъ ихъ, потому что воспользовалась и опытами, и немощами

и успѣхами многихъ вѣковъ, доставшимися въ наслѣдство нынѣшнему: посему всѣ церкви приняли явленія полной россійской библіи съ радостными восклицаніями; послѣ еврейской библіи Ветхаго Завѣта и еллинской Новаго, это первая библія въ христіанскомъ мірѣ. Читайте съ Богомъ; благодарите за сей даръ Бога и помышляйте по сему знаменію о великихъ намѣреніяхъ Вседержителя въ разсужденіи церкви россійской, о великихъ и славныхъ подвигахъ предстоящихъ ей въ будущемъ по дѣламъ Царствія Божія; о высокомъ ея назначеніи въ судьбахъ Божіихъ, о важности ея обязанностей, о тягости ея отвѣтственности предъ Богомъ. Теперь будьте спокойны, живите и дѣйствуйте библіею, и не завидуйте иностраннымъ церквамъ, а Бога благодарите и радуйтесь, что вы въ нѣдрѣ православной россійской церкви, которая наконецъ имѣетъ россійскую библію, и что послѣ божественныхъ оригиналовъ россійская библія есть между всѣми переводами превосходнѣйшая и совершеннѣйшая.

Знать мои мысли о средствахъ, служащихъ къ лучшему устройству миссіи здѣшней, желали вы, избранный изъ тысящей мужъ. Желанія мои не ограничиваются состояніемъ миссіи во время пришествія моего на земли, которое какъ видно по всему не продолжится. Если россійская церковь получитъ россійскую библію, переведенную съ оригиналовъ; то отъ сей мѣры, съ несомнѣнною вѣрою, буду ожидать преемниковъ по службѣ моей, которые будутъ лучше такого, какъ я, предшественника; отъ сей же мѣры могу ожидать еще того благополучія, что сіи добрые дѣлатели будутъ имѣть въ здѣшнемъ русскомъ народѣ такихъ помощниковъ и сотрудниковъ, которые не будутъ невѣжествомъ разрушать, что они умѣютъ построить, съ просвѣщеннымъ усердіемъ и содѣйствіемъ возвысятъ успѣхи миссіонеровъ, и что тѣ и другіе, пріемля полнѣйшею мѣрою свѣтъ откровеній Божіихъ посредствомъ россійской библіи, будутъ обильнѣйшею мѣрою сообщать сей благотворный свѣтъ и народамъ, которые въ самомъ дѣлѣ для того покорены Россіи Провидѣніемъ Божіимъ, чтобы Россія поставила и руководствовала ихъ на пути къ вѣчному блаженству во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Еслибы вскорѣ исполнилось мое желаніе, которымъ это письмо заключу; то можетъ быть и мнѣ довелось бы читать россійскую библію съ тѣмъ утѣшеніемъ, которое бы ободряло и подкрѣпляло

меня въ настоящемъ служеніи, и съ тою пользою, которая обращалась бы въ пользу миссіи здѣшней. Благоустройство миссіи есть печать благополучнаго устроенія души миссіонеровъ. Впрочемъ пользуясь открывшеюся для меня стезею великодушнаго изволенія вашего читать съ терпѣніемъ письмо мое, я намѣренъ, если Господу Богу сіе благоугодно, представить В. Пр—ву и другія мои соображенія, слѣдующія за первою мыслiею, которою, какъ основною, и нужно было наполнить все письмо.

Милостивый Государь!

Приступая къ объясненію предъ вами такого желанія, которое зачать въ себѣ моя душа нечистая и грѣшная была недостойна, я ощущаю невольный страхъ. Но предаюсь волѣ Вседержителя Бога вездѣ Сущаго и вся Исполняющаго.

По ходатайству В. Пр—ва, существованіе миссіи утверждено въ здѣшнемъ краю, когда повелѣно ежегодно выдавать изъ казны на содержаніе ея опредѣленную сумму; а мнѣ вышло благословеніе Отца отечества и священнѣйшаго собора пастырей россійской церкви.

Но когда Государю Императору (да помянетъ его Господь Богъ) было благоугодно пожаловать мнѣ въ знаменіе монаршаго благоволенія и въ память моихъ обязанностей украшенный драгоцѣнными камнями крестъ съ изображеніемъ распятаго Іисуса Христа, то я желаю изъявить благодареніе, сообщая вамъ для представленія помазаннику Божію слѣдующія мысли.

Искреннѣйшая преданность, благоговѣйнѣйшее почитаніе и любовь россіянъ къ благочестивѣйшему Государю Николаю Павловичу есть безъ сомнѣнія благословеніе Божіе, но и талантъ, который надо обратить къ прославленію имени Царя Царей, къ умноженію благодати Божественной въ русскомъ народѣ. Да напишется на скрижаляхъ исторіи, да напишется на небесахъ въ книгѣ жизни: Владиміръ просвѣтилъ русскій народъ св. крещеніемъ, Николай просвѣтилъ Русскій народъ россійскою библіею!

Петръ Великій предпринималъ изданіе библіи въ пользу россіянъ на двухъ языкахъ. Напечатана была на одномъ столбцѣ Голландская библія, а на другомъ предположено печатать сла-

вянскую. Но смерть пресѣкла златую нить славной жизни, и мысль великаго не успѣла исполниться. Да воскреснетъ онъ въ непорочной душѣ Николая I, въ новомъ благолѣпіи и въ совершеннѣйшей полнотѣ!

Помора, новокрещенный царь народа, недавно въ полудикомъ состояніи бывшаго, самъ переводитъ святую библію съ англійскаго на языкъ своего народа, который онъ привелъ съ собою въ Христову церковь.

Миссіонеры англійской церкви могутъ примѣтить, что россійская церковь не имѣетъ россійской Библіи. Для нихъ не будетъ скучно предпріять переводъ Библіи съ еврейскаго и греческаго на русскій языкъ; а они могутъ прислать епископамъ россійской церкви полной Библіи россійской нѣсколько экземпляровъ въ даръ и знакъ братолюбія.

Но еслибы Государь Императоръ соизволилъ предпріять на собственномъ иждивеніи, въ пользу россійской церкви изданіе священной Библіи:

1) Ветхаго завѣта на языкѣ оригинальномъ еврейскомъ.

2) Въ греческомъ переводѣ LXX толковниковъ.

3) Въ переводѣ славянскомъ съ греческаго.

4) Въ переводѣ россійскомъ съ еврейскаго оригинала.

5) Новаго Завѣта въ греческомъ оригиналѣ съ переводами славянскимъ и

6) русскимъ:

то вѣнецъ прекраснаго царствованія Его Величества украсился бы такимъ драгоцѣннымъ каменіемъ, котораго блескъ сіялъ бы немерцающимъ свѣтомъ въ Царствіи Божіемъ.

По мнѣнію моему надлежало бы напечатать на одномъ изъ первыхъ листовъ царской Библіи—полиглотты:

Безсмертному Царю
Царей
Господу и Богу Іисусу
Христу
благоговѣйно
и святой церкви Его
въ Россійской Державѣ
всеусердно
Императоръ Николай I,
съ супругою и съ чадами
сей даръ приносятъ.

Или другое сему надобное подписаніе.

Сему изданію Библіи безъ сомнѣнія надлежало бы соединить въ себѣ всѣ возможныя великолѣпія. Эстампы въ копіяхъ съ оригинальныхъ произведеній живописи не были бы забыты.

Сіи мысли и желанія Его Величеству сообщить благоволите, избранный ходатай церкви у престола царева, когда обращаете сердце для сего подвига.

Самого себя и васъ предавъ Христу Богу, съ искреннимъ чувствомъ благодаренія и преданности,

Имѣю честь быть Вашего превосходительства, милостивѣйшаго государя, покорнѣйшій слуга архимандритъ Макарій.

1836 года, іюня 8 дня. Въ Бійскѣ.

Подлинное, писанное о. Макаріемъ на листкахъ въ осьмушку, находится въ Московской епархіальной библіотекѣ, куда попало отъ митрополита Филарета, которому было конечно передано какъ лицу, оказывавшему постоянно покровительство о. Макарію. Оно и не произвело желаемаго о. Макаріемъ дѣйствія, какъ видно и изъ слѣдующаго письма къ нему митрополита Филарета. Мы сказали выше, что митрополитъ Филаретъ долго не отвѣчалъ о. Макарію на письмо его отъ 24 марта 1834 по поводу перевода Библіи на русскій языкъ, и вотъ что писалъ ему митрополитъ Филаретъ почти черезъ три года 23 августа 1837: „Давно время мнѣ повиниться передъ вами въ долгомъ молчаніи. Сей часъ полученное письмо ваше нашло меня въ такомъ положеніи, что могу не отлагать болѣе ни на минуту изъявленія моей повинности, какъ отлагалъ прежде, по намѣренію, не на долго, а по стеченію обстоятельствъ, или по неумѣнію владѣть временемъ, на долго. Повѣрьте, что я не хотѣлъ бы такъ быть не исправленъ, и простите меня за прошедшее. Болѣе же исправнымъ быть мнѣ помогайте настоятельнымъ требованіемъ отвѣта, когда надобно. Бесѣду съ вами начать надобно, кажется, съ мысли вашей о полномъ переводѣ Библіи на русское нарѣчіе. Вы употребили не мало труда на изложеніе сихъ мыслей, но посѣвъ вашъ пришелъ не на готовую землю и не во время сѣянія. Сомнѣнія о полезности перевода, доселѣ сдѣланнаго, и прекословія о достоинствѣ его, или не прекратились или воз-

никли вновь, такъ что продолженіе сего дѣла болѣе угрожало бы умноженіемъ сомнѣній и прекословій, нежели обнадеживало бы умноженіемъ плода духовнаго. Если языкъ богослужебный долженъ быть сохраненъ богослужебнымъ, то должно стараться, чтобы онъ какъ можно болѣе сохранялся общепонятнымъ, и для сего полезно, чтобы не отвыкали читать на немъ священное Писаніе. Мнѣ кажется, что сіе соображеніе не должно быть пренебрежено. Дѣйствуйте въ упованіи на Бога средствами, которыя Онъ далъ и которыми можно сдѣлать довольно добраго“ [25]).

Между тѣмъ о. Макарій, встрѣчая при своей миссіонерской дѣятельности дѣйствительно большое затрудненіе въ незнаніи и непониманіи обращаемыми и новообращенными изъ русскихъ подданныхъ язычниковъ, магометанъ и іудеевъ церковнославянскаго языка, и убѣждаясь все больше и больше въ крайней необходимости священнаго Писанія на понятномъ для всѣхъ русскомъ языкѣ, принялся съ свойственной ему энергіей за переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка на русскій и началъ свой трудъ съ книги Іова, можетъ быть и случайно, какъ мы сообщила со словъ протоіерея Ландышева, а можетъ быть и потому, что Библейское Общество довело свой переводъ до этой книги. Когда переводъ книги Іова былъ имъ конченъ, онъ отослалъ (1837) этотъ переводъ въ коммиссію духовныхъ училищъ. Знакомый хорошо съ исторіею библейскаго общества и съ неудачами, постигшими его изданія, и опасаясь въ свою очередь противодѣйствія со стороны нѣкоторыхъ лицъ духовной іерархіи, онъ въ тоже время послалъ уже прямо на Высочайшее имя прошеніе о повелѣніи разсмотрѣть его переводъ книги Іова и издать его на средства коммиссіи духовныхъ училищъ. Обращаясь къ Государю, [26]) о. Макарій тоже началъ съ того, что Библія есть святѣйшее собраніе законовъ и правъ Царствія Божія и что Государь, даровавъ Россіи Сводъ Законовъ, открылъ надежду; что россійская церковь получитъ святую Библію на живомъ русскомъ языкѣ въ переводѣ „съ еврейскаго

---

[25]) Чт. въ Общ. любит. дух. просв. 1872, стр. 94.

[26]) Христ. Чт. 1872, Сентябрь.

и эллинскаго въ той полнотѣ и общей для всѣхъ вразумительности, въ какой было угодно Господу Богу даровать ее человѣкамъ, безчисленно разнообразными путями благостію Его обращаемымъ отъ заблужденій, спасаемымъ".—Затѣмъ о. Макарій писалъ, что послѣ просвѣщенія русской земли крещеніемъ при Владимірѣ Великомъ „наши предки получили полную библію въ такомъ переводѣ славянскомъ, какого яснѣе и удобнѣе въ употребленіи въ то время быть не могло"; но теперь языкъ славянскій сталъ мертвымъ, на немъ никто у насъ не говоритъ и не пишетъ, сталъ непонятенъ для милліоновъ людей, между которыми и для многихъ служителей церкви. Переводъ Новаго Завѣта, Псалтири и нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта на русскій языкъ свидѣтельствуетъ, что русскій языкъ достигъ той степени зрѣлости, что русская церковь можетъ и должна получить всѣ писанія пророковъ Ветхаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Государь можетъ довершить святое зданіе столь торжественно начатое и столь высоко возведенное въ царствованіе Александра Благословеннаго. Царское слово будетъ изречено и русская Библія явится во всей полнотѣ и красотѣ своей. Приводя слова Суворова: „поспѣшайте дѣлать добро," о. Макарій высказываетъ опасеніе, какъ бы великобританская церковь не подарила Россіи полной руской Библіи и не предвосхитила такимъ образомъ у русской церкви славу въ явленіи послѣ божественнаго оригинала первой и превосходнѣйшей въ христіанствѣ Библіи, такъ какъ само Провидѣніе Божіе даруетъ намъ возможность воспользоваться плодами опытовъ" и успѣховъ древнихъ и новѣйшихъ вѣковъ въ испытаніи святыхъ писаній. Духъ Святый, сойдя въ видѣ огненныхъ языковъ на божественныхъ учениковъ Іисуса Христа, освятилъ всѣ живые языки, чтобы всѣ они были живыми проводниками слова Божія. Когда мы будемъ имѣть полную русскую Библію, то избавимся отъ нареканія, что мы ненавидимъ свѣтъ и боимся полнаго свѣта своей религіи, хотя и должны передавать его другимъ покореннымъ намъ народамъ, сѣдящимъ во тьмѣ и въ тѣни смерти, что мы равнодушно относимся къ тому, что у насъ нѣтъ полной русской Библіи, между тѣмъ какъ русскіе магометане имѣютъ полный алкоранъ на русскомъ языкѣ и, не понимая его на арабскомъ, могутъ читать его въ русскомъ переводѣ. Полная русская Библія облегчитъ

изученіе богословскихъ наукъ въ духовныхъ училищахъ, распространитъ употребленіе и разумѣніе Библіи и послужитъ къ обращенію и просвѣщенію св. крещеніемъ иновѣрцевъ и къ дальнѣйшему утвержденію въ христіанской вѣрѣ новокрещенныхъ. Въ тоже время Макарій писалъ въ коммиссію духовныхъ училищъ о необходимости полной русской Библіи для миссіонеровъ, священниковъ и клириковъ при церквахъ приходскихъ и вообще для русской церкви, указывая на то, что многіе миссіонеры и большинство служителей церкви „не могутъ хорошо разумѣть Ветхаго Завѣта на славянскомъ, уже мертвомъ у насъ нарѣчіи", на то, что явленіе Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ не доказываетъ излишности книгъ Ветхаго Завѣта на русскомъ же; но напротивъ „неотступно требуетъ и Ветхаго, столько же вразумительнаго для всѣхъ по заповѣди Спасителя: „испытайте писанія: они свидѣтельствуютъ о мнѣ"; что полная Библія на русскомъ языкѣ въ исправномъ переводѣ съ оригинальныхъ языковъ необходима для обращенія евреевъ и магометанъ живущихъ въ Россіи", и что объяснять и доказывать это претитъ ему „чувство благоговѣйнаго почтенія къ высокому сословію нашему".—Затѣмъ объяснилъ, что при переводѣ книги Іова онъ пользовался записками одного изъ новѣйшихъ оріенталистовъ германскихъ, именно Розенмюллера.

Переводъ этотъ былъ по порученію коммиссіи разсмотрѣнъ профессоромъ еврейскаго языка С.-Петербургской Духовной Академіи протоіереемъ Ивановымъ, который отозвался, что „переводъ, исключая немногихъ мѣстъ, довольно правиленъ, но не вездѣ чистъ и ясенъ, иногда слишкомъ букваленъ, часто весьма растянутъ; а потому, безъ значительнаго усовершенствованія, не можетъ быть полезно употребленъ въ духовныхъ училищахъ".

Въ январѣ 1839 года архимандритъ Макарій представилъ Государю тѣмъ же путемъ и съ тѣмъ же желаніемъ изданія на иждивеніи суммъ коммиссіи духовныхъ училищъ переводъ книги пророка Исаіи. Причемъ счелъ нужнымъ въ донесеніи коммиссіи духовныхъ училищъ оговориться, что „при переводѣ книги Исаіи пророка пользуясь ученостію Розенмюллера, я не послѣдовалъ его жалкой невѣрности. Для кого нужно введеніе въ сію книгу,

тотъ можетъ пользоваться руководствомъ къ чтенію священнаго Писанія, изданнымъ блаженной памяти митрополитомъ с.-петербургскимъ Амвросіемъ, имѣя право ожидать совершеннѣйшаго въ семъ родѣ отъ нашихъ академій церковныхъ".—Предполагая, что первое письмо его на Высочайшее имя утратилось, о. Макарій счелъ нужнымъ по важности его содержанія препроводить вмѣстѣ съ новымъ прошеніемъ и списокъ съ перваго. Въ новомъ прошеніи о Макарій напоминаетъ, что Новый Завѣтъ, Псалтирь и книга Бытія были уже переведены на русскій языкъ, чѣмъ и доказано, что русскій языкъ достигъ уже той зрѣлости которая потребна для воспроизведенія истинъ „свыше отъ Отца свѣтовъ человѣчеству откровенныхъ"; но великое дѣло—произведеніе Библіи на русскомъ языкѣ остановилось. Приведя слова апостола Іакова (IV, 17): „вѣдущему добро творити и не творящему, грѣхъ ему есть,—кто разумѣетъ дѣлать добро и не дѣлаетъ, тотъ грѣшитъ",—о. Макарій находитъ ключъ къ разумѣнію этого въ одной изъ библейскихъ исторій, въ которой представлена участь сыновъ Іехоніи, не порадовавшихся вмѣстѣ съ гражданами Веѳсамиса о пришествіи кивота Господня въ предѣлы ихъ. Священный кивотъ премудрости и слова Божія—Библія вошла въ предѣлы русскаго слова, говорилъ о. Макарій и затѣмъ намекалъ на возможность наказанія Божескаго (впослѣдствіи въ письмѣ къ Св. Синоду онъ уже прямо указываетъ на наказанія, ниспосланныя какъ кара за сокрытіе слова Божія отъ русскаго народа). Повторяя потомъ, хотя и въ другихъ выраженіяхъ и не той послѣдовательности, но тѣже мысли, которыя были имъ изложены въ первыхъ письмахъ, онъ присовокупляетъ, что великобританская церковь воспользовалась изобрѣтеннымъ для слѣпыхъ способомъ чтенія и напечатала Библію для слѣпыхъ, чтобы они могли читать и разумѣть слово Божіе,—и что Петръ Великій призвалъ было и языкъ голландскій на помощь славянскому (Библія по велѣнію Петра I должна была явиться на языкахъ голландскихъ и славянскомъ вмѣстѣ, но при жизни его успѣли напечатать только голландскій текстъ, а славянскій текстъ и по смерти Петра не былъ напечатанъ), чтобы русскіе, знакомясь въ сношеніяхъ съ голландцами съ ихъ языкомъ, пользовались успѣхами не только въ гражданской образованности,

но и лучшимъ разумѣніемъ слова Божія ради успѣховъ духовнаго просвѣщенія. Выражая желаніе и увѣренность въ дарованіи отъ Государя русскому народу „Библіи полиглотты" въ великолѣпномъ изданіи, украшенномъ самыми лучшими произведеніями живописи, какъ было выражено въ письмѣ къ оберъ-прокурору Св. Синода, о. Макарій, обращаясь къ Государю, пишетъ въ заключеніи своего прошенія: „съ чувствомъ глубочайшаго благовѣнія передаю священнѣйшей волѣ вашего Императорскаго Величества, вмѣстѣ съ книгою пророка Исаіи, мысли мои о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ россійской державѣ, которыя нынѣ же представляю, посредствомъ епархіальнаго начальства, Святѣйшему Синоду, исполняя требованія службы моей и поминая слова приснопамятнаго героя Суворова: „*мы кратки, мы вѣчны*".—Богъ да возглаголетъ въ царскомъ сердцѣ Вашемъ о святомъ словѣ своемъ во благо церкви своей".—20 января 1839.

Выше указывая на труды и занятія о. Макарія въ алтайской миссіи, мы привели вкратцѣ содержаніе упоминаемаго имъ въ концѣ вторичнаго прошенія на высочайшее имя проекта миссіонерскаго общества подъ именемъ „мыслей о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками", и теперь замѣтимъ, что о. Макарій не безъ намѣренія упомянулъ о препровожденномъ имъ Св. Синоду проектѣ этомъ, имѣя въ виду обратить на него вниманіе Государя и предполагая, что Государь, заботясь о благѣ своихъ иновѣрныхъ подданныхъ, вспомнитъ о немъ и спроситъ оберъ-прокурора Св. Синода при докладѣ по предмету всеподданнѣйшаго прошенія о. Макарія. Препровождая тогда помянутый проэктъ, онъ также не безъ намѣренія лично похлопотать объ осуществленіи его, обратился въ тоже время чрезъ пр. Агапита къ Св. Синоду съ просьбой объ увольненіи въ отпускъ изъ миссіи и дозволеніи отправиться въ Петербургъ для совѣта съ тамошними врачами въ предупрежденіе слѣпоты. О. Макарій, проведя въ суровомъ климатѣ Сибири слишкомъ 8 лѣтъ, странствуя то въ телѣгѣ, то въ саняхъ, то верхомъ, разстроилъ свое и безъ того некрѣпкое здоровье и особенно зрѣніе благодаря вечернимъ и нерѣдко ночнымъ занятіямъ съ перомъ въ рукахъ. Онъ ощущалъ уже давно потребность отдохнуть и заняться

своимъ здоровьемъ, но все откладывалъ и рѣшился только теперь, когда считалъ свое личное присутствіе въ Петербургѣ необходимымъ для сущности того полезнаго дѣла, которое его такъ занимало. Нѣкоторыя письма къ нему митрополита Филарета за предшествовавшее время даютъ поводъ думать такъ по крайней мѣрѣ. Такъ въ окончаніи письма, отъ 23 августа 1837, кокоторое мы привели, митрополитъ Филаретъ пишетъ: „позабылъ было нужное; вы хотѣли ѣхать въ Москву, между прочимъ за очками. Чтобы вамъ не принимать сего труда, посылаю вамъ двое: тѣ, которые въ позолоченой оправѣ, употреблялъ я нѣсколько лѣтъ; а тѣ, которые въ стальной, равны употребляемымъ мною нынѣ. Если вы не употребляли никакихъ: то начните съ первыхъ; а когда первые будутъ неудовлетворительны, возмите вторые, а первые отдайте кому понадобятся, чтобы не поѣхалъ за очками въ Москву".—Затѣмъ въ другомъ письмѣ, 28 апрѣля 1838: „если я согрѣшилъ предъ вами прошлогоднимъ письмомъ о переводѣ Библіи, то, по закону евангельскому, слѣдовало меня прежде обличить и побудить къ исправленію, нежели отлучить отъ общенія. А вы, кажется, прямо перешли къ послѣднему. Позвольте вамъ сказать, что это черезъ рядъ. Вы пишете къ князю Александру Николаевичу, чтобы онъ нашелъ вамъ квартиру и пищу за обученіе дѣтей. Думаю, что ему не очень удобно исполнить сіе порученіе. А вамъ для чего не пріѣхать на Троицкое въ Петербургѣ подворье? Если пріѣдете безъ меня, тѣмъ просторнѣе будетъ, а братія подворья попросятъ васъ къ своей трапезѣ. Приглашаю васъ и въ Москвѣ на Троицкое подворье, по старому. Впрочемъ изъ сего не заключайте, что путешествіе ваше уже разрѣшено. Сего не видно, такъ какъ нѣтъ ни формальнаго прошенія отъ васъ, ни представленія о семъ преосвященнаго. Если и братъ вашъ поѣдетъ съ вами: кто же останется на мѣстѣ священствовать? Если Ландышевъ: то чѣмъ надобно его сдѣлать, іеромонахомъ или священникомъ, и сдѣлается ли это такъ скоро, чтобы отсутствіе ваше не оставило совершенной пустоты? Не домогаюсь вашего отвѣта на сіи вопросы, если вамъ не угодно со мною бесѣдовать: но предлагаю для вашего соображенія. Призываю вамъ благословеніе Божіе и благопоспѣшество: о себѣ прошу молитвы вашей" Филаретъ митрополитъ московскій. Апр. 28—1838.—Въ письмѣ

этомъ ясно высказывается искренность постояннаго расположенія къ о. Макарію митрополита Филарета, который въ этомъ письмѣ попрекаетъ даже о. Макарія за то, что онъ обратился помимо его къ кн. А. Н. Голицыну. Митрополитъ Филаретъ конечно понималъ, что если о. Макарій обратился къ князю помимо его, то конечно изъ деликатности. О. Макарію не впервые приходилось добывать себѣ средства на житье въ Петербургѣ уроками.

Разрѣшеніе прибыть о. Макарію въ Петербургъ въ сопровожденіи брата его, священника А. Я. Глухарева, для поправленія здоровья, какъ сказано въ указѣ Св. Синода, послѣдовало лишь 13 іюля 1838 года. Получивъ не только разрѣшеніе, но еще на путевыя издержки 1.000 р., о чемъ о. Макарій и не просилъ, и приписывая это содѣйствію своего покровителя митрополита Филарета, о. Макарій отправилъ къ митрополиту Филарету благодарственное письмо, которое почему-то дошло по адресу черезъ годъ,—о чемъ свидѣтельствуетъ помѣтка на письмѣ руки самого митрополита: „дошло до меня апр. 4. 1840. Приводимъ вполнѣ самое письмо“: *высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!*

Простите меня, ради Бога, за долговременное молчаніе и не почтите его, умоляю васъ, за признакъ охладѣвшаго чувства благодарности и притупившейся памяти о толикихъ благодѣяніяхъ, въ которыхъ вижу милосердое призрѣніе Отца небеснаго, вложившаго въ душу вашу попеченіе обо мнѣ. Приношу вамъ, милостивѣйшій архипастырь, и предъ вами всему святѣйшему Синоду глубочайшее благодареніе о милостивѣйшемъ соизволеніи и вспоможеніи мнѣ на путешествіе въ Санктпетербургъ. Къ предпріятію сего труда побудили меня во-первыхъ: требованія миссіонерской службы, нынѣ предварительно объясненныя мною въ рукописи, подъ названіемъ: мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ русской державѣ (эта рукопись послана мною епархіальному Агапиту съ прошеніемъ о представленіи ея Святѣйшему Синоду); во-вторыхъ: требованія немощной плоти, заставившія, пока могу еще пріѣхать въ сѣверную столицу, употребить всякіе способы, какіе тамъ и мимоходомъ можно найти, къ поправленію органа зрѣнія, къ предотвращенію слѣпоты,

представляющейся воображенію въ самомъ печальномъ видѣ (о другихъ недугахъ умалчиваю), и наконецъ искушенія и страданія душевныя, на которыя надѣюсь обрѣсти врачеваніе въ собесѣдованіи и совѣщаніи съ вами. Не оставляю миссіонерскаго служенія, не бросаю, не презираю новокрещенныхъ; но желаю, пока буду въ Россіи, гдѣ бы я ни служилъ, гдѣ бы ни находился, быть сотрудникомъ здѣшнихъ братій моихъ о Господѣ и, сколько Господь поможетъ, дѣйствующимъ членомъ и алтайской миссіи. На мѣстѣ моемъ поставленъ преосвященнѣйшимъ уже и прежде служившій здѣсь іеромонахъ Анастасій, человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ жизни, непорочнаго поведенія, добрыхъ нравовъ, любимый и вообще простымъ народомъ и въ особенности инородцами, и хотя школъ нашихъ, кромѣ первоначальныхъ, не проходившій, однако знающій то единое на потребу, что надлежитъ ему проповѣдывать, трезвый, богобоязненный, къ молитвѣ усердный, трудолюбивый. Помощникъ его Стефанъ Ландышевъ, воспитанникъ Нижегородской семинаріи, юноша съ такими способностями, съ такимъ усердіемъ къ миссіонерской службѣ, что мнѣ въ немъ представляется явное благословеніе Божіе для здѣшней миссіи. Вдовый, весьма молодой священникъ Василій Весскій, хотя требуетъ присмотра и строгости, однако, по характеру своему тихому, смирному и покорному, кажется будетъ полезнымъ сотрудникомъ для о. Анастасія. Воспитанникъ уѣзднаго училища Томскаго, Михаилъ Нигрицкій, отрокъ простодушнѣйшій и благонравный, изъявляетъ расположеніе возвратиться когда-нибудь къ родителямъ, не имѣющимъ другаго сына; но можетъ быть мысли его объ этомъ перемѣнятся, а теперь онъ служитъ весьма усердно. Между тѣмъ живъ еще и трудится при миссіи достойный почтенія старецъ Петръ, изъ числа ссыльныхъ, нелицемѣрный рабъ Христовъ, ревностный молитвенникъ и подвижникъ примѣрный. Вмѣстѣ съ нимъ живетъ и служитъ въ улалинскомъ станѣ миссіи одинъ увѣчный молодой человѣкъ изъ земледѣльцевъ, по имени Филиппъ; онъ при миссіи выучился читать и писать и думаетъ навсегда посвятить себя миссіонерскому служенію въ одиночествѣ: миссія имѣетъ и въ немъ благопотребнаго сотрудника. Представляю вамъ, милостивѣйшій архипастырь, сихъ братій моихъ о Господѣ, составляющихъ здѣшнюю миссію, вмѣстѣ съ двумя молодыми толмачами изъ числа

новокрещенныхъ и сіе малое стадо новокрещенныхъ, и мысленно повергаясь къ стопамъ вашимъ, умоляю васъ призвать на всѣхъ ихъ святительскою молитвою благословеніе Отца Небеснаго, и Господа Іисуса Христа, и Духа Святаго, да будетъ со всѣми нами во всѣ дни, по своему обѣщанію, да не разлучитъ съ Нимъ никакой грѣхъ ни ихъ, ни меня, и да буду съ ними соединенъ въ Немъ, гдѣ бы я ни былъ. Вѣрую, имѣю много причинъ и побужденій вѣрить, что молитвы ваши благопріятны Господу; знаю, что вы молитвами вашими еще болѣе благотворили мнѣ и всей миссіи здѣшней, нежели внѣшними образами; знаю, что есть ли были здѣсь какіе-нибудь и мои труды, то они весьма слабы, смѣшанны, пестротны, нечисты и ничтожны предъ вашими съ нами трудами и подвигами духовными; знаю, что есть ли я не погибъ совсѣмъ на этомъ, по большей части, скользкомъ пути, то вы, милостивѣйшій о Господѣ Пастырь, и отецъ мой, покрывали, ограждали, хранили меня, и помогали мнѣ благодатію Божіею. А говорю объ этомъ не потому, чтобы хотѣлъ польстить и ласкательствомъ искалъ въ васъ чего-нибудь суетнаго, но по искреннему чувству души и сознанію, и потому, что душа находитъ пищу пріятную, и какъ я думаю, пользу и долгъ свой и угодное Богу, въ исполненіи сего благодаренія, въ которомъ я представляю васъ въ союзѣ съ Богомъ вашимъ, и Божіе ко мнѣ милосердіе вижу въ васъ. И такъ пріимите о Господѣ, милостивѣйшій архипастырь и Отецъ, искреннее благодареніе о всѣхъ явныхъ и сокровенныхъ благотвореніяхъ вашихъ, излілнныхъ на меня въ продолженіе служенія моего въ алтайской миссіи, и усерднѣйшее желаніе моей души, да воздастъ вамъ Господь Богъ за труды и попеченія ваши о здѣшней миссіи и о моемъ недостоинствѣ въ небесномъ царствіи.

На сихъ дняхъ надѣюсь, естьли Господь поможетъ, отправиться въ С.-Петербургъ; братъ мой со мною; онъ не будетъ безъ дѣла на петербургскомъ подворьѣ Троицкомъ: можетъ помогать братіи въ отправленіи церковнаго богослуженія. Впрочемъ, естьли бы Святѣйшій Синодъ, а въ немъ и вы не соизволили на то, чтобы сопутствовалъ мнѣ братъ мой; онъ остался бы здѣсь.

Паки мысленно повергаясь къ стопамъ вашимъ, прощенія и разрѣшенія отъ всѣхъ грѣховъ моихъ именемъ Господа и Бога

нашего Іисуса Христа, и Его же именемъ благословенія святительскаго испрашиваю. *Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, преданнѣйшій послушникъ, миссіонеръ архимандритъ Макарій.* 1839. Января 25 дня. Г. Бійскъ [27]).

О. Макарій отправлялся въ путь съ покойнымъ духомъ, такъ какъ на время отсутствія его былъ присланъ преосвященнымъ Агапитомъ завѣдывать миссіей іеромонахъ о. Анастасій, хорошо знакомый съ дѣлами миссіи и извѣстный о. Макарію по своимъ качествамъ съ очень хорошей стороны. Переписка о. Макарія съ о. Анастасіемъ (ч. 1, стр. 8—17) свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости о ней и во время отсутствія. Онъ такъ былъ привязанъ къ миссіи, что писалъ изъ Петербурга о. Анастасію (стр. 14): „обрѣтаю въ душѣ моей желаніе возвратиться къ вамъ, возлюбленные братія мои о Господѣ; мнѣ нигдѣ такъ невесело положить кости свои какъ на Маймѣ, или на Улалѣ или на Мыютѣ, или на Куячѣ, или гдѣ-либо въ алтайскихъ горахъ и въ вертепахъ безмолвной черни. Посылаю вамъ немалое пособіе; двѣ трети онаго исключительно для бѣдныхъ между новокрещеными, а остальную на ваши экономическіе расходы и на уплату долговъ; изъ Москвы я надѣюсь, если Господь благословитъ, еще прислать къ вамъ“.

Здѣсь мы должны посвятить нѣсколько словъ брату о. Макарія, о которомъ упоминаетъ и митрополитъ Филаретъ въ своихъ письмахъ къ о. Макарію и который пріобрѣлъ извѣстность странной судьбой своей. А. Я. Глухаревъ сначала былъ священникомъ Николаевской церкви г. Вязьмы, но потомъ, овдовѣвъ, передалъ на попеченіе игуменьи женскаго монастыря своихъ двухъ малолѣтныхъ дочерей и перешелъ въ 1837 г. съ согласія Св. Синода въ алтайскую миссію къ о. Макарію; причемъ, на основаніи высочайше утвержденнаго въ 10 день августа 1835 года положенія, получилъ на обзаведеніе 500 р. и прогонныхъ 514 р. 70 к.—Въ письмѣ къ Г. Т. М. [28]) о. Макарій говоритъ о немъ: „...Родной братъ мой, вд. св. А—й, который осенью прошедшаго года прибылъ ко мнѣ служить при миссіи, совершенно нечаяннымъ образомъ оставилъ богатѣйшій въ В—ѣ

---

[27]) Подлинное находится въ моск. епарх. библіотекѣ.

[28]) Письма о. Макарія, ч. 1, стр. 212 и 213.

приходъ, распродавъ все свое имѣніе, поручивъ двухъ своихъ малолѣтныхъ дочерей покровительству Божію и попеченію родной сестры усопшаго въ Господѣ о. А—ты, игуменіи А—ты, которая приняла этихъ птенцовъ въ свой монастырь на воспитаніе. Судите о моемъ удивленіи и о другихъ чувствованіяхъ, волновавшихъ душу мою въ первые дни пребыванія его съ нами. Тутъ не одна радость была, съ нею соединялось нѣчто печальное, но опять и печальное это было вмѣстѣ нѣчто пріятное, то и другое до слезъ. Сказать ли еще какъ онъ достигъ здѣшнихъ предѣловъ? Отъ Казани до Тюмени пѣшкомъ шелъ и до Томска издержалъ три цѣлковика, а въ Томскѣ занялъ десять рублей, чтобы ко мнѣ пріѣхать. Обветшавшая ряса родительская, поношенный нанковый подрясникъ, сумка кожаная, которую онъ несъ за плечами и въ которой принесъ евангеліе напрестольное небольшое: это его имѣніе. Но покройте его святою молитвою вашею, чтобы не была для него вредною откровенность моя передъ вами, и чтобы тотъ, который началъ въ его душѣ великое дѣло спасенія, совершалъ оное до явленія Іисуса Христа. При многомъ знаніи и хорошемъ образованіи онъ трезвъ, кротокъ, послушенъ, любитъ молитву и слово Божіе и усердно поучается исполненію заповѣдей Христовыхъ. Провидѣніе Божіе посѣтило меня милостію и утѣшеніемъ въ немъ“.

По разсказамъ лицъ, близко знавшихъ о. Алексѣя и въ миссіи и въ Лаврѣ, онъ былъ очень уменъ, талантливъ и получилъ отличное образованіе. Потеря искренно любимой жены должно быть сильно потрясла его. Когда онъ задумалъ все оставить и, какъ намъ уже извѣстно, устроилъ своихъ дочерей, распродалъ все, то фамилія покупателя его дома навела его на мысль, что мало еще того, что онъ долженъ все оставить, онъ долженъ кинуть и себя, т.-е. искать спасенія въ полнѣйшемъ самоотверженіи. Фамилія покупателя была Себякинъ. О. Алексѣй не долго пробылъ въ миссіи и въ 1838 г. отправился въ Россію вмѣстѣ съ о. Макаріемъ, съ которымъ не хотѣлъ разлучиться, чтобы оказывать брату при его болѣзненномъ состояніи помощь во время пути. Въ миссіи онъ не остался, пожелавъ поступить въ число братій Кіево-Печерской лавры, но попалъ туда не прямо. Прежде ради подвижничества и искуса о. Алексѣй задумалъ подвергнуть себя какому-нибудь тяжелому испытанію.

Для этого онъ избралъ острогъ или тюрьму, и чтобъ попасть туда, то добравшись до Харькова, самъ добровольно явился въ полицію, назвавшись бѣглымъ дворовымъ человѣкомъ; причемъ заявилъ, что онъ укажетъ на своего помѣщика только послѣ того, какъ высидитъ въ острогѣ шесть недѣль. Странное заявленіе это, также какъ нѣкоторыя характеристическія черты въ его обращеніи съ заключенными, которыхъ онъ училъ молитвамъ и грамотѣ, указывали на то, что онъ не похожъ на двороваго человѣка, а скорѣй на лицо духовнаго званія. Всѣ средства полиціи открыть истину были тщетны. Харьковскій гражданскій губернаторъ узналъ объ этомъ и при свиданіи съ преосвященнымъ Иннокентіемъ въ частномъ разговорѣ сообщилъ ему о странномъ арестантѣ. Преосвященный Иннокентій пожелалъ видѣть арестанта. Когда арестантъ былъ полицейскимъ чиновникомъ представленъ преосвященному, то арестантъ выказалъ сначала упорство, но потомъ Иннокентію удалось его убѣдить признаться. Оказалось что арестантъ, ни въ чемъ не виновный, но экзальтически настроенный—священникъ Алексѣй Глухаревъ, который высказалъ преосвященному, что подъ именемъ господина онъ разумѣлъ Господа Бога и подъ понятіемъ убѣга—удаленіе отъ Бога нарушеніемъ Его святыхъ заповѣдей. Преосвященный Иннокентій склонилъ о. Алексѣя покинуть избранный имъ ложный путь, взялъ его подъ свое покровительство; но все-таки счелъ долгомъ донести объ этомъ графу Протасову, какъ объ одномъ изъ не очень обыкновенныхъ случаевъ. Въ письмѣ этомъ [29]) преосвященный Иннокентій между прочимъ писалъ: „причина, побудившая его къ принятію на себя лица бѣглаго двороваго человѣка, состояла въ томъ, что онъ избралъ это какъ средство къ достиженію заключенія въ тюрьмѣ, а заключеніе—какъ наказаніе за свои грѣхи и опытъ приготовленія себя къ монашеской жизни. Внушивъ ему, что такія средства самонаказанія, яко соединенныя съ ложью, ни въ какомъ случаѣ не приличны христіанину, сыну дня и свѣта, и наводятъ напрасную заботу начальству, которое и безъ того довольно озабочено разборомъ неправдъ человѣческихъ, я убѣдилъ о. Глухарева скинуть личину бѣглаго человѣка“... О. Макарій, котораго

[29]) Странникъ 1860, мартъ.

раскаявшійся братъ о. Алексѣй увѣдомилъ о благосклонномъ вниманіи къ нему преосвященнаго Иннокентія, письмомъ изъ Бійска, въ теплыхъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ признательности выраженіяхъ благодарилъ преосвященнаго и вмѣстѣ просилъ его ходатайствовать за брата о. Алексѣя предъ Св. Синодомъ и содѣйствовать къ поступленію его въ иночество, въ число братства Кіевской лавры. Ходатайство о. Макарія было уважено и о. Алексѣй былъ опредѣленъ въ лавру; о чемъ митрополитъ Филаретъ сообщилъ о. Макарію въ письмѣ отъ 1 мая 1842 г. Въ лаврѣ о. Алексѣй былъ духовнымъ отцемъ въ пещерахъ. Къ нему обращались и многія свѣтскія лица. Онъ отличался строго-духовной жизнью и полнѣйшимъ безкорыстіемъ, не оставлялъ у себя ни единой копѣйки и передавалъ немедленно все, что ни получалъ, въ пользу церкви. По кончинѣ о. Макарія о. Алексѣй приходилъ на Алтай и, пробывъ нѣкоторое время въ миссіи, вернулся опять въ Кіевскую лавру, гдѣ и скончался іеросхимонахомъ.

Въ Петербургъ пріѣхалъ о. Макарій съ братомъ въ концѣ марта 1839 г. Помѣстились они на Фонтанкѣ, на Троицкомъ подворьѣ. Скоро по пріѣздѣ пришлось о. Макарію проститься съ радужными надеждами на осуществленіе мыслей своихъ. Прежде всего его огорчило, что проектъ его о миссіонерскомъ обществѣ при Св. Синодѣ: „мысли о способахъ къ распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ русской державѣ“ оставленъ безъ послѣдствій; а его переводъ книги Исаіи подвергся той же участи, какъ и переводъ книги Іова, т.-е. отданъ на разсмотрѣніе профессору еврейскаго языка Иванову, что то же было равносильно сдачѣ въ архивъ. Протопопъ Ивановъ, зная хорошо какъ враждебно относились къ переводу Библіи на русскій языкъ сильные міра, не счелъ даже нужнымъ поторопиться отчетомъ, который и представилъ Св. Синоду лишь въ 1843 г., когда коммиссія духовныхъ училищъ сама перестала существовать. „Переложеніе смысла подлинника“, донесъ Ивановъ, „сдѣлано большею частію правильно; но по отношенію къ языку требуется значительное исправленіе, такъ какъ встрѣчаются мѣста, изложенныя неясно, растянуто, негладко, слаботонно“. Для о. Макарія было конечно безразлично, что скажетъ, какъ отзовется Ивановъ о его переводѣ; ему было

горько, что къ самому переводу относились враждебно, что и у насъ, какъ въ Римѣ, не хотѣли дать народу Библію на родномъ понятномъ ему языкѣ. Мало всего этого. О. Макарій долженъ былъ явиться къ митрополиту Серафиму, которому было дано порученіе прочитать о. Макарію не то наставленіе, не то увѣщаніе, чтобъ вразумить и убѣдить его отказаться отъ всякой мысли о Библіи на русскомъ языкѣ. Извѣстно, что митрополитъ Серафимъ былъ когда-то самъ сторонникомъ перевода Библіи на русскій языкъ, но затѣмъ перешелъ на сторону его противниковъ, поддавшись вліянію и убѣжденіямъ такихъ личностей, каковы были Шишковъ, Магницкій, Кикинъ, архимандритъ Фотій, явные пособники Аракчеева. Этому нарождающемуся временщику конечно было все равно: по-русски или по-славянски будетъ читаться Библія. Ему нужно было только выбить изъ сѣдла своего соперника, другаго временщика, кн. А. Н. Голицына. Аракчеевъ ухватился за Шишкова и всю почтенную компанію обскурантовъ какъ за людей, которые могли ему отлично сослужить службу въ этомъ дѣлѣ и ловко подбилъ ихъ дѣйствовать въ его руку. Одряхлѣвшій митрополитъ совсѣмъ подчинился ихъ вліянію и изъ приверженцевъ сталъ ярымъ противникомъ Библіи на русскомъ языкѣ. Библейское общество было закрыто, кн. Голицынъ попалъ въ немилость. Митрополитъ Серафимъ сталъ явно и всячески противодѣйствовать возможности появленія Св. Писанія на русскомъ языкѣ. Архимандриту Макарію пришлось выслушать отъ митрополита Серафима разнаго рода увѣщанія и убѣжденія сначала въ мягкой формѣ, а потомъ и въ формѣ угрозы, чтобы заставить о. Макарія отказаться отъ труда по переводу Библіи на русскій языкъ. Митрополиту Серафиму тоже, въ свою очередь, пришлось выслушать всѣ доказательства, которыя о. Макарій счелъ нужнымъ привести in extenso для убѣжденія митрополита Серафима въ необходимости изданія Библіи на русскомъ языкѣ. Въ концѣ концовъ митрополитъ Серафимъ долженъ былъ убѣдиться не въ необходимости конечно русской Библіи, а въ томъ, что о. Макарія, такъ глубоко и такъ сознательно убѣжденнаго въ правотѣ и святости дѣла, которому онъ служилъ, разубѣдить и склонить на свою сторону нѣтъ никакой возможности. Ни увѣщанія, ни угрозы не дѣйствовали. О. Макарій стоялъ на своемъ: что пра-

вительство должно придти на помощь къ народу, озаботиться его просвѣщеніемъ, а не оставлять его коснѣть въ невѣжествѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что митрополитъ Серафимъ отпустилъ о. Макарія съ нескрываемымъ на него гнѣвомъ. Все это, конечно, очень огорчило о. Макарія, но энергіи въ немъ не убыло, какъ увидимъ. Къ этимъ нравственнымъ непріятностямъ присоединились и физическія. Передъ отъѣздомъ въ Москву, его опять помучила лихорадка. „Въ то время лѣчилъ меня К. Арешниковъ, получившій отъ правительства привилегію на леченіе глазныхъ болѣзней, и многими весьма удачными опытами оправдавшій свое искусство. Леченіе было благополучное и безмездное; но когда я думалъ уже отправиться въ Москву, лихорадка положила меня въ постель, долго томила и была очень сильна" (ч. стр. 215). Но въ Петербургѣ имѣлъ онъ все-таки нѣкоторое утѣшеніе хотя въ томъ, что видѣлъ свои письма къ государю въ рукахъ митрополита Филарета, который притомъ ободрялъ его, отнесясь очень одобрительно къ этимъ письмамъ и затѣмъ обѣщалъ выхлопотать изъ Св. Синода книгу для доброхотныхъ пожертвованій въ пособіе инородцамъ, принявшимъ св. крещеніе, и на другіе разные предметы для миссіи необходимые, и кромѣ того обѣщалъ пріобрѣтать благотворителей для миссіи среди лицъ высшаго общества. Болѣзнь задержала о. Макарія въ Петербургѣ, откуда онъ выбрался лишь въ августѣ, когда митрополитъ Филаретъ, проводившій лѣто въ Москвѣ, приглашалъ его къ себѣ слѣдующимъ письмомъ: „другое письмо получаю отъ васъ и все съ вѣстями о вашей болѣзни. Искренно состражду вамъ, брате. Что же вы просите моего прощенія въ томъ, что отдаю справедливость вашему смиренномыслію. Прощать васъ душа моя не требуетъ, будучи по благости Божіей всегда въ мирѣ съ вашею, не смотря на то, что я не согласенъ былъ съ нѣкоторыми вашими мнѣніями и предположеніями. Если есть какая погрѣшность ваша предъ очами Божіими, молюсь вмѣстѣ съ вами, да проститея и разрѣшится и изгладится благодатію Христовою. Желаю, чтобы врачебная помощь Александра Петровича была вамъ такъ полезна, какъ всегда полезна была мнѣ, и чтобъ возстановленіе вашего здоровья ускорилось. Пріѣхать въ Москвѣ можете или ко мнѣ на подворье, гдѣ и братъ вашъ, или въ Чудовъ монастырь въ мои келліи, гдѣ вамъ будетъ про-

сторнѣе. Мнѣ кажется лучше, чтобы вы пріѣхали на подворье: и тутъ сами разсудите, гдѣ удобнѣе. Миръ душѣ вашей". Филаретъ, митрополитъ московскій. Августа 14—1839.

О. Макарій пріѣхалъ въ Москву 25-го августа и остановился вмѣстѣ съ братомъ своимъ на Троицкомъ архіерейскомъ подварьѣ, гдѣ и пользовался гостепріимствомъ митрополита Филарета до самаго отъѣзда въ Миссію. Книгу для сбора приношеній онъ получилъ 6-го октября; при чемъ митрополитъ далъ ему слѣдующее наставленіе: „чтобы употреблялъ оную съ скромностію, предлагая только людямъ добровольно и отъ усердія располагающимся къ благотворенію, обращая при томъ ихъ вниманіе на существенную цѣль Миссіи—просвѣщеніе инородцевъ христіанскою вѣрою и утвержденіе въ оной; чтобы оставался въ Москвѣ не долѣе, какъ сколько нужно будетъ для пріобрѣтенія предполагаемыхъ пособій и для приготовленія къ удобному путешествію въ мѣсто своего назначенія; и чтобы во время отбытія моего изъ Москвы руководствовался наставленіями преосвященнаго викарія". Митрополитъ очень хорошо сознавалъ, что наставленіе это было совершенно излишне для о. Макарія, но его офиціальное значеніе было не только не излишне, а еще необходимо для о. Макарія, котораго митрополитъ имѣлъ въ виду этимъ выгородить. Дѣло въ томъ, что митрополитъ ходатайствовалъ, чтобы св. Синодъ далъ о. Макарію: 1) книгу для сбора приношеній; 2) дозволеніе пробыть въ Москвѣ до зимняго пути и 3) пособіе на обратный путь въ Миссію; но св. Синодъ далъ только книгу и дозволеніе пробыть въ Москвѣ никакъ не долѣе наступленія зимняго пути, а въ пособіи отказалъ. На о. Макарія за переводъ Библіи очевидно въ Петербургѣ разгнѣвались. Его надо было выгораживать и митрополитъ Филаретъ, давая ему офиціальное наставленіе; „чтобы оставался въ Москвѣ не долѣе, какъ сколько нужно будетъ для пріобрѣтенія предполагаемыхъ пособій и для приготовленія къ удобному путешествію..." выгораживалъ его и давалъ возможность пробыть въ Москвѣ и долѣе назначеннаго св. Синодомъ срока. О. Макарій и пробылъ въ Москвѣ до 8 марта 1840 года. Не задолго передъ выѣздомъ изъ Москвы, онъ былъ огорченъ распрею съ нимъ брата его, который сначала не соглашался было ѣхать съ нимъ въ Миссію, но потомъ согласился. Выѣхалъ о. Макарій изъ Москвы съ мис-

сіонерскою братіею изъ трехъ человѣкъ, въ 4 часа пополуночи, „въ добромъ здоровьѣ, въ мирѣ и спокойствіи духа и съ глубочайшею благодарностію къ его высокопреосвященству за милости и пріютъ", какъ гласилъ рапортъ эконома Троицкаго подворья іеромонаха Өеоктиста. Наканунѣ выѣзда о. Макарій отправилъ письмо къ митрополиту Филарету, находившемуся въ то время уже въ Петербургѣ: „высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій отецъ о Господѣ и архипастырь! Чрезъ нѣсколько часовъ, если Господь благословитъ, отправляемся изъ Москвы. Совсѣмъ нѣтъ времени описывать и настоящаго дня происшествія, не только прежніе. Душа моя обрѣтаетъ утѣшеніе въ благодарныхъ чувствованіяхъ, которыхъ исполнена. Желаю писать подробнѣе изъ Казани; нынѣ же, мысленно повергаясь къ стопамъ вашимъ, и лобзая священную десницу вашу, предаю себя и сущихъ со мною могущественнымъ о Господѣ молитвамъ вашимъ, и святительское благословеніе испрашиваю". Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца всепокорнѣйшій и преданнѣйшій послушникъ—миссіонеръ, архимандритъ Макарій. 1840 г. марта 7. Москва.

Съ о. Макаріемъ поѣхали: его братъ о. Алексѣй; студентъ ветеринарнаго отдѣленія медико-хирургической академіи Артемій Ловицкій, изъявившій желанія поступить въ Миссію и вѣрный слуга и постоянный спутникъ о. Макарія, А. А. Орловъ. Затѣмъ, почти въ одно время съ ними отправилась съ цѣлію служить при Миссіи дѣвица Софія Густавовна де-Вальмонъ. Она была дочь убитаго въ Бородинскомъ сраженіи офицера Густава Филипповича де-Вальмонъ, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ пансіонеркой императрицы Маріи Өеодоровны; при выпускѣ была удостоена золотой медали. Достигнувъ извѣстнаго возраста, оставя мысль о замужствѣ и желая посвятить себя исключительно дѣламъ благотворенія, она поѣхала служить при Миссіи женщинамъ и дѣтямъ изъ новообращенныхъ, помогая однѣмъ, просвѣщая другихъ.

Приведемъ относящіяся къ этому времени два письма митрополита Филарета къ о. Макарію: „отцу архимандриту Макарію, брату и сослужителю миръ. Богъ благословитъ вамъ новое лѣто, наипаче для преуспѣянія по новому человѣку. Благодарю за письмо, которому теперь уже два мѣсяца. По извѣстному вамъ

предписанію св. Синода вы могли ожидать, что меня спросятъ о васъ, и въ томъ случаѣ, когда вы тихо сидите въ *келіи*, а тѣмъ паче, когда вы переселяетесь въ вѣдомости и, яко градъ верху горы,—на высотѣ печатнаго листа,—не можете укрыться отъ взоровъ и за семьсотъ верстъ. Итакъ, не почтите меня докучливымъ, если спрошу: какъ пребываете? Какіе успѣхи въ сборѣ приношеній для Миссіи? Какія ваши дальнѣйшія намѣренія? Цѣлованіе вамъ и отцу Алексѣю рукою моего смиренія, паче же сердцемъ и духомъ". Филаретъ митрополитъ московскій. СПБ. января 6. 1840. Въ этомъ письмѣ есть указаніе на то, что о. Макарій, получившій уже книгу для сбора приношеній для Миссіи, ходатайствовалъ и о разрѣшеніи напечатать въ вѣдомостяхъ воззваніе къ пожертвованіямъ для Миссіи же.

Во второмъ письмѣ, кромѣ намека на это воззваніе, высказывается еще и мысль митрополита Филарета, бдительно охранявшаго о. Макарія, относительно дѣвицы Софіи де-Вальмонъ, изъявившей желаніе ѣхать съ о. Макаріемъ въ Сибирь, чтобъ посвятить себя служенію Миссіи при обращеніи иновѣрныхъ женщинъ, воспитаніи дѣтей новообращенныхъ и для помощи больнымъ женщинамъ: „преподобнѣйшій отецъ архимандритъ! Послѣ довольнаго молчанія вашего, стая писемъ вашихъ вдругъ налетѣла на меня больнаго. Надобны были сила и время, чтобы только прочитать, особенно воззваніе, довольно протяжное. Надобно было и задуматься надъ нѣкоторыми предметами вашихъ писемъ. Не прогнѣвайтесь посему, что не тотчасъ отвѣчаю. Вы требуете отъ меня благословенія на богоугодное намѣреніе благородной дѣвицы Вальмонъ. Съ утѣшеніемъ духа призываю благословеніе Божіе душѣ ея, желающей принести себя въ жертву Богу въ служеніи вѣрѣ и человѣколюбію, откроется ли, не откроется ли путь предполагаемому дѣлу. Что касается до вашихъ распоряженій по Миссіи: благословеніе на оныя вы можете имѣть отъ св. Синода и отъ мѣстнаго архипастыря, а отъ меня только совѣтъ. Совѣтъ же вамъ отъ меня въ настоящемъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы вы посмотрѣли на предпріемлемое окомъ осторожности. Вѣкъ сей лукавъ; чистому добру не охотно вѣритъ; случаи къ нареканію и клеветѣ ловитъ жадно; жаломъ насмѣшки, даже неосновательной, язвитъ иногда, не безъ вреда успѣхамъ добрыхъ предпріятій. Еслибы особа съ такими способ-

ностями и расположеніями, какъ дѣвица Вальмонъ, нашлась живущею въ мѣстахъ дѣйствія миссіи, и стала принимать къ себѣ иновѣрныхъ женскаго пола для наставленія въ вѣрѣ или посѣщать ихъ для сего, и принимала бы бѣдныхъ дѣтей женскаго пола для образованія, это былъ бы добрый вспомогательный отрядъ для духовнаго воинствованія Миссіи, для распространенія побѣдъ Христовыхъ надъ царствомъ тьмы. Иное дѣло, если заведеніе сего рода присоединится къ самой Миссіи, помѣстится въ ея жилищахъ, будетъ во всемъ отъ нея зависѣть. Польза быть можетъ: но могутъ встрѣтиться и большія неудобства; и вамъ трудно будетъ отбросить бремя, которое приняли на рамена свои, съ обнаженіемъ принятыхъ, и болѣзненно, если велятъ отбросить оное. По моему мнѣнію, дѣвица Вальмонъ не должна вамъ сопутствовать, и вы, на случай ея путешествія, не должны ей ничего обѣщать, не снесясь съ епархіальнымъ начальствомъ. Вы говорите о діакониссахъ. Но отъ чего сей чинъ прекратился въ церкви? Отъ того ли, что отцы наши меньше насъ знали, что для церкви полезно и что по времени удобно или неудобно? Я не почитаю возстановленіе сего чина ни безполезнымъ, ни невозможнымъ, но вы видѣли, что наши мысли о діакониссахъ дошли до начальства и встрѣтили только молчаніе. Мнѣ не удалось еще говорить о напечатаніи вашего протяженнаго воззрѣнія. Сомнѣваюсь, чтобы согласились, когда прежде, обѣщая вамъ книгу для сбора приношеній, несоглашались, чтобы о семъ объявлено было въ вѣдомостяхъ. Давъ вамъ потребный отвѣтъ, остаюсь съ желаніемъ вамъ благодати и мира Господня, и всякаго благопоспѣшества служенію вашему, во спасеніе душъ, въ умноженіе вамъ радости спасенія и вѣчнаго воздаянія. Вашего высокопреподобія усердный слуга Филаретъ, митрополитъ московскій. Спб. фев. 7 1840 г.". Изъ письма этого ясно, что превосходный проектъ о. Макарія по учрежденію Миссіонерскаго Общества при св. Синодѣ для успѣшнѣйшаго распространенія христіанства между евреями, магометанами и язычниками, проектъ, въ которомъ предполагались между прочимъ и діакониссы, не удостоился вниманія, что совмѣстное путешествіе о. Макарія и дѣвицы де-Вальмонъ митрополиту Филарету, дорожившему репутаціей о. Макарія, было не по сердцу, и что Филарета интересовала сумма сбора въ Москвѣ на Миссію.

С. Г. де-Вальмонъ поѣхала на службу въ миссію, конечно, совершенно отдѣльно; что же касается до суммы сбора, то она была очень удовлетворительна. Въ средѣ московскаго общества, и особенно высшаго, о. Макарій пользовался обширнымъ знакомствомъ, благодаря конечно митрополиту Филарету и отношеніямъ своимъ къ князю А. Н. Голицыну, а больше всего благодаря своимъ нравственнымъ качествамъ. Сборъ былъ очень утѣшительный для пособія нуждамъ миссіи, крайне бѣдной по средствамъ.

Теперь послѣдуемъ за о. Макаріемъ въ его обратный путь въ Сибирь, руководствуясь къ сожалѣнію за неимѣніемъ другихъ матеріаловъ только его письмами „Въ Богородскѣ",—пишетъ къ П. П. Г. о. Макарій,—„съѣхались мы съ двумя семействами сибиряковъ, которыя возвращались изъ Петербурга: одно въ Тобольскъ, а другое въ Барнаулъ (городъ ближайшій къ Бійску), и казались мнѣ представителями Сибири, привѣтствовавшей и хотѣвшей принять меня изъ рукъ Москвы и сокрыть скорѣе въ нѣдрѣ своемъ. Но Москва передала Казани, какъ я объясню вамъ это послѣ; и мы со всѣхъ сторонъ видѣли надобность остановиться и остаться въ Казани, если не до новой зимы, то по крайней мѣрѣ до лѣта, потому что и тѣлесныя немощи, впрочемъ больше мои, нежели братій моихъ, предъявили требованія отдохновенія, и правило осторожности воспрещало пускаться въ даль по распутью весеннему; сырость и холодъ, раскаты и рытвины, тряска и другія неловкости, часто смѣшныя и всегда горькія, однообразіе печальныхъ видовъ мертвой природы подъ бѣлымъ саваномъ,—все это было доказательствомъ, что путешествіе въ лѣтнее время было несравненно пріятнѣе и для слабыхъ тѣлосложеній здоровѣе; наконецъ опыты самой службы увѣряли, что намъ полезно пожить въ Казани для изученія формъ и правилъ кореннаго татарскаго языка, имѣющаго словарь и грамматику и для собранія нѣкоторыхъ другихъ познаній". Все это доказываетъ, прибавимъ мы, что о. Макарія не покидала давно имъ лелѣянная и извѣстная намъ уже мысль и желаніе поучиться въ университетѣ,—какъ это мы и увидимъ. „Марта 9 числа, мы проѣхали чрезъ Владиміръ, не выходя изъ повозокъ; такъ торопились"... Затѣмъ слѣдуетъ дневной текстъ и объясненія, которыя, какъ и всегда, такъ просты и назида-

тельны, что могутъ замѣнить проповѣди. Мы не выписываемъ ихъ, потому что это завело бы насъ далеко, да и знакомиться съ ними полезнѣе и пристойнѣе не въ отрывкахъ, а въ цѣлости. На одномъ изъ перегоновъ между г. Владиміромъ и с. Лысковымъ ямщикомъ былъ отрокъ, который порадовалъ о. Макарія тѣмъ, что вмѣсто народныхъ пѣсней пѣлъ церковныя гимны. Добиваясь распространенія грамотности въ народѣ, о. Макарій замѣчаетъ относительно ямщика: дьячекъ приходской церкви училъ его грамотѣ. Не правда ли, что грамата далась ему на славу Божію, на украшеніе и назиданіе церкви и на пользу душѣ его? Не правда ли, что тѣ сдѣлали доброе, богоугодное дѣло, которые надѣлили его умѣньемъ читать Псалтирь и Евангеліе, священную исторію и катихизисъ и пѣть: „Слава въ вышнихъ Богу!"—О, да устыдятся мнѣній своихъ тѣ боязливые, которые хотѣли бы удержать земледѣльцевъ нашихъ во мракѣ невѣжества!—„Но, не смотря на крикъ ихъ",—пророчески прибавляетъ о. Макарій,—„тьма уже проходитъ, и свѣтъ истинный уже сіяетъ" (1 Іоан. 2, 8).

Проѣзжая 11 марта село Лысково, о. Макарій не счелъ возможнымъ остановиться тамъ и посѣтить князя Георгія Александровича Грузинскаго, отца графини А. Е. Т., съ которой былъ знакомъ по Москвѣ, потому что боялся задержки въ пути отъ наступившей распутицы, представившей затрудненія къ скорѣйшему достиженію Казани, куда онъ торопился такъ, что проѣхалъ и Муромъ и Нижній-Новгородъ проселочными дорогами, вынося всю горечь такого пути. Прося Н. П. Г. извиниться за него передъ графиней А. Е., о. Макарій такъ говоритъ о Москвѣ: „А мысль объ одномъ комъ-либо изъ Москвы тотчасъ ведетъ за собой воспоминанія и о другихъ вашихъ согражданахъ, и всѣ эти воспоминанія наконецъ сливаются въ одну мысль обо всей Москвѣ, объ одной Москвѣ во вселенной, объ этомъ святилищѣ народа русскаго, гдѣ еще можно видѣть, какъ золотой свѣтильникъ восточной церкви горитъ предъ престоломъ Господнимъ, объ этомъ добромъ сердцѣ земной отчизны моей, къ которому Провидѣніе благоволило приблизить меня, дабы я могъ почувствовать, какъ оно бьется для всего благотворнаго и божественнаго"... „Марта 13 числа мы пріѣхали подъ вечеръ въ Чебоксары и напившись горячаго, опять пустились въ путь свой. Наши

сибирскіе земляки то отставали, то догоняли насъ, то опережали. Дорога по Волгѣ была прекрасная; только въ одномъ мѣстѣ кони принуждены были тянуть съ полверсты наши повозки по голой глинѣ. Такъ пріятнѣйшія состоянія утѣшеній, удобствъ, упокоеній не бываетъ безъ полосъ труднаго времени".

14 марта при самой благопріятной погодѣ о. Макарій прибылъ въ Свіяжскъ, куда въ то же время пріѣхалъ и попечитель казанскаго университета Пушкинъ. Воспользовавшись случаемъ, который привелъ Пушкина въ ту же комнату, гдѣ о. Макарій пилъ чай въ ожиданіи лошадей, о. Макарій выразилъ желаніе слушать съ своими сотрудниками въ казанскомъ университетѣ нѣкоторыя лекціи, и получилъ согласіе на то.—„И вотъ отправились мы изъ Свіяжска въ Казань, по слѣдамъ попечителя. Быстрые кони поглощали землю; разстояніе исчезало, и мы скоро увидѣли этотъ городъ, нѣкогда бывшій столицею враговъ Россіи; скоро въѣхали въ улицы и пристали къ одной гостинницѣ"... Въ тотъ же день пріѣхала въ Казань Софья Густавовна де-Вальмонъ и остановилась въ домѣ одного протоіерея. На другой день явился къ о. Макарію П. Л. К. и предложилъ свой домъ для пристанища о. Макарію со спутниками, что сначала удивило о. Макарія; но потомъ порадовало, когда онъ узналъ, что этимъ онъ обязанъ своему бывшему прилежному, даровитому и благонравному ученику по екатеринославской семинаріи Л. А. Я. (теперь профессоръ московской медико-хирургической академіи). Этотъ Л. А. Я., домашній врачъ москвича П. И. К., подалъ своему паціенту мысль придти такимъ образомъ на помощь о. Макарію чрезъ своего казанскаго пріятеля П. Л. Кр—ва. „Незаслуженное мною усердіе внушило ему (Л. А. Я.) добрую мысль уготовить намъ въ Казани пристанище, когда мнѣ и на мысль не приходило просить его, или косвеннымъ образомъ намекать ему объ этомъ. Онъ сообщилъ свою мысль моск. гражд. К., а сей, усвоивъ ее добродѣтельнымъ и благороднымъ сердцемъ, передалъ странноприимцу нашему казанск. гражд. Кр—ву. Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ да воздастъ всѣмъ имъ Своими благословеніями! Теперь вы можете видѣть, какъ Москва передала меня Казани: помогите же мнѣ принести Господу благодареніе о сихъ свидѣтельствахъ и знаменіяхъ Его отеческаго милованія и попеченія. И не все ли это новыя возбужденія, поощренія, указанія къ

усерднѣйшему и чистѣйшему служенію въ благодатномъ царствѣ Его, которая есть церковь Его? Домъ гражданина Кр. правилами благочестія, честности, благотворительности пріобрѣлъ общее уваженіе всѣхъ сословій; мѣра, какою сей домъ благотворитъ намъ, столько щедра, что полилось уже черезъ край нашихъ потребностей и желаній; наконецъ, дабы вы могли видѣть, съ какими удовольствіями и удобствами соединено пребываніе наше въ семъ домѣ, скажу вамъ, что и приходская церковь отсюда не далеко, и есть церковь въ университетѣ, а сіе заведеніе противъ самаго дома, и намъ весьма легко приходить на публичныя и классныя лекціи по разнымъ наукамъ; а по татарскому языку беремъ уроки дома. П. Л. такимъ же образомъ упокоиваетъ дѣвицу Софію подъ кровомъ своимъ. Разумѣется, что ее помѣстили въ покоѣ отдаленномъ отъ нашихъ, и хотя она съ нами не ходитъ на университетскія лекціи, однако въ келліи своей, подъ руководствомъ учительницы, пріобрѣтаетъ знанія, могущія, при Божіемъ благословеніи, сдѣлать полезнѣйшимъ и плодоноснѣйшимъ то служеніе женскому полу между новокрещенными при нашей миссіи, которому она посвящаетъ себя ради Христа".

Устроившись такъ неожиданно хорошо и покойно, о. Макарій могъ удовлетворить давнишнему желанію поучиться въ университетѣ, хотя во время своего перепутья. Вотъ что пишетъ онъ по возвращеніи на Уралу [30]): „Мнѣ хотѣлось написать вамъ

---

[30]) Въ изданіи его писемъ 1860 года, ч. I, стр. 5. Это письмо значится въ въ числѣ писемъ къ П. П. Г., а въ апрѣльской книжкѣ «Странника» за 1861 г. это письмо заключается въ перепискѣ о. Макарія съ Е. М. Засѣдко,—что вѣрнѣе, мы рѣшить не беремся; предполагать же, что письма одного и того же дословнаго содержанія были отправлены о. Макаріемъ къ двумъ лицамъ неумѣстно, тѣмъ болѣе что въ письмѣ («Странникъ», стр. 227, въ письмахъ о. М. ч. 1, стр. 52) онъ между прочимъ пишетъ: «Приношу вамъ и кн. Н. С. чувствительнѣйшее благодареніе за книгу—*ботанику* хозяйственную и врачебную, я получилъ ее еще въ Казани. Такимъ образомъ выходитъ какъ-будто онъ благодаритъ два разныхъ лица за одну и ту же книгу. На пропуски и небрежность въ изданіи его писемъ 1860 г., при сравненіи съ изданіемъ 1851 г. мы указали выше; а теперь укажемъ, что въ помянутой книжкѣ «Странника», на стр. 212 сказано: «Въ бытность свою въ Петербургѣ и Москвѣ въ 1840 г., о. архимандритъ Макарій познакомился вновь и возобновилъ знакомство съ очень многими извѣстными по своей образованности и высокой нравственности особами и между прочимъ съ покойнымъ генералъ-лейтенантомъ Засѣдко и добродѣтельною его супругою Е. М. Съ по

длинное письмо и представить подробный отчетъ о томъ, какъ у насъ проходило время въ Казани и какъ мы достигли Алтайскихъ горъ и перваго стана нашей миссіи. Я ожидалъ свободнаго времени; но вотъ два мѣсяца прошло, а времени для многословія нѣтъ какъ нѣтъ: и потому я долженъ уже кратко сказать, что мы въ Казани до праздника Пасхи учились книжному татарскому языку, имѣющему словарь и грамматику. Надѣюсь, что знакомство это поможетъ намъ въ благопотребномъ для дѣла Божія изученіи безграмотныхъ здѣшнихъ язычниковъ, которые всѣ татарской породы. Послѣ Пасхи мы брали уроки по анатоміи; между тѣмъ слушали въ университетѣ публичныя лекціи и по другимъ наукамъ; а сестра Софія обучалась повивальному искусству, и одинъ разъ была на практикѣ. Дважды мы ходили на тамошнюю обсерваторію и удивлялись огромной, великолѣпной, достойной звѣзднаго неба трубѣ, недавно полученной изъ Германіи,—и механикѣ, помогающей сему орудію исполнять хотѣнія астронома, который такъ легко поднималъ его вверхъ, наклонялъ внизъ, обращалъ во всѣ стороны,—и устройству самой обсерваторіи, которая, не умѣю сказать вамъ какъ, при содѣйствіи одного человѣка приходитъ въ движеніе и ходитъ вокругъ васъ, представляя взорамъ красоты неба со всѣхъ сторонъ посредствомъ оконъ, которыя отворяются только при наблюденіяхъ; они похожи на двери, хотя, конечно, не на врата небесныя, нѣкогда открывавшіяся въ духѣ патріарха Іакова въ сновидѣніи когда онъ былъ въ Веѳилѣ, и показавшія ему таинственную лѣстницу, по которой ангелы Божіи отъ земли восходили на небо и съ неба нисходили на землю, и которая на вершинѣ своей являла Бога. Пріятно было поглядѣть на луну и погадать о составѣ массы, едва ли не известковой: по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ и тоже подтверждалъ профессоръ Симоновъ. Пріятно было посмотрѣть на *Юпитера* въ поясѣ, и на его невидимыхъ для безоружнаго зрѣнія спутниковъ, которые вмѣстѣ съ планетою вотъ какую представляютъ фигуру [31]). Пріятно было видѣть *Сатурна* въ кольцѣ и слушать астронома Симонова,—

слѣднею по возвращеніи своемъ изъ путешествія велъ онъ переписку довольно любопытную, часть которой сообщается мною».

[31]) Въ подлинномъ письмѣ находится начертаніе этой фигуры.

мужа, украшеннаго знаніями. Если думаю, и простой зритель природы, котораго душа въ дружественной гармоніи съ твореніемъ Божіимъ наслаждается священнымъ умиленіемъ, взирая на небо, усѣянное звѣздами, и восклицаетъ съ Давидомъ: *Небеса проповѣдаютъ славу Божію и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь. День дню передаетъ слово, и нощь нощи открываетъ познаніе. Нѣтъ языка и нѣтъ нарѣчія, на которомъ былъ бы не слышанъ голосъ ихъ. Звукъ ихъ проходитъ по всей земли, и слова ихъ до предѣловъ вселенныя* (Псал. XVIII, 2—5). *Іегова Господь нашъ! Какъ величественно имя Твое по всей землѣ! Ты вознесъ величіе Свое превыше небесъ. Когда взираю на небеса Твои, дѣла Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ: то, что есть человѣкъ, что Ты помнишь Его? И что есть сынъ человѣческій, что Ты посѣщаешь его?* (Пс. VIII, 2—4, 5). Если, говорю, сіи гармоніи міровъ слышитъ и тотъ, кто геометріи не учился, и восхищается, кого Пиѳагоръ не принялъ бы въ школу свою, и тотъ, имѣя правое сердце, можетъ чрезъ разсматриваніе тварей, видѣть *невидимое Божіе, Его вѣчную силу и Божество* (Рим. 1, 20), и удивляться: то сколь возвышенныхъ и смиренныхъ, благороднѣйшихъ и блаженнѣйшихъ утѣшеній исполнены чувствованія мудраго, созерцающаго дѣла и уставы Божіи въ естествѣ умомъ, просвѣщеннымъ религіей и наукой? — Обозрѣвая сокровища анатомическаго кабинета, мы смотрѣли съ чувствомъ благоговѣнія на младенца въ утробѣ матери, какъ бы висящаго тамъ въ колыбели, сотканной рукою чудной художницы — премудрости Божіей; но мы видѣли только слабое, хотя при всемъ томъ достойное удивленія, подражаніе въ произведеніи человѣческаго искусства; потому что и мать и младенецъ алебастровые, если не мраморные. Впрочемъ, когда профессоръ (г. Аристовъ) изъяснялъ намъ организмъ человѣческій, тогда все, о чемъ онъ ни говорилъ, надлежало видѣть въ натурѣ; и тѣло мужское передъ нами лежало, постепенно разсѣкаемое и наконецъ чрезвычайно обезображенное. Воздухъ и безъ того въ этой палатѣ, называемой театромъ анатомическимъ, всегда представляетъ для обонянія запахъ тлѣнія, а теперь съ этимъ смрадомъ соединялись виды самые отвратительные и я, чтобы подкрѣпить нервы и отбить одно зловоніе другимъ, понюхивалъ asia foetida. Вотъ какъ справедлива пословица: „охота сильнѣе неволи“. Но за всѣ

непріятности и оскорбленія чувствъ мы были щедро награждаемы умственными удовольствіями. Сухой ли черепъ головы человѣческой мы разсматривали и видѣли знаменіе креста въ соединеніи швовъ его; или мозгъ и въ мозгу (видѣли) то самое мѣсто, гдѣ знаменитый Декартъ поставлялъ престолъ души, и на томъ мѣстѣ Богъ вѣдаетъ по какой физической надобности находящіяся песчинки, которыя напоминаютъ о Божественномъ изреченіи: „ты персть и въ персть обратишься“, и о молитвѣ Моисея въ псалмѣ 89, гдѣ сказано: „Ты возвращаешь человѣка въ тлѣніе и говоришь: возвратитесь сыны человѣческіе!!“—Или столь прочную и столь нѣжную и столь вѣрную камеръ-обскуру нашего глаза мы разсматривали, или ухо и въ ухѣ три косточки: стремя, сущее стремя, молоточекъ, наковальню; или тонкія, бѣлыя ниточки: нервы—первые исполнители и орудіе мыслей и велѣній души; или артеріи, несущія по всему тѣлу, изъ легкихъ и сердца, красную кровь, весь организмъ возстановляющую и питающую; или вены, наполненыя мутною, нечистою кровію, которая, снизу восходя вверхъ чрезъ сердце въ легкія, тамъ, посредствомъ дыханія, получаетъ свыше очищеніе воздухомъ, удобреніе, преображеніе въ хорошую кровь краснаго цвѣта, опять сверху идущую внизъ артеріями и опять внизу оскверняющуюся и опять вверхъ восходящую венами, для удивительнаго возрожденія въ легкихъ. Мы были также въ зоологическомъ кабинетѣ, водили меня и въ ботаническій садъ и показывали гербаріи многіе; но не было времени учиться ни вообще естественной исторіи, ни въ особенности ботаникѣ. Впрочемъ я пользовался презанимательными и продолжительными бесѣдами профессора ботаники, г. Корнуха-Троицкаго; и еще чаще, такимъ образомъ, роскошествовалъ у ректора университета г. Лобачевскаго, котораго умъ и даръ слова приводили меня въ удивленіе, и у доктора Фукса, въ которомъ не знаешь чему болѣе удивляться: богатству ли познаній, или добротѣ сердца и веселому нраву на старости. Но если у этихъ особъ для меня пріятно было молчать и слушать, то нигдѣ въ Казани не было такъ легко и свободно говорить о Божественномъ, какъ въ домѣ Липуновыхъ, преданныхъ Господу Іисусу Христу и св. церкви Его. Изливая душу мою въ кругу сего семейства благословеннаго, я забывался и можетъ быть утомлялъ собесѣдниковъ многословіемъ; а для меня, чѣмъ болѣе распро-

странялось сердце, тѣмъ болѣе сокращалось время; и часы мчались быстрымъ полетомъ. Но вотъ время летитъ и нынѣ, и память представляетъ многія требованія службы, которыя несомнѣнны, и совѣсть въ колокольчикъ позваниваетъ, призывая къ благоразумію и порядку". — Затѣмъ слѣдуетъ письмо, въ которомъ онъ отказывается говорить о Казани и предоставляетъ описать ихъ С. Г. де-Вальмонъ, которая была знакома и переписывалась съ Е. М. Засѣдко.

Такимъ образомъ мы ничего не знаемъ о. пути о. Макарія отъ Казани до Алтая и можемъ указать только на одинъ фактъ, подтверждающій его любознательность и разсказанный въ той же книжкѣ „Странника" на стр. 211: „До какой степени о. архим. Макарій былъ любознателенъ и не любилъ останавливаться при встрѣчаемыхъ на пути своемъ препятствіяхъ, это можно отчасти видѣть изъ слѣдующаго разсказа, слышаннаго мною отъ И. А. Смирнова, служившаго въ пермской семинаріи во время проѣзда о. архимандрита Макарія изъ С.-Петербурга въ Улалу въ 1840 г.: „Узнавъ что я землякъ его, говорилъ мнѣ И. А., и преподаю между прочимъ физику, о. архимандритъ Макарій просилъ меня преподать ему нѣсколько уроковъ изъ этой науки. Сколько я ни отговаривался, но наконецъ долженъ былъ согласиться на его предложеніе: въ два, три пріема и отчетливо, какъ мнѣ казалось, объяснилъ ему согласно его желанію теорію о звукѣ. О. архимандритъ однакоже не удовлетворялся моими объясненіями, возражалъ мнѣ и поставилъ было меня въ затрудненіе. Къ счастію между разговоромъ намекнулъ онъ, почему такъ интересуетъ его ученіе физиковъ о звукѣ,—и я вышелъ изъ того затрудненія, въ какое былъ поставленъ. Дѣло вотъ въ чемъ: не въ дальнемъ разстояніи отъ одного изъ становъ миссіи находилось, по словамъ о. архимандрита Макарія, большое озеро, примыкавшее одной стороною къ горѣ съ пещерою, и изъ этого озера по временамъ исходили звуки. Суевѣрные туземцы, не умѣя объяснить такое явленіе причинами естественными, полагали, что оно есть дѣйствіе духа, живущаго въ озерѣ и требующаго жертвы, и не взирая ни на какія убѣжденія со стороны о. архимандрита Макарія, оставались при своемъ мнѣніи: приносили озеру по своему обычаю жертвы. Я объяснилъ о. Макарію, откуда и какъ образуются звуки эти, и онъ успокоился.

Затѣмъ о пути до Томска мы ничего не знаемъ, а писемъ С. Г. де-Вальмонъ намъ добыть не удалось. Извѣстно только изъ письма самого о. Макарія къ Е. Ѳ. Н. (изд. 1851 г., стр. 145), что всѣ они благополучно добрались до Томска 8 іюня ввечеру. О. Макарій въ тотъ же вечеръ явился къ преосвященному томскому, а на другой день представлялась С. Г. де-Вальмонъ, „которая была обрадована благосклоннымъ пріятіемъ и разглагольствіемъ и получила святительское благословеніе на вступленіе въ богоугодный подвигъ сослуженія съ недостоинствомъ нашимъ при алтайской церковной миссіи“.

По пріѣздѣ въ Томскъ о. Макарій узналъ о кончинѣ въ его отсутствіе старца Петра, который служилъ миссіи съ ея основанія и о которомъ онъ не разъ упоминалъ въ своемъ дневникѣ и письмахъ. „Но вотъ и крестъ“, пишетъ онъ (стр. 146), „старецъ Петръ, лучшій сотрудникъ и другъ мой искреннѣйшій съ которымъ свиданіе обѣщало мнѣ столько утѣшеній, скончался на третьей недѣлѣ великаго поста. Помпная его и взирая на блаженное окончаніе житія его, чувствую побужденіе подражать вѣрѣ его и желаніе разрѣшиться отъ узъ бреннаго тѣла и переселиться въ лучшій міръ, гдѣ мнѣ на сердце не приходило бы ничто, противное святости Божіей, какъ на сердце человѣку не приходитъ и то, что уготовалъ Богъ любящимъ Его“. — Этотъ старецъ Петръ Терентьевичъ Лисицкій былъ изъ государственныхъ крестьянъ Старо-Оскольскаго уѣзда, попавшій въ Сибирь на поселеніе за то, что какимъ-то образомъ пропустилъ въ ревизіи своего племянника. Выростивъ и устроивъ своихъ дѣтей, онъ собирался удалиться отъ мірской суеты въ монастырь, но попалъ въ тюрьму и затѣмъ въ Сибирь. Грамотный и благочестивый, онъ пріютился при миссіи и неутомимо служилъ ей до конца жизни. Онъ и въ церкви читалъ, и хлѣбы пекъ, и за огородомъ ходилъ, и за новокрещеными наблюдалъ въ родѣ благочиннаго, обходя всегда пѣшкомъ ихъ жилища, какъ бы далеко они ни находились. Когда онъ явился, „мы объяснились“, пишетъ о. Макарій, „и мнѣ стыдно было устыдиться его оковъ, его темницы смрадной, его изгнанія, сего названія „несчастный“, столь неприличнаго христіанину, который Бога благодаритъ и прославляетъ о всемъ. Разглагольствія съ онымъ старцемъ нерѣдко напоминаютъ мнѣ о тѣхъ утѣшеніяхъ, которыя находилъ

я въ общеніи съ вами, незабвенные отцы и братія Глинскаго общежитія. Общежитіе у насъ и съ отцемъ Петромъ, который служитъ при миссіи изъ безкорыстнаго усердія, безъ жалованья, безпечально довольствуясь простою пищею и одеждою".

Выѣхавъ 11 іюля изъ Томска, о. Макарій прибылъ съ спутниками въ ночь на 20 іюля въ Майминскій станъ миссіи. Тутъ имѣлъ онъ радость по принесеніи съ давнокрещеными и новокрещеными инородцами, составляющими деревеньку Майму, Господу Богу благодаренія о возвращеніи къ миссіи и по обозрѣніи миссіи узнать, что о. Анастасій, замѣнявшій его во время отсутствія его, пріобрѣлъ еще 60 человѣкъ, соединившихся съ церковью. „Если сложить это число съ числомъ 477 прежде крещеныхъ миссіею и съ числомъ 25 крещеныхъ мною по возвращеніи [32]), то получите число 562: небольшое количество, но оно даетъ столько работы, что силъ у насъ недостаетъ для исполненія всѣхъ обязанностей и требованій службы по совѣсти; посему я, еслибы и суетности своей угождать хотѣлъ, то не имѣлъ бы чѣмъ потщеславиться предъ человѣками, а предъ Господомъ Богомъ кругомъ въ долгахъ, въ неоплатныхъ долгахъ, и мысль о нихъ могла бы повергнуть меня въ отчаяніе, еслибы Сынъ Божій не пришелъ спасти грѣшниковъ и не сказалъ мнѣ, что Тотъ, Кому я столько долженъ, Кому я не могу уплатить долговъ своихъ, есть Отецъ мой и все прощаетъ мнѣ, если я, чадо Его, и самъ прощаю всѣмъ должникамъ моимъ"... Такъ мало о. Макарій цѣнилъ труды свои. Въ Маймѣ онъ долженъ былъ прожить нѣкоторое время, прежде чѣмъ перебраться окончательно въ избранный имъ станъ въ Улалѣ.—„Пока дѣвица Софія не осмотрѣлась на новомъ мѣстѣ пребыванія въ деревенькѣ Маймѣ, пока не завела маленькаго хозяйства въ домикѣ своемъ, состоящемъ изъ двухъ комнатъ раздѣленныхъ сѣнями, принадлежащемъ Миссіи, но поставленномъ за оградою миссіонерскаго стана, пока она не пріучилась нѣсколько приготовлять оглашаемыхъ къ святому крещенію, пока не ознакомилась съ жителями деревни, пока не завязала первыхъ узловъ общенія христіанскаго съ благонравнѣйшими изъ тамошнихъ женщинъ, пока у нея не составилась неболь-

---

[32]) Письмо датировано 6 февраля 1841 г. Улала.

шая дѣвичья школа,—я находился въ Маймпнскомъ станѣ Миссіи; а потомъ, оставивъ тамъ о. Парѳенія и бр. Артемія (Ловицкаго?), переѣхалъ въ селеніе Улалу (отъ Маймы до нея верстъ восемь), и здѣсь донынѣ живу, посѣщая по временамъ станъ Маймпнскій, чтобы взглянуть на состояніе и занятія братьевъ и сестеръ. Ибо кромѣ дѣвицы Софіи служитъ при Миссіи одна преклонныхъ къ старости лѣтъ вдова Прасковья,—мачиха бр. Стефана (Ландышева),—того самаго, о которомъ я говорилъ въ началѣ письма. Надобно вамъ сказать, что этотъ добрый человѣкъ вступилъ въ составъ нашей Миссіи въ 1836 г., родина его въ нижегородской епархіи, онъ сынъ діакона, матери лишился въ младенчествѣ; отецъ же его, не знаю по какимъ случаямъ посланный въ Сибирь, поселился въ Томскѣ и тамъ вступилъ во второе супружество. Но когда настала зима его, т.-е. старость, тогда вздумалось ему вызвать къ себѣ изъ епархіи нижегородской сына, уже кончившаго учебный курсъ въ семинаріи. Добрый юноша, ни на что несмотря, летитъ въ Сибирь послужить родителю въ старости, раздѣлить горькую участь его. Здѣсь онъ получаетъ чрезъ епископа указаніе вступить въ алтайскую миссію и послѣдуетъ оному безъ сомнѣнія. Въ 1838 г. самъ епископъ представлялъ ему учительское мѣсто въ томскомъ церковномъ училищѣ съ хорошимъ жалованьемъ; но онъ такъ уже прилѣпился къ Миссіи, что не хотѣлъ оставлять ея и отказался отъ всѣхъ удобствъ и выгодъ, чтобы служить Господу при возрожденіи человѣческихъ душъ въ вѣчную жизнь, и донынѣ совершаетъ сіе служеніе съ примѣрнымъ усердіемъ, имѣя благопотребныя къ тому способности, знанія, дарованія, нравы и правила. Что приковало его къ службѣ, въ которой онъ имѣлъ многія скорби, особенно въ первые годы? Что кромѣ воли Божіей, которая является любовію къ твари, когда сія покоряется, предаетъ волю свою Творцу, вѣщающему: „сынъ мой! дай мнѣ сердце твое“! Въ 1838 году бр. Стефанъ убѣдилъ отца своего переселиться къ намъ въ деревню Майму; но чрезъ годъ старецъ скончался и вотъ какими путями вступили въ Миссію сынъ его и вторая жена его. Старица Прасковья печетъ хлѣбы на братьевъ, живущихъ въ майминскомъ станѣ, начальствуетъ въ богадѣльнѣ и на часть ея перепадаютъ дѣла послушанія довольно черныя, которыя она обрабатывала донынѣ

съ достохвальнымъ терпѣніемъ и усердіемъ: напримѣръ вскорѣ по возвращеніи моемъ сюда вступила въ богадѣльню одна вдова изъ числа новокрещеныхъ въ болѣзни, которая была и опасна и отвратительна, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, который также былъ боленъ и весьма жалокъ. Старица не возгнушалась обмывать въ банѣ и мать и дѣтище, и Господь благословилъ трудъ человѣколюбія и послушанія, такъ что вдова и дитя ея теперь здоровы и какъ бы переродились. Богадѣльня еще далѣе отъ ограды миссіонерскаго стана нежели домикъ, въ которомъ жительствуетъ дѣвица Софія, и состоитъ, какъ и сей, изъ двухъ покоевъ раздѣленныхъ сѣнями, съ тою разницею, что эти покои пространнѣе комнатъ дѣвицы Софіи. Ревностные труды и сей благородной сестры донынѣ явно содѣйствовали къ успѣхамъ служенія Миссіи въ здѣшнемъ краю. Она помогаетъ больнымъ, при помощи Божіей, иногда аллопатическими, а преимущественно гомеопатическими лѣкарствами, старается путями привѣтливаго обращенія съ дѣвицами, вдовами и замужними женщинами распространять между ними познаніе истинъ евангельскихъ, приглашаетъ ихъ въ домикъ свой по вечерамъ и преимущественно субботнимъ, и въ сихъ собраніяхъ читаетъ имъ святое Евангеліе и разныя нравственно-духовнаго содержанія книжицы; читаетъ новокрещенымъ и оглашаемымъ женщинамъ написанное на татарскомъ языкѣ краткое изложеніе ученія христіанской вѣры и пріучаетъ ихъ къ молитвѣ и труду, раздаетъ имъ волну и лёнъ чтобъ пряли, потомъ беретъ у нихъ пряжу и холстомъ за нее платитъ имъ, а другимъ ради Христа помогаетъ и туне съ благоразуміемъ, между тѣмъ учитъ дѣвочекъ грамотѣ и въ числѣ ученицъ ея находятся дочери новокрещенныхъ, а нѣкоторыя изъ нихъ и живутъ въ ея домикѣ; послѣ чтенія дѣвочки учатся пѣть церковные гимны и другія духовныя пѣсни и знакомятся съ первоначальными ариѳметическими соображеніями по пальцамъ. Переѣхавъ на Улалу, я переводилъ съ россійскаго нарѣчія на телеутское или псалмы, или первое посланіе Іоанново, или избранные вообще изъ Священнаго Писанія тексты въ систематическомъ порядкѣ, или молитвы въ пользу новокрещеныхъ. Кромѣ Маймы, выѣзжалъ только разъ въ другія селенія, и въ одномъ изъ нихъ приводилъ два семейства татарскаго племени къ союзу съ церковію Христовою внушеніемъ ученія

евангельскаго и крещеніемъ. Въ другія времена посѣщали новокрещеныхъ о. Анастасій, о. Парѳеній, о. Василій; но о. Анастасій былъ приставленъ къ Миссіи только на время путешествія моего въ Петербургъ и потомъ возвратился въ Томскъ, гдѣ онъ имѣетъ должность казначея при епископскомъ домѣ. Въ обоихъ станахъ Миссіи продолжалось общественное богослуженіе и совершеніе литургіи, обученіе мальчиковъ грамотѣ, наставленіе новокрещеныхъ и оглашаемыхъ, разнообразное вспоможеніе больнымъ и бѣднымъ тѣми способами, какіе Миссіи поручаются церковію. Но я лично обученіемъ мальчиковъ не занимался, а сотрудникамъ предоставлялъ тотъ трудъ, для котораго не имѣю ни силъ, ни времени. Они же приготовляли пищу и вообще завѣдывали экономіею". Мы нарочно привели цѣликомъ эту часть обширнаго письма о. Макарія къ великосвѣтской дамѣ. Это единственный, сколько намъ извѣстно, случай изъ его переписки, гдѣ онъ довольно подробно излагаетъ дѣятельность миссіи послѣ своего путешествія, именно съ цѣлію послѣ неудачи съ его воззваніемъ привлечь средства для дальнѣйшаго развитія дѣятельности миссіи среди инородцевъ. „Покорнѣйше прошу васъ", — продолжаетъ онъ, — „позволять всякому читать мое письмо, кому только будетъ благоугодно знать о теперешнемъ состояніи церковной алтайской миссіи. Богъ вездѣсущій да возглаголетъ за насъ живымъ и дѣйственнымъ словомъ Своимъ въ сердцѣ всякаго благотворно содѣйствующаго намъ въ служеніи, принадлежащемъ всей церкви! Но молитесь за насъ, святые о Христѣ Іисусѣ братія и отцы, дабы кому-нибудь изъ насъ не остаться въ числѣ *многихъ*, которые нѣкогда скажутъ Судіи: *Господи! Господи! не въ Твое ли имя мы пророчествовали* и т. д., и которымъ будетъ объявлено отъ Него: *Я никогда не зналъ васъ: отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе*". О томъ, какое значеніе для миссіи имѣли пособія частныхъ лицъ, мы находимъ свидѣтельство не только въ показанномъ выше письмѣ къ о. Макарію митрополита Филарета, интересовавшагося суммой сбора въ пользу миссіи, но и въ исчисленіи ея средствъ членомъ Томскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, протоіерея В. Вербицкаго, который говоритъ: „о. архимандритъ Макарій путешествіемъ своимъ въ С.-Петербургъ и Москву, равно записками своими о миссіонерскихъ дѣйствіяхъ и пись-

мами къ разнымъ лицамъ вызвалъ уже частную благотворительность къ миссіи, находившейся тогда въ самомъ бѣдномъ положеніи и по недостаточности средствъ не могшей иначе существовать, какъ на правилахъ строгаго общежитія. Никому изъ служащихъ тогда оклада не было; но нужды каждаго, по распоряженію начальника Миссіи, удовлетворялись самымъ скуднымъ образомъ. Для служащихъ въ то искусительное время мало было безкорыстія, но требовалось еще самоотверженіе: кто не имѣлъ этого качества, необходимаго для миссіонера, тотъ выходилъ изъ Миссіи (Пам. кн. томск. губ. 1885, стр. 218)". Мы уже выше указывали на нищенскія средства Миссіи, приводя письмо о. Макарія къ Е. Ѳ. Н., въ которомъ онъ выражаетъ признательность за присланную имъ десятирублевую ассигнацію (Письма 1851, стр. 120). Да и какъ могло быть иначе, когда изъ разныхъ суммъ св. Синода правительство съ 1830 по 1837 гг. отпускало Миссіи только по 1000 р. ассигн. въ годъ, а съ 1837 по 1844 гг., т.-е. до самаго увольненія о. Макарія, — ежегодно по 571 р. 41 к. сер.; частныхъ же пожертвованій до 1840 года было мало и самыми видными были: крестьянина А. М. Щетинина 334 р. 92 к. ассигн. и инородца К. Е. Параева 323 руб. 55 коп. ассигн. на постройку церкви; П. К. Фролова — оловянные сосуды для употребленія при совершеніи литургіи; академика Мягкова—походный иконостасъ съ иконами его кисти и ректора петербургской семинаріи, архимандрита Аѳанасія — восемь томовъ „Твореній св. Тихона", епископа воронежскаго. Между тѣмъ какъ кромѣ расходовъ на болѣе чѣмъ скромное содержаніе братій Миссіи, и то еще за отказомъ о. Макарія, довольствовавшагося магистерскимъ окладомъ, необходимы были расходы на помощь бѣднымъ изъ новокрещеныхъ и на призрѣніе сиротъ безпріютнымъ,—какъ мы видѣли изъ дневника и писемъ о. Макарія. Для тѣхъ, которые найдутъ страннымъ, что въ числѣ жертвъ значится и такъ мало стоющіе оловянные сосуды, мы скажемъ: изъ писемъ о. Макарія видно, что были жертвуемы и серебряные отъ митрополита Филарета и еще отъ одного лица; но о. Макарій находилъ это роскошью, не совсѣмъ сообразною и соотвѣтственною съ окружающею средой и даже не совсѣмъ безопасною среди разнообразныхъ инородцевъ.

Устроившись въ Улалѣ, и предоставивъ часть трудовъ своихъ по миссіи своимъ сотрудникамъ, не безъ внимательнаго и зоркаго за ними наблюденія, — о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя письма его къ нимъ (изд. въ 1860 г.), — о. Макарій могъ съ большею свободою предаться своимъ ученымъ занятіямъ. Уподобляя свои свѣдѣнія по знакомству съ мѣстными нарѣчіями, какъ мы читаемъ въ его дневникѣ, съ „сумою нищаго“, о. Макарій избралъ какъ наиболѣе употребительное теленгутское, составилъ лексиконъ до 300 словъ и перевелъ на теленгутское нарѣчіе почти все Евангеліе, многія мѣста изъ апостола, все первое посланіе Іоанново, многія церковныя пѣсни и псалмы, исторію Іосифа по тексту Библіи, избранные тексты изъ другихъ книгъ Священнаго Писанія, краткую Священную Исторію краткій Катехизисъ, огласительное поученіе, Сумволъ вѣры, десять заповѣдей съ толкованіемъ на нихъ, Молитву Господню и другія молитвы и вопросы при исповѣди и крещеніи. „Взирая на огромныя тетради переводовъ его на языкъ алтайскихъ инородцевъ, нельзя не удивляться его неутомимой дѣятельности“, говоритъ о. Вербицкій въ своемъ описаніи перваго перевода алтайской миссіи (пам. кн. томск. губ. 1885). Но, отдавая справедливость трудамъ о. Макарія, о. Вербицкій при ихъ исчисленіи прибавляетъ: „все это требуетъ пересмотра и исправленія, особенно переводы, сдѣланные о. архимандритомъ Макаріемъ въ началѣ служенія его въ Алтаѣ, когда въ сумѣ его еще не было сдѣлано строгой классификаціи разныхъ подаяній“. О вѣрности этого замѣчанія судить не приходится, пока „огромныя тетради переводовъ о. Макарія на языкъ алтайскихъ инородцевъ“, служа подспорьемъ для его преемниковъ, не сдѣлаются достояніемъ печати и гласности и не подвергнутся суду лицъ компетентныхъ. Мы замѣтимъ только почтенному члену томскаго губернскаго статистическаго комитета, и то не во гнѣвъ ему, что не мѣшало бы, цитируя о. Макарія, держаться строже текста его какъ въ письмахъ, такъ и въ дневникѣ. Сличая текстъ послѣдняго въ памят. кн. томск. губ., 1885, съ текстомъ напечатаннымъ въ „Пам. Труд. Благ. Русск.“ и „Христ. Чтен.“ за 1836, 1837, 1838 1843 гг., мы нашли, что въ текстѣ дневника въ Пам. кн. томск. губ. есть пропуски, перестановка и даже замѣна нѣкоторыхъ словъ другими. Который текстъ вѣрнѣе, мы судить не можемъ,

не видѣвъ рукописи о. Макарія; но что разница есть, это вѣрно. Мы склонны скорѣе вѣрить тексту, приводимому о. Вербицкимъ, такъ какъ у него въ рукахъ были вѣроятно подлинныя записки о. Макарія; но не мѣшало бы о. Вербицкому подтвердить это оговоркой съ своей стороны въ виду разницы съ текстомъ „Христ. Чтен.“ и „Пам. Труд. Благ. Русск.“. Приводя слова о. Макарія изъ письма (ч. 2, стр. 62), относящіяся до цифры новообращенныхъ до 1841 г., т.-е. 562, о. Вербицкій относитъ ихъ къ цифрѣ 1844, т.-е. до 675 новообращенныхъ. Хотя значеніе словъ о. Макарія отъ этого не умаляется, а еще увеличивается, но magis amicus veritas. Жаль также, что о. Вербицкій, указывая на цифры новообращенныхъ, удовольствовался только показаніемъ отдѣльно мужскаго и женскаго пола, и не указалъ сколько изъ язычниковъ, сколько изъ магометанъ, сколько изъ евреевъ: что важно не только въ статистическомъ, но и въ политическомъ отношеніяхъ. Къ киргизамъ въ Кузнецкій округъ не позволили ѣхать о. Макарію для проповѣди христіанства, а муллы проникли туда и безъ дозволенія и омусульманили киргизовъ. Во всякомъ случаѣ почтенный трудъ о. Вербицкаго по описанію перваго періода алтайской миссіи и собранію біографическихъ свѣдѣній о ея основателѣ заслуживаетъ полной и глубокой признательности. Кромѣ указанныхъ трудовъ по переводамъ на теленгутскій языкъ о. Макарій продолжалъ неутомимо не смотря на претерпѣнныя неудачи заниматься переводомъ Библіи съ оригинала на русскій языкъ. 26 декабря 1840 г. обратился онъ въ св. Синодъ съ донесеніемъ или съ посланіемъ, какъ о. Макарій выражался, разсказывая намъ лично о томъ впослѣдствіи [33]). Онъ началъ съ того, что сказалъ, что имѣвъ радость пріобрѣсть переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ протопресвитера Павскаго и сзѣривъ его съ оригиналомъ еврейскимъ, онъ исправилъ и свой переводъ книги Іова и Исаіи. Представляя эти двѣ книги въ исправленномъ имъ переводѣ съ еврейскаго и сказавъ, что библейское общество дѣйствовало иногда неумѣренно, о. Макарій, убѣжденный въ „необходимой благопотребности для церковной Миссіи и вообще для Россійскаго на-

---

[33]) Напечатано въ «Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1862 г., кн. 3, смѣсь, стр. 167—178.

рода полной Библіи на россійскомъ нарѣчіи въ переводѣ съ оригиналовъ", просилъ св. Синодъ принять въ соображеніе его письма къ Государю Императору совокупно съ изложенными имъ нынѣ мыслями о переводѣ полной Библіи съ оригиналовъ на русскій языкъ. „Благотворно и достохвально изданіе „Твореній св. Отцовъ" на чистомъ русскомъ языкѣ", — писалъ о. Макарій, — „но св. отцы отсылаютъ насъ къ Св. Писанію, которое все богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, чтобы совершенъ былъ человѣкъ Божій, ко всякому доброму дѣлу пріуготовленъ (2 Тим. III, 13—17)"... Развивая далѣе мысль и указавъ на то, что какъ апостолы такъ и пророки проповѣдывали и пророчествовали не отъ человѣческой мудрости и не по произволу человѣческому, а будучи движимы Духомъ Святымъ, о. Макарій спрашиваетъ: „отчего же такая недовѣрчивость къ пророкамъ, что имъ воспрещается говорить къ нимъ на томъ языкѣ, на которомъ позволяется говорить св. отцамъ и на которомъ апостолы столь прекрасно благовѣствовали намъ истины Новаго Завѣта, высшія нежели ученіе Ветхаго?"... У многихъ, и даже между миссіонерами и приходскими священниками, бываетъ мало времени для многаго чтенія. „Твореній св. отцовъ такъ много, а Библія одна, одна для всѣхъ, и въ ней одной все, и всѣ могли бы находить время, по крайней мѣрѣ для русской Библіи, по которой было бы удобнѣе, нежели по славянской, умудряться во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса"... Указывая, что убѣжища въ мракѣ ищутъ только заблужденія и злые замыслы и дѣянія, а религія Іисуса Христа сама свѣтъ и не боится свѣта, о. Макарій говоритъ: „доколѣ съ такою заботливостію будутъ содержать Библію Ветхаго Завѣта въ неудобопроницаемой для многихъ мрачности по многимъ мѣстамъ, дотолѣ сѣятелямъ плевелъ легко будетъ, ухватываясь за нѣкоторыя изреченія, беззаконно вырванныя, беззаконно приложенныя ими къ любимымъ мнѣніямъ лживымъ, увѣрять легкомысленныхъ, будто правители церкви отчасти нарочно укрываютъ отъ народа свидѣтельство истины, отчасти сами не видятъ ихъ и будто послѣдуютъ тѣмъ законникамъ, которые, взявши ключъ разумѣнія, и сами не входили и не пускали желавшихъ войти (Лук. XI, 52)... если мы вѣруемъ „въ Духа Святаго, глаголав-

шаго пророка“ на живомъ языкѣ пророковъ и народа еврейскаго, а сами не хотимъ, чтобы русскій языкъ былъ языкомъ пророковъ и духа пророчества, то одни изъ насъ, не желая противиться Духу Святому, не сами ли себѣ противорѣчатъ, а другіе, не противорѣча самимъ себѣ, не упорствуютъ ли противъ Святаго Духа?“... Затѣмъ о. Макарій переходитъ къ угрозамъ. „Припоминаю, что послѣ великаго наказанія и великаго избавленія, которое Господь послалъ людямъ своимъ въ 1812 году, появились на живомъ, народномъ понятномъ для всѣхъ языкѣ Новый Завѣтъ и псалтирь и готовы были явиться Моисей и всѣ пророки, но вдругъ все сокрылось и стало темно. Всѣ пророчества ветхозавѣтныя на русскомъ языкѣ ходятъ между немногими въ рукописяхъ; а все пятокнижіе Моисеево, переведенное на чистый русскій языкъ съ еврейскаго, у премногихъ особъ лежитъ въ простомъ складочномъ мѣстѣ, та святая и страшная книга Закона Божія, которая лежала въ ковчегѣ завѣта Іеговы во Святомъ Святыхъ и которую читали предъ всѣмъ Израилемъ въ слухъ всего народа, не исключая женъ, дѣтей и пришельцевъ! Неужели слово Божіе въ облаченіяхъ славянской буквы перестаетъ быть словомъ Божіимъ въ одѣяніи россійскаго нарѣчія?“ Въ несчастныхъ событіяхъ, постигшихъ Россію, онъ видитъ гнѣвъ Божій за прекращеніе перевода и изданія слова Божія на русскомъ языкѣ. Перечисляя постепенно бѣдствія и заканчивая араратскимъ землетрясеніемъ, спрашиваетъ: „что говорятъ подземные удары Божіи, совершившіе столь ужасное превращеніе? То же что самосущее слово Божіе, поставившее Араратъ, столько вѣковъ державшее и нынѣ опрокинувшее его, выражаетъ и объясняетъ человѣческими словами: „думаете ли вы, что сіи галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что они такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь всѣ, также погибнете (Лук. XIII, 3, 5). Между тѣмъ, чтобы разные виды благополучія общественнаго не вводили насъ въ самопрельщеніе, Спаситель увѣряетъ насъ, что все это одинъ навозъ, которымъ провидѣніе Божіе окладываетъ древо народной жизни, чтобы оно принесло плоды достойные покаянія (Лук. III, 8)“... „Святѣйшіе о Господѣ отцы и пастыри россійской церкви! Въ ожиданіи произведенія полной россійской Библіи въ переводѣ съ оригиналовъ, пріемлю смѣлость всепокорнѣйше просить у вашего святѣйшества для

алтайской церковной миссіи десяти печатныхъ экземпляровъ пятокнижія Моисеева на россійскомъ нарѣчіи, надѣясь, что если для здѣшней миссіи ваше святѣйшество соизволите сотворить сіе благодѣяніе, то по крайней мѣрѣ всѣ епископы, ректоры и библіотеки семинарій и академій удостоятся сего благополучія. Если будетъ благоугодно вашему святѣйшеству, чтобы преданы были печати сіи священныя книги, которыя я нынѣ представляю на россійскомъ языкѣ въ исправленномъ переводѣ съ еврейскаго, то всепокорнѣйше прошу предать огню прежде мною представленныя сіи книги въ рукописяхъ; въ случаѣ печатанія нынѣ представляемыхъ книгъ повелѣть, чтобы не показывали моего имени и не означали алтайской церковной миссіи на заглавныхъ листахъ: ибо хотя я за учителемъ моимъ по еврейской Библіи слѣдовалъ какъ ученикъ, а не какъ невольникъ, и не всѣ мнѣнія его принялъ за самыя вѣрныя, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удержался на другихъ основаніяхъ; и хотя при священномъ текстѣ сихъ книгъ находятся у меня прежнія объяснительныя примѣчанія, которыя также пересмотрѣны и исправлены, однако поправокъ въ текстѣ было такъ много, что переводъ, сдѣланный мною, сталъ уже не моимъ. Усердно желаю, чтобы онъ содѣлался нашимъ“... 26 декабря 1840 г.

Ожиданія о. Макарія и на этотъ разъ не оправдались. Его краснорѣчивое посланіе Св. Синоду, не безъ тонкихъ и мѣткихъ намековъ по адресу лицъ, не допускавшихъ появленія ветхозавѣтной Библіи на русскомъ языкѣ, вызвало опредѣленіе: 1) что архимандритъ Макарій, употребляя предъ Святѣйшимъ Синодомъ настояніе о продолженіи перевода Священнаго Писанія на русское нарѣчіе, преступаетъ предѣлы своего званія и своихъ обязанностей, и тѣмъ болѣе, что входитъ въ сужденія, несогласныя съ рѣшеніемъ уже принятымъ по сему предмету высшею властію; 2) что неосмотрительная ревность его основывается на погрѣшительномъ мнѣніи, будто церковь россійская не имѣетъ всего Священнаго Писанія на природномъ нарѣчіи россійскаго народа, тогда какъ она имѣетъ оное на природномъ славяно-русскомъ языкѣ, который употребляется и въ церковномъ богослуженіи и на которомъ и простолюдины Священное Писаніе читаютъ и разумѣютъ, и нѣкоторые даже охотнѣе читаютъ, нежели въ переводѣ на новорусское нарѣчіе;

3) что разсужденія архимандрита Макарія, въ которыхъ онъ разныя бѣдствія представляетъ какъ бы наказаніемъ за неисполненіе его мысли — преложить все Священное Писаніе на новое русское нарѣчіе, сколько неосновательны и нелѣпы, столько же несообразны и съ должнымъ повиновеніемъ къ постановленной отъ Бога власти и съ духомъ смиренія, въ противность которому онъ поставилъ себя непризваннымъ истолкователемъ судебъ Божіихъ [34]); и потому преосвященному томскому поручить вызвать архимандрита Макарія въ архіерейскій домъ и вразумивъ его о вышесказанномъ, внушить ему, что онъ за свой дерзновенный и нетерпимый поступокъ подлежалъ бы строгой отвѣтственности по силѣ 55 правила святыхъ апостоловъ, еслибы Св. Синодъ не взиралъ на него съ снисхожденіемъ, по уваженію къ людямъ, которымъ онъ приноситъ и еще можетъ принести пользу миссіонерскимъ своимъ служеніемъ. Для таковаго вразумленія удержать его въ архіерейскомъ домѣ отъ трехъ до шести недѣль, смотря по надобности, и для очищенія совѣсти его отъ поступка, несообразнаго съ смиреніемъ и съ долгомъ подчиненности, назначить ему молитвенную эпитимію съ поклонами по силѣ и по усмотрѣнію преосвященнаго. Затѣмъ отпустить его къ мѣсту служенія съ подтвержденіемъ, чтобы данныя Богомъ способности и время употреблялъ на то служеніе, къ которому Богомъ же чрезъ власть церковную призванъ, и котораго вѣрное прохожденіе должно оправдать его предъ Богомъ и начальствомъ. Сіе служеніе призываетъ его къ переводу Священнаго Писанія не на русское нарѣчіе, а на языкъ инородцевъ, которымъ онъ проповѣдуетъ“.

Если взять во вниманіе, что въ опредѣленіи этомъ высказывается строгое порицаніе поступку о. Макарія, а затѣмъ въ

[34]) Митрополитъ Филаретъ, переписываясь съ архіеп. Тверскимъ Алексіемъ о переводѣ Св. Писанія, тогда уже разрѣшеннаго, припомнилъ чрезъ 10 л. по кончинѣ о. Макарія его угрозу относительно запрещенія перевода. «Дѣло о переводѣ Св. Писанія не спѣшно идетъ; но чтобы совсѣмъ остановлено было, я не слыхалъ. Впрочемъ наше время полно нечаянностей. Дѣло Господне предадимъ въ руки Господни, и помолимся, *да не будемъ наказаны за небреженіе* о немъ, какъ думалъ покойный архимандритъ Макарій». письмо митрополита Филарета къ арх. Тверскому Алексію (1883 стр. 170).

концѣ-концовъ назначается видимое мягкое возмездіе, которое и на наказаніе или эпитимію не похоже, то нельзя не придти къ мысли, что и въ этомъ случаѣ проглядываетъ воздѣйствіе покровительства, которое ему постоянно оказывалъ митрополитъ Филаретъ, тогда еще присутствовавшій въ Св. Синодѣ. Не даромъ о. Макарій говорилъ, что наказаніе это онъ принялъ за особую къ нему милость Божію. Налагая эпитимію на провинившихся священниковъ, обыкновенно ихъ по мѣрѣ вины временно устраняютъ отъ священно-служенія, а о. Макарію напротивъ было вмѣнено въ обязанность служить ежедневно литургію отъ трехъ до шести недѣль, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ и служилъ не только три, какъ предоставлялъ Св. Синодъ, но и всѣ шесть недѣль пребыванія его въ декабрѣ 1841 и январѣ 1842 г. въ архіерейскомъ домѣ. Интересно, что о. Макарій собственноручно сдѣлалъ отмѣтку въ своемъ послужномъ спискѣ въ графѣ о наградахъ, что онъ былъ награжденъ тѣмъ, что ему было приказано совершать литургію въ теченіе шести недѣль въ архіерейскомъ домѣ. Сверхъ того въ библіотекѣ архіерейскаго дома, гдѣ онъ подвергся задержанію, онъ нашелъ кромѣ имѣвшихся у него еще многія другія пособія: различныя изданія Библіи на еврейскомъ, на греческомъ языкахъ, лексиконы, комментаріи. что дало ему возможность успѣшно продолжать дѣло перевода Библіи на русскій языкъ. Въ этомъ онъ видѣлъ промыслъ Божій, какъ сообщилъ онъ намъ лично, въ откровенной бесѣдѣ по поводу перевода имъ Библіи. Къ этой бесѣдѣ мы возвратимся еще впослѣдствіи.

Убѣдясь наконецъ изъ личнаго опыта, что дальнѣйшее ходатайство его объ изданіи полной русской Библіи безполезно, о чемъ неоднократно говорилъ и писалъ ему митрополитъ Филаретъ, принимавшій и самъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ, о. Макарій задумалъ издать по крайней мѣрѣ составленное имъ извлеченіе изъ книгъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, подъ названіемъ „Алфавитъ Библіи“. Отославъ въ ноябрѣ 1841 г. эту рукопись къ князю Д. В. Голицыну, въ то время московскому военному генералъ-губернатору, который самъ вызвался при отъѣздѣ о. Макарія изъ Москвы приходить на помощь въ нуждахъ миссіи, о. Макарій просилъ князя поспѣшить передачей этой

рукописи въ цензуру церковную и затѣмъ по напечатаніи ея выслать въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ на имя о. Макарія въ Бійскъ для миссіи. „Къ составленію сей книжки“, писалъ о. Макарій, „былъ я понужденъ явною нуждою и моею и моихъ сотрудниковъ и возрастныхъ людей между новокрещенными: ибо для малолѣтныхъ составлена мною азбука, въ которой помѣщенъ краткій катехизисъ, состоящій также изъ однихъ текстовъ, и краткій молитвословъ; и сія азбука предана мною покровительству и попеченію высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, и всѣхъ сословій царствующаго града Москвы, съ тѣмъ же открытымъ намѣреніемъ и желаніемъ, съ какимъ посланъ и Алфавитъ Библіи къ вашему сіятельству. Если къ симъ книжицамъ присоединить недавно вновь изданныя въ Москвѣ „избранныя мѣста изъ историческихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта“, въ двухъ книжкахъ, которыя въ немаломъ числѣ прислать къ намъ уже просилъ я одну изъ московскихъ госпожъ, то мы на русскомъ языкѣ представимъ новокрещенымъ уже весьма довольно всего такого изъ богодуховной Библіи, что грамотные изъ нихъ должны читать, безграмотные слушать и все разумѣть и помнить и въ жизни своей осуществлять при Божіемъ благословеніи. Впрочемъ я не однихъ инородцевъ новокрещеныхъ имѣлъ въ виду при составленіи сей книжки, но и сотрудниковъ моихъ по службѣ при здѣшней миссіи, какихъ нынѣ имѣю и какіе могутъ быть послѣ, чтобы они имѣли въ сей книжкѣ предъ глазами основанія ученія о вѣрѣ и жизни христіанина, которые призваны проповѣдывать, чтобы видѣли и удобно изучали сіи спасительныя истины въ той связи, въ которой онѣ одна другую подтверждаютъ и объясняютъ и всею совокупностію и гармоніею своею благотворно дѣйствуютъ на умы и сердца человѣковъ, какъ слова Божіи. Но вкупѣ съ ними и я имѣю нужду обозрѣвать сіи изреченія Духа Святаго, собранныя въ такомъ порядкѣ; и это можетъ приносить мнѣ самому пріятнѣйшее и полезнѣйшее утѣшеніе“. Затѣмъ о. Макарій, не желая непріятностей для издателей другихъ книгъ въ томъ же родѣ, изъявляетъ готовность, чтобъ объ изданіи „Алфавита Библіи“ не было объявлено печатно въ журналахъ и вѣдомостяхъ, а чтобы всѣ экземпляры были присланы въ мис-

сію, которая получивъ даромъ, даромъ и раздавала бы ихъ и присовокупляетъ, что нѣкоторые изъ новокрещеныхъ инородцевъ говорятъ, читаютъ и пишутъ по-русски, что вмѣстѣ съ дѣтьми новокрещеныхъ учатся русской грамотѣ и дѣти русскихъ людей, и что миссія необходимо должна дѣйствовать и на русскихъ людей, „дабы они своими образами содѣйствовали и миссіи въ распространеніи Евангелія между иноплеменными", и что мы, если Господь благословитъ, получивши отъ Москвы благотворительный печатный „Алфавитъ Библіи", немедленно начнемъ приготовлять его къ печатанію на теленгутскомъ нарѣчіи, имѣя намѣреніе представить его въ семъ видѣ начальству церковному"....

Князь Голицынъ препроводилъ рукопись „Алфавитъ Библіи", вмѣстѣ съ письмомъ о. Макарія своему зятю, графу Протасову, оберъ-прокурору Св. Синода, который передалъ ее ректору С.-Петербургской духовной академіи, епископу Аѳанасію Дроздову на просмотръ и заключеніе. Епископъ Аѳанасій Дроздовъ, ближайшій совѣтникъ въ дѣлѣ преобразовательныхъ проектовъ графа Протасова, далъ о ней очень суровый, но не очень справедливый отзывъ, который вмѣстѣ съ рукописью былъ внесенъ 13 ноября 1842 года графомъ Протасовымъ въ Св. Синодъ при предложеніи графа. Въ то время преслѣдованія и гоненія по случаю появленія литографированнаго перевода Библіи пр. Павскаго были въ полномъ ходу, и Св. Синодъ, усматривая, что о. Макарій приводитъ многія мѣста Св. Писанія не по славянскому тексту, а по „произвольному" русскому переводу, 31 декабря 1842 г. опредѣлилъ оставить рукопись безъ всякаго употребленія и сдать для храненія въ синодальный архивъ. Припомнивъ, что о. Макарію было уже сдѣлано замѣчаніе по поводу его перевода книгъ Іова и пророка Исаіи, Св. Синодъ послалъ преосвященному томскому указъ вызвать архимандрита Макарія въ архіерейскій домъ и вновь подтвердить ему, что онъ время и способности свои долженъ употреблять на то служеніе, къ какому призванъ Богомъ чрезъ церковную власть, строго внушивъ ему, что если онъ и впредь будетъ преступать долгъ смиренія предъ церковною властію съ произвольнымъ объясненіемъ Св. Писанія и по таковымъ совершенно духовнымъ предметамъ

обращаться мимо духовнаго начальства къ посторонним властямъ, то за сіе подвергнется неминуемо законному взысканію. Причемъ преосвященному томскому предписывалось вообще принять мѣры къ наблюденію за дѣйствіями архимандрита Макарія и къ „отклоненію его впредь отъ неправильныхъ дѣйствованій“.

Вынося терпѣливо и съ свойственнымъ ему смиреніемъ всѣ эти неудачи, о. Макарій тѣмъ не менѣе не могъ не ощущать всей горечи ихъ. Какъ искренно вѣрующій, онъ искренно желалъ всеобщаго блага. *Больше сея нѣсть любви, аще кто душу свою положитъ за други своя.* Онъ постоянно и полагалъ свою душу на пользу ближнему, не останавливаясь передъ какими то ни было препятствіями, неуклонно шелъ къ цѣли служить ближнему.—„Урокъ терпѣнія, руководство къ тому, чтобы мы умѣли смиренно и покорно отказываться даже отъ благословенныхъ утѣшеній, пишетъ о. Макарій (ч. 2, стр. 97)“.—Какъ искренно вѣрующій, онъ искалъ и находилъ утѣшеніе въ вѣрѣ по духу Христову: но *духъ бодръ, а плоть немощна*, и огорченія, подтачивая постоянно его и безъ того слабый и болѣзненный организмъ, все болѣе и болѣе ослабляли его силы, изнуряли его здоровье. Сознавая, что онъ уже не въ силахъ болѣе съ тою же энергіей, какъ прежде, бороться съ разнаго рода препятствіями и дѣятельно продолжать занятія по миссіи, о. Макарій въ 1843 году сталъ проситься объ увольненіи его изъ миссіи и о разрѣшеніи ему отправиться въ Іерусалимъ, гдѣ предполагалъ провести остатокъ жизни. Съ этой цѣлью вѣроятно онъ и ѣздилъ въ Томскъ для объясненій. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что въ числѣ писемъ его за 1843 годъ есть помѣченныя мѣсяцемъ маемъ на пути въ Томскъ, а 7 іюня и 3 іюля изъ самаго Томска.

6-го іюля онъ уже принималъ въ Маймѣ преосвященнаго томскаго, который, обозрѣвая южную часть своей епархіи, посѣтилъ и миссію и, какъ сейчасъ убѣдимся, уже зналъ о намѣреніи о. Макарія.—„Онъ пріѣхалъ на Майму 6 іюля подъ вечеръ“, пишетъ о. Макарій къ С. Г. де Вальмонъ, покинувшей миссію (ч. 2, стр. 119), и служилъ всенощную въ походной церкви, а на другой день совершилъ божественную литургію, предъ которою

былъ окрещенъ нами одинъ татаринъ, человѣкъ молодой и разумный. Нѣкоторыя изъ учениць вашихъ были причащены св. Таинъ Христовыхъ рукою святителя, а послѣ литургіи были мною представлены ему для краткаго испытанія въ чтеніи, похвалены и получили съ архипастырскимъ благословеніемъ по одной мелкой монетѣ серебряной. Въ тотъ же день преосвященный совершалъ литургію въ Улалинской походной церкви; и мнѣ было тамъ хорошо, по милости Божіей, не по достоинству. Послѣ обѣда преосвященному было угодно путешествовать на высочайшую изъ ближайшихъ къ Улалѣ горъ; пѣшкомъ шелъ и вверхъ и внизъ и будучи на самой вершинѣ горы, благословилъ Алтай нашъ; а я то слѣдовалъ за нимъ, то опереживалъ его, но только на лошади, пѣшешествовать на такую крутизну не позволяла слабость груди и ногъ. Въ тотъ же день преосвященный отправился въ селеніе Алтайское; я проводилъ святителя за Катунь, чрезъ которую переправлялись на паромѣ нарочно устроенномъ; тамъ я принялъ благословеніе его, и мы простились. „Помяните меня у гроба Господня", говорилъ преосвященный.—И такъ есть надежда, что меня пустятъ въ Іерусалимъ? О, да исполнитъ ее пострадавшій за весь міръ Іисусъ Христосъ!"... Надеждѣ этой не суждено было осуществиться: о. Макарій получилъ разрѣшеніе на путешествіе въ Іерусалимъ лишь не задолго до своей кончины. Св. Синодъ, увольняя о. Макарія изъ миссіи, опредѣлилъ его настоятелемъ въ Оптинъ монастырь близъ Болхова, а разрѣшеніемъ на путешествіе въ Іерусалимъ помедлилъ. Замедлился нѣсколько отъѣздъ о. Макарія и изъ миссіи потому, что назначенный на мѣсто о. Макарія, какъ „по старшинству такъ и по образованности и честному поведенію", начальникомъ миссіи іеромонахъ Парѳеній отказался отъ этой должности, а изъявившій желаніе взять на себя эту должность инспекторъ калужской семинаріи, іеромонахъ Даніилъ не явился. Наконецъ послѣ того какъ было предписано о. Макарію сдать имущество и дѣла миссіи о. Стефану Ландышеву, а ему вступить въ управленіе миссіею, о. Макарій могъ сбираться въ путь. Отзывъ о. Макарія о. С. Ландышевѣ, котораго онъ подготовлялъ къ миссіонерскому дѣлу, мы уже знаемъ изъ письма (ч. 2, стр. 67).

Ознакомясь съ нравственными качествами молодаго семинариста С. В. Ландышева и его твердымъ намѣреніемъ служить миссіи, о. Макарій старался всячески и подготовить его къ этому служенію, тѣмъ болѣе что имѣлъ въ виду, что Ландышевъ можетъ современемъ замѣнить его самого въ миссіи, что подтверждается письмомъ о. Макарія къ Ландышеву (ibid. стр. 178): „Весьма вѣроятно, что дѣло послушанія и служенія церкви Христовой на моемъ мѣстѣ не минетъ васъ"... Видя, что молодой человѣкъ не способенъ къ жизни одинокой, монашеской, а имѣетъ наклонность къ семейной, о. Макарій пріуготовилъ въ немъ такого семейнаго миссіонера, какого предполагалъ въ извѣстномъ уже намъ проектѣ „Миссіонерскаго Общества" и постоянно руководилъ его даже издали. Когда С. В. Ландышевъ отправился въ 1842 г. по нуждамъ миссіи и своимъ въ Москву, Нижній Новгородъ, Кіевъ, Екатеринославъ, о. Макарій писалъ о немъ къ друзьямъ своимъ, поручая его ихъ покровительству, и часто писалъ ему самому, наставляя его. Давая ему совѣты въ обращеніи съ благотворителями миссіи, о. Макарій между прочимъ писалъ ему (ib. стр. 179): „...Отнюдь не принимайте тона учительскаго, но дѣйствительно старайтесь учиться у всякаго и все доброе перенимать"... Когда Ландышевъ женился въ Москвѣ, избравъ себѣ въ спутницу сироту, о. Макарій писалъ ему (ib. стр. 181) ...„Въ семъ великомъ событіи вашей жизни все меня обнадеживаетъ и радуетъ. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ разсужденіемъ, по которому сердце ваше склонилось къ смиренной сиротѣ; тѣмъ легче для насъ почитать христіанскія добродѣтели и достоинства въ ней, и тѣмъ легче для насъ пребывать въ смиреніи и послушаніи и возвращаться на стези сіи послѣ краткаго самозабвенія: смиреннымъ же Господь благодать свою даруетъ, а гордымъ противится"... О. Макарій не оставлялъ его совѣтами до конца жизни, переписываясь съ нимъ и изъ Оптиной пустыни. Въ заботахъ о немъ, когда Ландышевъ былъ въ пути, о. Макарій писалъ къ своимъ друзьямъ о немъ такъ (стр. 192): ...„Сотрудника моего и вѣрнаго друга и брата С. В. Ландышева, которому, по важнымъ требованіямъ службы и по собственной надобности его, позволено побывать въ Москвѣ и даже въ Екатеринославлѣ, примите съ радушіемъ подъ кровъ

свой благословенный, помогайте ему во всемъ, какъ бы мнѣ помогли...“ Въ женѣ священника Ландышева онъ видѣлъ женщину, способную посвятить себя тѣмъ занятіямъ по миссіи, которыя онъ начерталъ въ своемъ проектѣ для женскаго персонала „миссіонерскаго общества“, тѣмъ болѣе, что на С. Г. де-Вальмонъ разсчитывать не приходилось. Въ письмахъ къ С. Г. де-Вальмонъ и даже наставленіяхъ и совѣтахъ, которые она у него испрашивала и по отбытіи изъ миссіи, слышится порой уже другой тонъ, звучитъ другая нотка, совсѣмъ не та, что въ письмахъ къ С. В. Ландышеву, на котораго онъ твердо надѣялся. С. Г. де-Вальмонъ покинула миссію въ 1843 году, хотя о. Вербицкій утверждаетъ (Пам. кн. стр. 243), что она служила миссіи до 1844 года, но изъ письма къ ней о. Макарія (ч. 2, стр. 120) видно, что она въ іюлѣ 1843 г. была уже въ Свіяжскѣ, по пути къ Москвѣ.

О. Ландышевъ былъ сначала назначенъ временно управлять миссіею, потому что только въ этомъ же 1844 году былъ поставленъ преосв. Аѳанасіемъ Томскимъ во діакона и священника, послѣ того какъ на обратномъ пути изъ Москвы выдержалъ въ Нижегородской семинаріи экзаменъ по 1 разряду; да и преосвященному Аѳанасію хотѣлось поставить начальникомъ миссіи изъ монашествующихъ, какъ видно изъ писемъ митрополита Филарета къ о. Макарію по предмету выбора на его мѣсто начальника миссіи,—при чемъ митрополитъ просилъ о. Макарія указать: „кого бы можно было представить къ употребленію въ сіе служеніе?“ (Чт. въ Общ. Люб. дух. просв., стр. 104 и 105) Въ слѣдующемъ 1845 году о. Ландышевъ былъ окончательно назначенъ по ходатайству о. Макарія чрезъ митрополита Филарета начальникомъ Алтайской миссіи, что было конечно по сердцу о. Макарію, потому что митрополитъ Филаретъ (ib. стр. 105) писалъ ему: „Вѣдомо да будетъ вамъ, что священникъ Стефанъ Ландышевъ назначенъ начальникомъ Алтайской миссіи. Св. Синодъ изволилъ сказать, что сей священникъ и ему извѣстенъ и мною свидѣтельствованъ, что сдѣлано было мною въ донесеніи на указъ Св. Синода о избраніи начальника для сей миссіи. Надѣюсь, вамъ пріятно будетъ узнать, что труды ваши въ образованіи сего служителя церкви обѣщаютъ не кратко-

временное плодоношеніе. При случаѣ скажите ему, чтобы онъ вникалъ служенію своему и благоволеніе св. Синода и мое смиренное свидѣтельство потщился оправдывать. Господь да благословитъ его и его служеніе“.

Такимъ образомъ о. Макарій могъ надѣяться, что покидая съ прискорбіемъ Алтай, гдѣ желалъ кончить свое земное странствованіе и быть похороненнымъ, онъ оставляетъ излюбленное и устроенное имъ миссіонерское дѣло въ надежныхъ рукахъ. До конца жизни не переставалъ онъ заботиться о миссіи, переписывался съ о. Ландышевымъ, посылалъ ему на нужды миссіи все что только могъ собрать. Во 2 ч. стр. 185 есть письмо, въ которомъ о. Макарій христосуется съ о. Ландышевымъ: оно датировано 1 апр. 1847, слѣдовательно, недѣль за шесть до кончины о. Макарія.

О. Макарій уѣхалъ изъ миссіи 4 іюля 1844 года „къ истинному горю всѣхъ, знавшихъ его въ просвѣщенномъ имъ краю. Прощаніе его съ Алтаемъ весьма трогательно описано Архипомъ Абрамовичемъ Орловымъ, его спутникомъ“. Вотъ все, что мы знаемъ отъ о. Вербицкаго объ отъѣздѣ о. Макарія. Съ описаніемъ этимъ намъ познакомиться не удалось, а самъ А. А. Орловъ былъ тоже личность недюжинная: онъ попалъ въ солдаты, дослужился до унтеръ-офицера, имѣлъ знакъ военнаго ордена (св. Георгія). Выйдя въ отставку, онъ пошелъ служить въ миссію къ о. Макарію, съ которымъ потомъ никогда и не разставался. Въ миссіи онъ пѣлъ на клиросѣ, училъ дѣтей грамотѣ и пекъ хлѣбы, сопутствовалъ о. Макарію въ Болховскую Оптину пустынь, гдѣ принялъ постриженіе, поставленъ іеромонахомъ съ именемъ Артемія, потомъ послѣ смерти о. Макарія іеросхимонахомъ Макаріемъ. Скончался и похороненъ въ той же пустынѣ.

14 іюля уже съ пути пишетъ о. Макарій изъ Бійска: „Туча печали виситъ надо мною, но Господь Богъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа. Онъ и намъ всѣмъ Отецъ во Христѣ Іисусѣ. Не престанемъ же предавать Ему сами себя и другъ друга и всю жизнь нашу“... Разставаясь съ миссіей, о. Макарій думалъ найти утѣшеніе въ Іе-

русалимъ, а его отправили управлять монастыремъ и монахами, и конечно съ такими же „разнохарактерными,“ какъ въ Костромѣ, какъ и вездѣ.—Затѣмъ ни писемъ о. Макарія съ пути его на Москву, ни свѣдѣній о его путешествіи нѣтъ. Мы знаемъ только, что по пріѣздѣ въ Москву онъ остановился у митрополита Филарета на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ намъ пришлось навѣщать его; къ этому времени относится и наше личное знакомство съ о. Макаріемъ. 14 сентября, день храмоваго праздника въ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, который незадолго до того былъ переведенъ (по случаю построенія храма Спасителя) отъ Пречистенскихъ воротъ въ Красное село къ церкви Воздвиженія Креста животворящаго. День этотъ сбирались отпраздновать въ устроивавшейся на новомъ мѣстѣ обители особенно торжественно. Митрополитъ обѣщалъ самъ служить литургію и въ числѣ назначенныхъ къ сослуженію съ нимъ упоминали и архимандрита Макарія, прибывшаго недавно съ Алтая. Живя въ то время недалеко отъ Краснаго села, въ Нѣмецкой слободѣ, я отправился въ Алексѣевскій монастырь къ обѣдни. Архимандритъ Макарій приковалъ мое вниманіе. Небольшаго росту, непредставительный, нѣсколько сутуловатый, съ сѣдоватой бородкой, онъ сначала не привлекалъ особеннаго вниманія, но разъ вглядѣвшись въ него и особенно въ его умные и выразительные глаза, какъ-то невольно приходилось слѣдить за нимъ. Онъ замѣтно выдѣлялся и скромностью и вмѣстѣ отсутствіемъ всякаго подобострастія передъ митрополитомъ, и простотой и безъискусственностью обращенія во время служенія и особенно кроткимъ и пріятнымъ выраженіемъ въ чертахъ лица. Въ глазахъ его свѣтилось искреннее, благоговѣйное настроеніе души. Глядя на него, какъ-то поневолѣ приходили на мысль святые отцы первыхъ вѣковъ христіанства, поневолѣ думалось, что именно такъ готовились они къ святому Таинству, которое Божественный Учитель заповѣдалъ творить въ Его воспоминаніе. Когда обѣдня кончилась и митрополитъ обратился къ народу съ благословеніемъ, я увидѣлъ въ растворенныя царскія двери, что въ углу алтаря одинъ изъ іеродіаконовъ съ усмѣшкой показывалъ другому помятый и полинялый монашескій клобукъ, и что вошедшій затѣмъ въ алтарь архимандритъ Макарій, снявъ ризу, надѣлъ этотъ самый

клобукъ. Дисгармонія только что снятаго богатаго облаченія съ убогой монашеской рясой, въ которой предсталъ архимандритъ, бросалась въ глаза. По окончаніи службы митрополитъ Филаретъ и архимандритъ Макарій направились въ келію настоятельницы. Въ гостинной настоятельницы мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ о. архимандритомъ Макаріемъ, и мы разговорились. Предметомъ разговора были христіанскія миссіи въ разныхъ странахъ и между прочимъ распространеніе англійскимъ библейскимъ обществомъ Библіи и въ русскомъ переводѣ. Покойный митрополитъ Филаретъ не любилъ долго засиживаться. Скушавъ кусочекъ пирога и выпивъ чашку чаю, онъ собрался домой и, благословивъ игуменью и всѣхъ насъ, гостей ея, направился къ выходу. За нимъ долженъ былъ послѣдовать и архимандритъ Макарій, котораго митрополитъ привезъ въ своей каретѣ. Заинтересованный вѣроятно свѣдѣніями объ англійскомъ библейскомъ обществѣ, или чѣмъ-либо другимъ, не знаю, только о. архимандритъ, прощаясь со мной, пригласилъ меня посѣтить его и прибавилъ, что въ Москвѣ онъ пробудетъ недолго. Все, что я слыхалъ о немъ прежде, такъ говорило въ его пользу, да и самъ онъ лично такъ заинтересовалъ меня, что я поспѣшилъ воспользоваться его приглашеніемъ, и на другой же день отправился къ нему. О. Макарій занималъ комнату рядомъ съ митрополичьей столовой. Послѣ обычнаго привѣтствія, усадивъ меня подлѣ себя за столъ, заваленный рукописями и книгами, о. Макарій подалъ англійскій переводъ Библіи и попросилъ передать по-русски, какъ можно ближе къ англійскому тексту, первую главу изъ книги Іова. Хотя это было нѣсколько ex abrupto, но я счелъ долгомъ безпрекословно исполнить его желаніе. По окончаніи 1-й главы онъ далъ мнѣ французскій и затѣмъ нѣмецкій тексты, прося продолжать читать и передавать для сличенія ту же главу по-русски. Самъ о. Макарій между тѣмъ все время слѣдилъ по исписанной по-русски тетради, провѣряя съ еврейскимъ текстомъ, справляясь по временамъ съ различными комментаріями и высказывая при томъ нерѣдко замѣчанія: какой по его мнѣнію переводъ оказывался ближе къ еврейскому. Когда онъ, прекративъ наконецъ это занятіе, поблагодарилъ меня за содѣйствіе, то, само собой разумѣется, мнѣ захотѣлось узнать цѣль этого, тѣмъ

болѣе, что во время этихъ занятій, когда о. Макарій рылся въ комментаріяхъ, мнѣ представлялся вопросъ: къ чему все это? Библія переводилась на русскій языкъ, издавалась Библейскимъ Обществомъ, чтеніе ея на русскомъ языкѣ сочтено вреднымъ и все, что было издано и оставалось нерозданнымъ, подверглось запрещенію и даже сожженію въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ на кирпичныхъ заводахъ. Пощажены были только псалтирь и Новый Завѣтъ, да и то потому, что все изданіе ихъ было почти раскуплено, а новое къ печати не допускалось. Переводъ Библіи является вновь и гдѣ же? Въ покояхъ митрополита Филарета, который, правда, былъ самымъ ревностнымъ дѣятелемъ Библейскаго Общества и сторонникомъ перевода Библіи на русскій языкъ. Но Библейское Общество было, какъ извѣстно, по проискамъ и интригамъ Аракчеева и его пособниковъ Шишкова, Магницкаго, Кикина, архим. Фотія и по податливости престарѣлаго митрополита Серафима, закрыто; а самъ митрополитъ Филаретъ долженъ былъ вынесть много огорченій и непріятностей по случаю перевода Библіи извѣстнымъ Павскимъ. Кромѣ того въ Москвѣ ходилъ слухъ, что митрополитъ Филаретъ въ опалѣ, и не будетъ больше присутствовать лично въ св. Синодѣ именно за то, что настаивалъ на мысли о необходимости перевода Библіи на понятный народу языкъ. Можетъ быть о. Макарій угодалъ мою мысль, а можетъ-быть и самъ счелъ нужнымъ выяснить цѣль своихъ занятій, только онъ, предупредивъ мой вопросъ, сказалъ, что онъ перевелъ Библію съ еврейскаго на русскій языкъ и занимается просмотромъ своего перевода съ тѣмъ, чтобъ издать свой переводъ при первой возможности. Заявивъ ему мое сомнѣніе въ этой возможности, по крайней мѣрѣ обычнымъ путемъ, послѣ исторіи съ переводомъ Павскаго, я прибавилъ, что изданіе его перевода возможно только развѣ за границей. О. Макарій взглянулъ на меня какъ-то особенно пристально, но ничего не сказалъ поповоду этого, а только попросилъ меня навѣщать его въ свободныя минуты и продолжать помогать ему въ сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книгъ Св. Писанія. Увлеченный крайне симпатичною личностью о. Макарія и чувствомъ уваженія къ капитальному труду, въ который онъ такъ-сказать влагалъ свою душу, изучая основательно до малѣйшихъ подробностей все что

касалось сущности предмета,—я не счелъ возможнымъ уклониться отъ той ничтожной доли содѣйствія, которая отъ меня требовалась, да и свободнаго времени въ моемъ распоряженіи было достаточно. Кромѣ того въ первые дни нашего знакомства случилось еще такое обстоятельство, которое могло разстроить и даже вовсе порвать наши отношенія, но вмѣсто того благодаря послѣдовавшимъ затѣмъ объясненіямъ еще больше привлекло меня къ нему. О. Макарій былъ разъ очень озадаченъ однимъ изреченіемъ, надъ которымъ благодаря встрѣтившемуся гебраизму пришлось ему посидѣть и потрудиться довольно долго въ справкахъ съ лексиконами, комментаріями и проч. Изреченіе это въ переводѣ на разные языки передано не одинаково, такъ что и смыслъ являлся не одинъ и тотъ же, Время въ справкахъ ушло незамѣтно и мы засидѣлись до того, что явился наконецъ съ докладомъ объ обѣдѣ неизмѣнный famulus о. Макарія, А. А. Орловъ. Вслѣдъ за приходомъ Орлова послышались чьи-то шаги въ столовой. То былъ митрополитъ, и я поспѣшилъ удалиться, получивъ приглашеніе пріѣхать на слѣдующій день. На другой день я засталъ о. Макарія въ крайне мрачномъ, вовсе ему несвойственномъ настроеніи духа. Припомнивъ, что „не въ пору гость хуже татарина“, я предложилъ о. Макарію избрать другой день для занятій, но онъ удержалъ меня. Взявъ меня за руку, онъ пристально поглядѣлъ мнѣ въ глаза, точно стараясь допытаться чего-то. Потомъ видимо колеблясь и какъ-то нерѣшительно, снялъ съ себя наперстный крестъ, подалъ мнѣ его и сказалъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ, кротко, точно прося у меня заранѣе прощенія: „поцѣлуйте его и поклянитесь, что вы не принадлежите къ третьему отдѣленію“. Легко себѣ представить, какъ такая неожиданная выходка могла сразить и взволновать молодаго человѣка, воспитаннаго въ дворянскихъ традиціяхъ и кончившаго курсъ въ московскомъ университетѣ, да еще въ эпоху сороковыхъ годовъ. Ошеломленный, озадаченный, огорченный до глубины души, я уже готовъ былъ на рѣзкій отвѣтъ; но къ счастію скоро сообразилъ, что о. Макарій пользуется гостепріимствомъ митрополита Филарета, который, потерпѣвъ за переводъ Библіи на русскій языкъ, могъ отнестись недовѣрчиво къ лицу, привлеченному о. Макаріемъ къ участію въ такомъ же переводѣ,—къ лицу вдобавокъ еще мало

извѣстному самому о. Макарію. „У страха глаза велики", подумалъ я и, овладѣвъ собой, съ возможнымъ въ ту минуту хладнокровіемъ, сказалъ о. Макарію, что у меня съ третьимъ отдѣленіемъ нѣтъ ничего общаго, и что хотя я въ удостовѣреніе этого и готовъ исполнить требованіе о. Макарія, но прошу его предварительно уяснить, насколько это требованіе согласно съ достоинствомъ, съ высотой того святаго дѣла, которому онъ посвящаетъ свою дѣятельность. Взявъ со стола Евангеліе, я указалъ на 34 — 37 ст. гл. V Матѳ. О. Макарій смутился окончательно и поспѣшилъ надѣть крестъ опять на себя. Глаза его стали влажны, онъ протянулъ ко мнѣ руки и горячо обнялъ меня. Выходка о. Макарія не согласовалась съ его кроткимъ, довѣрчивымъ и любвеобильнымъ характеромъ и очевидно была навѣяна ему наканунѣ за обѣдомъ митрополитомъ, который тутъ только, узнавъ о нашихъ занятіяхъ, вѣроятно далъ почувствовать о. Макарію его опрометчивость и неосторожность въ отношеніяхъ къ молодому человѣку, съ которымъ едва только успѣлъ познакомиться. Нѣтъ худа безъ добра. Когда мы оба успокоились послѣ равно для обоихъ насъ тяжелой минуты и усѣлись было за обычное дѣло, о. Макарій, сознавая вину свою и желая высказать мнѣ свое полное довѣріе и расположеніе, разсказалъ мнѣ подробно всю исторію, всѣ обстоятельства, сопряженныя съ его переводомъ Библіи. Все это теперь болѣе или менѣе стало извѣстно и повторять излишне; но тогда возбуждало не только вниманіе, но и удивленіе. Какъ? Какой-нибудь простой монахъ, хотя бы и архимандритъ, осмѣливается писать посланіе къ Государю, да еще къ такому, каковъ былъ императоръ Николай, и, доказывая необходимость изданія Библіи на языкѣ понятномъ для всѣхъ, указывать на разныя бѣдствія, какъ на кару за лишеніе народа слова Библія? Ходили и слухи о томъ въ обществѣ, но смутные, неопредѣленные, да и передавались почти шопотомъ и съ нѣкоторой осторожностью. Въ тоже время сообщилъ онъ мнѣ о томъ, что онъ былъ приглашенъ къ митрополиту Серафиму для увѣщаній, — о чемъ мы уже упомянули въ своемъ мѣстѣ, — и что онъ видитъ особое указаніе Промысла Божія неуклонно продолжать переводъ Библіи въ томъ обстоятельствѣ, что во время ареста при томскомъ архіерейскомъ домѣ для выполненія столь пріятной для него эпитиміи онъ имѣлъ

въ своемъ распоряженіи и превосходную библіотеку, гдѣ неожиданно нашелъ всѣ необходимыя для перевода Библіи средства и пособія. Когда я вторично высказалъ о. Макарію мысль, что послѣ всего этого не остается ничего больше, какъ получивъ разрѣшеніе на предполагавшуюся имъ поѣздку въ Іерусалимъ, напечатать русскую Библію за-границей,—что легко осуществить съ помощію Англійскаго Библейскаго Общества, которое за неимѣніемъ хорошаго перевода русскаго довольствуется изданіемъ плохаго, хотя на заглавномъ листѣ и печатаетъ, что изданіе сдѣлано съ точнаго изданія *Россійскаго Библейскаго Общества*,— о. Макарій улыбнулся; но смолчалъ и замѣтилъ только, что вообще о занятіяхъ нашихъ не слѣдуетъ говорить постороннимъ. Въ тотъ же день, когда по прекращеніи занятій зашла рѣчь о молитвѣ, онъ подарилъ мнѣ книгу о „Молитвѣ“, изданную въ Одессѣ въ 1843 г., и сдѣвалъ собственноручно надпись: „достопочтеннѣйшему о Господѣ I. X. брату (имя, отечество и фамилія) въ знакъ искренняго почтенія и преданности. А. Макарій. 1844 г. сент. 19 дня“. Получалъ я отъ него и послѣ книги духовнаго содержанія: его „Лепту“, „Пѣснь о преподобномъ Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ“, которыя онъ и распѣвалъ своимъ тихимъ голосомъ въ нашемъ домѣ, аккомпанируя себѣ на фортепіано, другія книги на французскомъ языкѣ, подаренныя мнѣ по случаю разговора о „Leben Iesu“ Штрауса, но ни одна изъ нихъ не была такъ дорога мнѣ, какъ помянутая брошюра „о молитвѣ“, которую я получилъ впервые послѣ случившагося перваго и единственнаго впрочемъ недоразумѣнія между нами. Съ той поры я былъ осчастливленъ его постояннымъ расположеніемъ, да и мнительности осторожнаго митрополита Филарета былъ положенъ конецъ; мнѣ случалось и обѣдать у него, чтобъ не прерывать занятія съ о. Макаріемъ и даже ночевать у о. Макарія, когда приходилось засиживать далеко за полночь. Теперь обратимся къ образу жизни о. Макарія въ Болховской Оптиной пустынѣ.

По пріѣздѣ въ Болховъ и вступленіи въ новую должность свою, настоятель Оптина монастыря о. Макарій не покинулъ своей апостольской дѣятельности, и вмѣсто того чтобы воспользоваться отдыхомъ,—на что послѣ тринадцатилѣтнихъ апостольскихъ трудовъ и подвиговъ онъ имѣлъ и право,—онъ принялся,

и съ жаромъ ему всегда присущимъ, снова за проповѣдь. Да и какъ съ своимъ пылкимъ и энергичнымъ характеромъ могъ онъ устранить себя, хотя на время, отъ святаго дѣла, которому столько лѣтъ посвящалъ себя, когда немедленно по пріѣздѣ въ монастырь оправдалось мнѣніе о. Макарія, не разъ имъ высказанное, именно, что православные нуждаются въ проповѣди не меньше язычниковъ, магометанъ и евреевъ. Ту же мысль изложилъ ему впослѣдствіи и митрополитъ Филаретъ: „съ удовольствіемъ слышу, что вы въ мирѣ съ настоящимъ мѣстопребываніемъ. Посему надѣюсь, что оно будетъ и полезно. Не излишне быть миссіонеромъ и среди православныхъ. Отъ пославшаго благовѣствовать миръ и спасеніе, благословеніе и миръ вамъ да умножится“.

Какъ только узнали о пріѣздѣ новаго архимандрита, градскій голова съ служившими въ ратушѣ пошли по обыкновенію поздравить новопріѣзжаго и принять его благословеніе; причемъ, какъ водится, принесли съ собой сахару и чаю вмѣсто хлѣба и соли. О. Макарій принялъ ихъ конечно ласково, всѣхъ посадилъ, поговорилъ сначала о городѣ, о своей дорогѣ; а потомъ обратился къ градскому головѣ съ вопросомъ.

Мы позволимъ себѣ привесть весьма характерную сцену, записанную о. Остромысленскимъ со словъ ея свидѣтеля, Болховскаго купца Попова и напечатанную въ январской книжкѣ „Странника“ 1860 г.

— „Что жъ, у васъ въ Болховѣ всѣ православные знаютъ Сvмволъ вѣры„?

Голова молчитъ.

— „Онъ опять погромче спрашиваетъ: „знаютъ ли у васъ Сvмволъ вѣры?“

А градскій голова нашъ, признаться, человѣкъ простой, неученый, какъ и мы всѣ грѣшные. Онъ не понялъ что такое Сvмволъ вѣры и спросилъ: „что же это, батюшка? *Вѣрую*, что ли“?

— „Да, да. *Вѣрую въ единаго Бога*... или не слыхалъ словъ: *Сvмволъ вѣры*“?

— „Гдѣ намъ грѣшнымъ слышать? Покойный мой родитель отдалъ меня къ дьячку и заплатилъ ему за выучку два съ полтиной. Вотъ и вся моя наука“!

— „Ну, да знаешь ли самъ-то: *Вѣрую?*

— „*Вѣрую* не прочитаю, а *Вотчу* знаю“.

— „Какую *Вотчу?*

Какъ вскочитъ нашъ архимандритъ съ дивана!—„Какую, говоритъ, *Вотчу?* Что за Вотча? — Боже мой! сплеснулъ онъ руками, — до чего мы дожили! Градскій голова не знаетъ ни сумвола, ни молитвы Господней“! — Да какъ началъ насъ учить, началъ толковать. Мы стояли какъ вкопанные и не знали, что сказать. — „Нѣтъ, говоритъ, православные! У меня чтобъ всѣ вы знали сумволъ и молитву. Прошу объявить объ этомъ всѣмъ вашимъ гражданамъ. Пусть и сами приходятъ и дѣтей ко мнѣ присылаютъ. Буду самъ учить васъ“.

„Такъ насъ батюшка озадачилъ, продолжаетъ Поповъ, что мы не знали какъ подать ему свои гостинцы. Стоятъ они въ залѣ въ уголку, а мы и ни гу-гу про нихъ. Только ужь какъ стали выходить всѣ, такъ я остановился подлѣ кулечка и, указывая на него, говорю: „ваше высокопреподобіе! Простите насъ грѣшныхъ: у насъ такой ужь обычай — приносить хлѣбъ-соль новопріѣзжему своему архимандриту“.

— „Спасибо, говоритъ, спасибо за усердіе. Возьми, отнеси это монахамъ, они скушаютъ за ваше здоровье“.

„Такъ и ушли мы, продолжаетъ Поповъ, отъ него въ большомъ раздумьѣ о своемъ невѣжествѣ“.

На вопросъ о. Остромысленскаго: „послушались ли отца архимандрита? Объявили ли жителямъ его желаніе“? Поповъ отвѣчалъ: „какъ же, батюшка! Посмотрите-ка, что теперь у насъ въ монастырѣ! Въ немъ отъ утра до вечера толпится народъ: тотъ за совѣтомъ, тотъ за утѣшеніемъ, тотъ за наставленіемъ къ отцу архимандриту. И всѣхъ онъ, родимый, принимаетъ, со всѣми бесѣдуетъ, да какъ сладко, какъ умно бесѣдуетъ. Заслушаешься, батюшка! Это намъ отца роднаго послалъ Господь, а посмотрѣли бъ вы, сколько дѣтей вокругъ его! Сами бѣгутъ къ нему со всего города. И всѣхъ ихъ самъ учитъ: инымъ роздаетъ книжки, другимъ крестики даетъ, иныхъ становитъ на молитву и учитъ молиться, другихъ грамотѣ учить приказываетъ своимъ послушникамъ“.

Молва о прибытіи новаго настоятеля въ Болховскую пустынь распространилась быстро, потому что мало того что настоятель былъ новый и прибылъ изъ далека изъ Сибири, но что онъ

оказался настоятелемъ не заурляднымъ, недюжиннымъ, а отличался такими качествами, которыя для болховскихъ жителей были пріятными и желанными новшествами. Послѣ обѣдни выйдетъ бывало съ Евангеліемъ на амвонъ и просто и удобопонятно объяснитъ дневное евангельское или апостольское чтеніе, и чтобы слушатели лучше поняли и усвоили сказанное, нѣсколько разъ повторитъ одно и то же изреченіе Св. Писанія. Затѣмъ тутъ же обратится къ кому-нибудь: „понялъ ли ты, что говорилъ я? Скажи, не стыдясь, вслухъ всѣхъ насъ, что именно понялъ ты изъ евангельскаго ученію? Отвѣчающему помогаетъ высказаться, повторяетъ одно и тоже и потомъ переспрашиваетъ другихъ, пока не убѣдится, что его поняли. Замѣтивъ когонибудь, что стоитъ небрежно или оборачивается, глазѣетъ по сторонамъ или разговариваетъ, подзоветъ къ себѣ поближе и спроситъ: „а что сегодня слышалъ и узналъ ты въ Божіей церкви? Слышалъ ли ты, чему здѣсь училъ насъ сегодня Господь Іисусъ Христосъ въ святомъ своемъ Евангеліи“?—Не получивъ отвѣта, онъ обращается ко всѣмъ: „послушайте, други и братія! Стыдно намъ и преступно слушать безъ вниманія слово Божіе. Знаете ли, кто здѣсь предъ святымъ алтаремъ учитъ насъ грѣшныхъ? Это не мы, подобострастные вамъ и многогрѣшные проповѣдники. Нѣтъ! Насъ учитъ здѣсь самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. *Не нарицайтеся учители, единъ бо есть вашъ учитель Христосъ, вси же вы братія.* Какъ же смѣемъ мы не слушать самого Господа Спасителя нашего? Иногда случалось, что въ числѣ слушателей были и такія личности, которыя, явясь въ церковь изъ любопытства или отъ нечего дѣлать, относились къ нему холодно, равнодушно, а иногда и враждебно. Такъ одна женщина, стоя въ храмѣ прямо противъ о. Макарія, озиралась по сторонамъ, трясла головой точно съ досады. Замѣтивъ ея невниманіе и злое выраженіе лица, о. Макарій пересталъ поучать и подозвалъ женщину къ себѣ.—„Зачѣмъ же это вы“, сказалъ онъ ей „все ходите къ бабкамъ ворожиться? Зачѣмъ вы нейдете къ Господу Іисусу Христу и не просите Его, чтобы Онъ исцѣлилъ васъ“? „Наши къ нему не ходятъ“, дерзко отвѣтила женщина. „Да развѣ для тебя Іисусъ Христосъ ненуженъ“? спросилъ о. Макарій. — „Нѣтъ! мы его не требуемъ“, грубо отвѣтила женщина и съ этими словами упала и крича дикимъ

голосомъ стала биться объ полъ. О. Макарій благословилъ ее, сказавъ: „Господь Іисусъ Христосъ проститъ тебя, рабу Божію, и помилуетъ. Женщина стихла, а о. Макарій сталъ продолжать свою бесѣду съ народомъ.

Выходя изъ церкви, онъ приглашалъ къ себѣ въ келлію дѣтей и объявлялъ прочимъ, что всякій, кто пожелаетъ быть у него, можетъ приходить каждый день послѣ обѣдни во всякое время дня. Дѣтей разспрашивалъ у каждаго: „Знаешь ли ты какую-нибудь молитву? Какъ молишься Богу, умѣешь ли читать?“ Если оказывались знающіе молитву Господню и символъ вѣры, то заставлялъ всѣхъ пѣть и самъ пѣлъ вмѣстѣ; а знавшимъ молитвы нетвердо подсказывалъ. Дѣтей, которые охотно бѣгали къ нему, заставлялъ учить 50-й псаломъ, десять заповѣдей, девять изреченій евангельскихъ о блаженствахъ, Слава въ вышнихъ Богу и Тебе Бога хвалимъ. Для облегченія грамотнымъ затвердить и для чтенія, молитвы и изреченія Св. Писанія были написаны крупными буквами на картонахъ и развѣшаны по стѣнамъ. По временамъ онъ занимался съ дѣтьми по цѣлымъ днямъ. Разсказы о немъ и успѣхи дѣтей заставили и родителей являться къ нему за поученіемъ или за совѣтами. Когда желающихъ посѣтить его стало являться много, то о. Макарій сталъ дѣлить ихъ. Большинство оставалось въ залѣ и въ ожиданіи очереди слушало тамъ послушника, читавшаго Евангеліе порусски; меньшинство же приходили по нѣскольку человѣкъ и по очереди изъ залы въ гостинную, гдѣ и бесѣдовали съ о. Макаріемъ. По окончаніи собесѣдованія онъ остававшихся у него до конца заставлялъ пропѣть молитву Господню и Символъ вѣры и затѣмъ отпускалъ съ благословеніемъ.

Нерѣдко въ воскресенье и праздничные дни, выходя изъ церкви, онъ приглашалъ къ себѣ въ келлію какого-нибудь нищаго, увѣчнаго слѣпца и дряхлаго старца, сажалъ на переднее мѣсто, угощалъ чаемъ, предлагалъ ѣсть и служилъ нищему самъ. Да и любимымъ предметомъ его поученій была любовь къ бѣднымъ и увѣчнымъ. „Не забывайте“,—говаривалъ онъ часто, — „убогихъ и нищихъ нашихъ собратій, подавайте милостыню, кто сколько можетъ, и всегда и во всемъ прославляйте имя Іисуса Христа“.—И подавая милостыню, онъ всегда спрашивалъ: „А во чье имя, ради кого просишь милостыни?“ И когда получалъ въ

отвѣтъ: „ради Христа“,—то, подавая милостыню, говорилъ: „вотъ такъ-то, мой другъ, и всегда проси: прославляйте имя Господа нашего Іисуса Христа“. И самъ, подавая милостыню, постоянно говорилъ: „прими ради Христа“.

„Столько необыкновеннаго и столько поучительнаго наслышался я объ отцѣ Макаріѣ, что не повѣрилъ бы, еслибы впослѣдствіи не убѣдился во всемъ личнымъ опытомъ“, говоритъ о. Остромысленскій. „Съ незабвеннымъ батюшкой, отцемъ Макаріемъ я проводилъ цѣлыя ночи въ самой искренней, дружеской бесѣдѣ, когда пріѣзжалъ онъ въ Орелъ по дѣламъ монастырскимъ. Нельзя было не удивляться его любви къ слову Божію, его ревности къ духовному просвѣщенію. Бывало бьетъ уже далеко заполночь, жалко станетъ лишить его сна, встану и пожелаю ему покойнаго разсвѣта. — „Что вы?“ скажетъ. „Куда вы?“ и запоетъ: *И ночь не свѣтла невѣрнымъ, Христе: вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ...* Такъ и просидишь до свѣта. И знаете ли, о чемъ всего больше любилъ бесѣдовать отецъ Макарій? Зачѣмъ мы, духовные пастыри, такъ нерадимъ объ образованіи духовныхъ овецъ, отъ Бога намъ ввѣренныхъ? Зачѣмъ не сближаемся съ ними, какъ отцы съ дѣтьми, не входимъ къ нимъ въ домы для бесѣды, не учимъ ихъ на площадяхъ и улицахъ, на поляхъ и лугахъ? Зачѣмъ не растолкуемъ имъ даже молитвы Господней, не переведемъ для нихъ порусски слова Божіи? Глупое *вотчу* такъ больно отзывалось въ его памяти, что онъ съ сердечною скорбію повторялъ о насъ слова Христа Спасителя: *Горе вамъ, законникамъ, яко взясте ключь разумѣнія: сами не внидосте, и входящимъ возбраняете* (Лук. 11, 25)“.

„А еслибы вы посмотрѣли и послушали, какъ онъ принималъ себѣ приходящихъ и какъ бесѣдовалъ съ ними!“, продолжаетъ о. Остромысленскій. „Потому что, надо сказать вамъ, бывало, къ крайнему моему удивленію, какъ скоро узнаютъ въ Орлѣ, что пріѣхалъ о. Макарій, тотчасъ наполнится мой домъ и старцами и старицами и семинаристами и чиновниками. И какая сладостная рѣчь лилась изъ устъ его! Какая дивная прозорливость блистала въ очахъ его! Помню, какъ одинъ молодой человѣкъ, кончившій курсъ ученія въ высшемъ заведеніи, пришелъ къ о. Макарію для любопытства ли, или для совѣта о чемъ-ни-

будь. Благословивъ его, онъ устремилъ на него, молча, яркіе глаза свои, и послѣ долгаго *молчанія*, сталъ говорить, постепенно возвышая тонъ голоса: „А?... Что?... Понимаешь?“—Грозитъ на него пальцемъ. Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ. — „Понимаешь?“ — Тотъ зашевелилъ было губами и хотѣлъ что-то сказать, но залился слезами. О. Макарій перемѣнилъ тотчасъ грозный видъ на сострадательный и съ глубокимъ вздохомъ тихо сказалъ ему: „Не плачь, молись Господу Іисусу, вземшему грѣхи міра и на крестѣ пригвоздшему“. — Благословилъ его и отпустилъ съ миромъ“.

О. Остромысленскій, побывавшій по приглашенію о. Макарія у него въ монастырѣ, такъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ и все видѣнное и слышанное: „По небольшому крылечку взошелъ я въ переднюю комнату архимандритскаго дома. Изъ ней одна дверь налѣво, въ залу, была растворена настежъ. Вижу, вокругъ всей залы сидятъ старцы болховскіе въ глубокомъ молчаніи, а по срединѣ стоитъ аналогій, на которомъ лежитъ Новый Завѣтъ съ переводомъ порусски, и скромный послушникъ громко и ясно читаетъ Евангеліе на *русскомъ* языкѣ. Самаго архимандрита не было въ залѣ и дверь изъ залы въ гостинную была затворена. Не смѣя нарушить благоговѣйной тишины слушающихъ слово Божіе, я отворилъ другую дверь изъ передней и вощелъ въ довольно большую комнату. Въ ней никого не было, кромѣ какого-то живописца, который писалъ на картонахъ большими буквами изреченія библейскія и развѣшивалъ ихъ по стѣнамъ. Спрашиваю его: „Гдѣ архимандритъ?“ — „Вотъ, пожалуйте“, говоритъ, сюда“ и отворилъ мнѣ боковую изъ этой комнаты дверь. Здѣсь меня встрѣтилъ послушникъ о. Макарія и тотчасъ побѣжалъ доложить ему. Съ радушіемъ принялъ меня батюшка и провелъ чрезъ залу въ гостинную. Тамъ опять увидѣлъ я толпу гражданъ: какой-то слѣпой старецъ съ поводыремъ сидитъ на диванѣ, другіе стоятъ. Всѣмъ имъ приказалъ о. Макарій подойти ко мнѣ подъ благословеніе и потомъ, посадивъ меня на диванъ, сѣлъ самъ посреди комнаты въ кресло, и обращаясь ко мнѣ, началъ говорить: „вотъ, о. протоіерей, никакъ не выучу болховитянъ, не слушаютъ меня!“ — И обратившись къ одной женщинѣ, говоритъ: „ты почему не выучила молитву Господню?“ — Это было началомъ продолжительной его бесѣды

съ своими учениками и ученицами. Преназидательная и претрогательная бесѣда! Чрезъ нѣсколько времени потомъ изъ залы стали другъ за дружкой входить въ гостиную матери съ маленькими дѣтьми. Съ особенной лаской и кроткой улыбкой подзывалъ къ себѣ о. Макарій малыхъ дѣтокъ, и благословляя каждаго, спрашивалъ: „Знаешь ли ты молитву Господню? Знаешь ли *Вѣрую?* Прочитай мнѣ“. — А какъ скоро слышалъ умные отвѣты и замѣчалъ въ комъ особую охоту къ ученію, тотчасъ выносилъ изъ другой комнаты маленькія книжечки и раздавалъ ихъ маленькимъ ученикамъ своимъ. — „Приходи же“, говоритъ каждому, „ко мнѣ; да смотри же, приходи ко мнѣ почаще, я еще дамъ тебѣ книжечку“ [35]). Одна изъ матерей подвела къ нему маленькую свою дочку, и когда о. Макарій сталъ хвалить умную малютку ея, которая внятно и безъ ошибки прочитала и молитву Господню и символъ вѣры, мать ея стала говорить о. архимандриту: „она-то, батюшка, дѣвчонка хорошая, да я то вотъ, мать ея, великая грѣшница. Я такъ вчера разсердилась на нее, что сказала: „охъ, мору на тебя нѣту!“ — Услышавъ слова эти, о. Макарій такъ и вскочилъ съ своихъ креселъ. — „Какъ?“ закричалъ—„ты мать, да сказала на свое дитя: мору на тебя нѣтъ!“ „На наслѣдницу царствія Божія говоришь: мору на тебя нѣтъ!“ „Да я батюшка...“, хотѣла что-то сказать въ свое оправданіе.— „Да что мнѣ тамъ батюшка? Ты скажи, какъ смѣла дочери своей пожелать мору? Иди, молись Богу, молись Матери Божіей!“— Взялъ ее за руку и поставилъ на колѣни предъ иконою Богоматери. А самъ сталъ ходить по комнатѣ и громко учить предстоящихъ: „До чего мы доводимъ себя? До чего не удерживаемъ языка своего отъ зла? Материнскія уста изрекаютъ моръ на дитя свое!“—Остановившись потомъ, сказалъ женщинѣ: „Иди ко мнѣ“,—сталъ опять учить ее. А та захотѣла въ свое оправданіе сказать что-то: „вѣдь она... батюшка...“ — „Молчи, молчи!“ сказалъ.—„Да вѣдь она...“—„Говорю тебѣ, молчи!“—Зажалъ ей ротъ и сталъ учить. Но, какъ скоро отнималъ руку ото рта,

[35]) Такихъ маленькихъ книжечекъ было постоянно множество въ запасѣ у о. Макарія. Мнѣ приходилось и получать отъ него самого для раздачи. Продавались эти книжечки крайне дешево въ Москвѣ, на Никольской, въ существовавшей тамъ до перестройки зданій Синодальной конторы Сарептской лавкѣ.

женщина опять начинала жаловаться на дѣвочку. О. Макарій снова зажалъ ей ротъ и говорилъ: „Ну, что такъ-то бѣдному мужу дѣлать съ такой женою: не хочетъ слышать наставленій. Языкъ мой врагъ мой!...“ Долго говорилъ на эту тему и отнялъ руку ото рта. Женщина замолчала. Тогда и онъ замолчалъ и смотря на нее сострадательнымъ взглядомъ, перемѣнилъ тонъ рѣчи своей и сталъ говорить тихо: „вотъ, видишь ли, какъ ты поумнѣла, какъ поразумнѣй стала, когда замолчала!“—Женщина заплакала.—„Или не знаешь, что въ молчаньи и кротости весь умъ и красота женщины?“ — Долго училъ. Женщина упала ему въ ноги: онъ благословилъ ее и малютку, далъ и имъ книжку и отпустилъ. Такъ продолжалъ о. Макарій духовную бесѣду свою съ гражданами Болхова отъ 12 часовъ утра (какъ я пріѣхалъ) до 5-го часа. Повелъ потомъ всѣхъ въ комнату (гдѣ я видѣлъ живописца): пропѣли Вѣрую и молитву Господню,—и отпустилъ всѣхъ. Послѣ обѣда мы пошли было посмотрѣть монастырь, но только что вышли на крыльцо, какъ опять увидѣли толпу гражданъ обоего пола, съ духовными своими нуждами и просьбами пришедшихъ къ о. Макарію. Его снова на дворѣ монастырскомъ окружили алчущіе и жаждущіе слова Божія. Между тѣмъ зазвонили ко всенощной (это было наканунѣ Ольгина дня, іюля 11); и мы всѣ отправились въ церковь. Хотя монастырь Болховскій за городомъ, далеко за слободою; но во время всенощной церковь монастырская была наполнена молящимися. О. Макарій не пошелъ въ алтарь; а когда началась служба, онъ, остановившись посреди народа, постепенно переходилъ съ мѣста на мѣсто и тихо говорилъ что-то молившимся. Я не понималъ, чтобъ это значило? О чемъ онъ говоритъ имъ? Удивлялся только, что почти каждый богомолецъ, съ которымъ постоитъ онъ, точно какъ оживетъ, начнетъ пламеннѣй и усерднѣй, иной со слезами молиться Богу. Послѣ узналъ я отъ одного знакомаго, о чемъ говорилъ съ нимъ о. архимандритъ.—„Онъ подошелъ ко мнѣ“,—такъ разсказывалъ знакомый, — „и говоритъ: ну какъ ты молишься? Станемъ вмѣстѣ молиться. Говори за мной: *Отецъ Ты нашъ небесный!*“—Я сказалъ: *Отецъ Ты нашъ небесный!*“ „Нѣтъ, нѣтъ“,—говоритъ, — „ты усерднѣй, отъ души скажи“ и возвысилъ тонъ голоса: „*Отецъ Ты нашъ небесный!*“ — „Я повторилъ уже со вниманіемъ и съ чувствомъ“.—„Нѣтъ, нѣтъ“, говоритъ,

„ты еще поусерднѣй и покрѣпче скажи: *Отецъ Ты нашъ небесный!*“—Сердце забилось въ груди моей. Я самъ возвысилъ голосъ и изъ глубины души воззвалъ: *Отецъ Ты нашъ небесный!*“—„Ну, молись такъ, молись!“ И пошелъ къ другимъ“.—Боже мой!“ подумалъ я тогда — „какія духовныя сокровища въ обителяхъ Твоихъ!—А у насъ говорятъ: зачѣмъ это монастыри въ городахъ? Зачѣмъ такая трата на ихъ устройство и содержаніе? Да еслибы нашелся хоть одинъ такой неоцѣненный алмазъ, развѣ не стоилъ бы онъ того, чтобы ничего не щадить для его пріобрѣтенія? Желалъ бы я привести такихъ мыслителей въ Оптинъ Болховскій монастырь въ то̀ время, какъ настоятельствовалъ въ немъ о. Макарій. Я увѣренъ, что перестали бъ они называть наши обители притонами празднолюбія, а напротивъ отъ души сказали бы: это—убѣжища молитвы, труда и просвѣщенія! Это—духовныя кладязи утѣшеній, ученій, совѣтовъ. Это — пристанища обуреваемыхъ житейскими треволненіями, духовныя врачебницы для грѣшниковъ! — По крайней мѣрѣ, таково ихъ высокое назначеніе, ихъ главная цѣль“.

„Черезъ нѣсколько недѣль по пріѣздѣ о. Макарія въ Болховъ, — пишетъ другой очевидецъ В. Карповъ („Орлов. Епарх. Вѣд.“ 1 дек. 1862 г., № 23), — начала ходить по городу молва, что прибывшій въ нашъ монастырь архимандритъ—мужъ святой жизни, узнаетъ что у тебя на умѣ, щедро помогаетъ бѣднымъ, научаетъ всѣхъ приходящихъ къ нему уму-разуму и наставляетъ на путь спасенія. Само собой разумѣется, что всѣмъ слышавшимъ о немъ хотѣлось видѣть его, поговорить съ нимъ. Вотъ и начали толпы народа и ѣхать и идти къ нему въ каждое воскресенье и во всякій праздникъ. У него никому нѣтъ отказа, всѣхъ одинаково радушно принимаетъ, со всѣми ласково и нѣжно бесѣдуетъ и все объ одномъ — о божественномъ и о спасеніи души. Въ его кельѣ найдешь всякій Божій день, и старцевъ и старицъ, богатыхъ и бѣдныхъ, здоровыхъ мущинъ и калѣкъ, дѣвушекъ и матерей съ грудными дѣтьми, мальчиковъ и дѣвочекъ. Изъ нихъ однимъ, по возможности, онъ даетъ деньги, другимъ раздаетъ ленточки, крестики и образки, грамотнымъ—разныя духовныя книжки. Въ комъ изъ мальчиковъ замѣтитъ быстроту и способность къ ученію, того поручаетъ учить кому-либо изъ своихъ келейныхъ. А какъ бесѣдуетъ то онъ! Сладко,

трогательно, назидательно, — а главное, — просто, ясно и убѣдительно. Я самъ испыталъ всю сладость задушевно отеческой его бесѣды, когда въ первый разъ пріѣхалъ къ нему: кажется, и не вышелъ бы отъ него. Къ нему идешь чуть не святымъ и многознающимъ, а послушаешь его, такъ выйдешь съ глубокимъ сознаніемъ своего невѣжества въ дѣлѣ спасенія и съ смиреннымъ чувствомъ своей грѣховности"...

Услыхавъ все это отъ своего родственника, В. Карповъ самъ побывалъ въ монастырѣ и у о. Макарія. Мы приводимъ здѣсь это простое, написанное подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія и безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ описаніе г. Карпова:... „Когда мы подходили къ монастырской горѣ, начался благовѣстъ къ поздней обѣдни. Лишь вошли мы въ монастырскую ограду, зазвонили во всѣ колокола. Сотни богомольцевъ, ходившихъ по двору, сидѣвшихъ и лежавшихъ, поспѣшно устремились къ небольшему каменному зданію съ возгласами: „батюшка идетъ, батюшка идетъ!..." За толпою пошли и мы. Здѣсь я замѣтилъ, какъ между раздвигавшеюся толпою уже на полпути къ церкви, шелъ поспѣшными шагами сгорбившійся старецъ, въ ряскѣ чернаго сукна (съ откиднымъ воротникомъ), похожей на свитку; на головѣ у него черная шапочка, въ правой рукѣ держалъ онъ простой костыль, а подъ лѣвою мышкою виднѣлась какая-то книга: лица его я не могъ замѣтить въ это время, потому что онъ шелъ потупившись. Въ это время многіе изъ богомольцевъ кидались къ его ногамъ съ словами: „батюшка родимый, благослови!" А нѣкоторыя изъ женщинъ хватали полы его ряски и цѣловали ихъ. Словомъ—благоговѣніе народа къ этому старцу было велико. Находясь въ молитвенномъ углубленіи и спѣша въ храмъ Божій, казалось, онъ ни на что и ни на кого не обращалъ вниманія. Въ числѣ прочихъ, наконецъ, вошли и мы въ церковь и стали подлѣ клироса. О. архимандритъ стоялъ уже предъ мѣстною иконою Спасителя, съ открытою головою, безъ костыля, съ книгою подъ мышкою. Съ самаго начала обѣдни и до тѣхъ поръ, пока не былъ пропѣтъ причастный стихъ, онъ стоялъ полный богомыслія. Послѣ того, сдѣлавъ три поясныхъ поклона иконѣ, онъ взошелъ на амвонъ. Мгновенно вся масса народа сдвинулась съ мѣста, и стоявшіе впереди около амвона очутились около иконостаса, такъ что о. Макарій окружился

слушателями со всѣхъ сторонъ. Пока установлялась тишина, онъ пристально всматривался во всѣ стороны. Я ни на мгновеніе не спускалъ съ него своихъ глазъ. Онъ былъ на видъ около 60 лѣтъ, средняго росту, съ небольшою сутуловатостью, голова его украшена достаточною сѣдиною, волосы прядями лежали по его плечамъ; лицо его сухощавое, чистое и очень пріятное, окаймлено густою съ просѣдью бородою. Когда наступила совершенная тишина, онъ отдалъ имѣвшуюся въ его рукахъ книгу близь стоявшей дѣвицѣ, одѣтой съ ногъ до головы въ черное платье; потомъ изъ своего боковаго кармана досталъ футлярчикъ, вынулъ изъ него очки и отдалъ его другой точно такъ же одѣтой дѣвицѣ. Послѣ этого о. Макарій началъ тонкимъ, замирающимъ голосомъ произносить: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, кладя на себѣ медленно крестное знаменіе. Затѣмъ, взявъ обратно у дѣвицы книгу, и разгнувъ ее, прочиталъ: *Слышите, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгоняющія вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ*... Я поспѣшилъ занять мѣсто какъ можно ближе къ самому проповѣднику: и вотъ что услышалъ изъ предложеннаго имъ въ это время собесѣдованія, тщательно записаннаго мною по приходѣ домой.

... „А вы, небось, думаете, что незнать какое большое дѣлаете добро, если любите любящихъ васъ? Я же скажу вамъ, что въ такой вашей любви нѣтъ христіанскаго добра. Почему? А потому, что и язычники, не знающіе Іисуса Христа, дѣлаютъ тоже самое, т.-е. любятъ тѣхъ, которые и ихъ любятъ. Да что я говорю, что такая любовь — языческая любовь? Нѣтъ, такая любовь есть и у всѣхъ животныхъ безсловесныхъ. Развѣ вы сами не видали или не слыхали, что овца любитъ своего ягненка, корова—теленка, волчица—волченка, львица—львенка? Да, всякое животное любитъ свое дитя, а дѣти — свою мать. Нѣтъ, православные! Мы вѣруемъ въ Іисуса Христа, мы христіане, а потому и любовь наша ко всѣмъ безъ разбору людямъ должна быть христіанскою, евангельскою, Божьею. Вы спросите меня: какая же это любовь такая? А вотъ та самая, о которой на-

писано въ этой книгѣ (о. Макарій указалъ при этомъ на имѣвшуюся у него книгу),—въ Евангеліи Господа нашего Іисуса Христа, и о которой вы слышали давича. То-есть, если вы будете всѣмъ сердцемъ любить своихъ враговъ, благословлять проклинающихъ васъ, дѣлать по возможности добро тѣмъ, которые ненавидятъ васъ, и если вы будете молиться за обижающихъ и гонящихъ васъ,—ну, вотъ такая-то ваша любовь и будетъ любовію Христовою. Вы, пожалуй, скажете: да какъ же это можно полюбить своего врага, да еще отъ всего сердца? Нѣтъ, это выше нашихъ силъ".—„Да я вамъ не говорю, что можно это сдѣлать заразъ, легко и скоро, и не увѣряю васъ, что вы можете это сдѣлать одними своими силами. Для этого надо призвать въ свое сердце, на помощь себѣ, благодать Св. Духа. Что же намъ нужно сдѣлать, чтобы благодать Св. Духа вошла въ наше сердце и и помогла намъ полюбить своего врага? Вотъ что: утромъ или вечеромъ, словомъ—когда тебѣ свободнѣе, гдѣ удобнѣе, стань наединѣ на колѣни предъ образомъ Спасителя твоего, или Его Матери, или какого-либо угодника Божія, и помолись, да подольше и потеплѣе помолись, говоря: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, умершій за насъ грѣшныхъ на крестѣ, помоги мнѣ Твоею благодатію полюбить мнѣ моего врага (Ивана или Семена), да и его сердце расположи ко мнѣ! Помолись часъ, другой и третій, помолись день, другой и третій, помолись полгода, помолись годъ, и когда выйдетъ годовщина, именемъ Божіимъ увѣряю въ томъ, что Духъ Святый сойдетъ на тебя и расположитъ тебя къ твоему врагу, а его—къ тебѣ. При томъ, молясь о немъ, ты не будь невнимателенъ къ нему. Идешь ты, положимъ, по улицѣ и встрѣтишься съ врагомъ своимъ, — ты возьми, да поскорѣй, скинь передъ нимъ свою шапку и, поклонясь ему пониже, скажи: Здраствуй Иванъ Ивановичъ! (тутъ о. Макарій сдѣлалъ своею рукою, какъ бы дѣйствительно снималъ съ своей головы шапку и низко поклонился)! Остановись, поведи съ нимъ рѣчь; а если тебѣ свободно, то и позови его къ себѣ, хоть на чай. Пойдетъ—значитъ, что онъ желаетъ съ тобой помириться; иначе онъ не только не пошелъ бы къ тебѣ, но и не заговорилъ бы съ тобою. Дома же постарайся его угостить любовно, и разстанься съ нимъ мирно, не на однихъ словахъ, но и въ сердцѣ. Положимъ, что тебѣ сразу не удалось этого сдѣлать,—не отчаявайся, а повто-

ряй это всякій разъ, какъ случиться тебѣ сойтись съ нимъ. Такимъ образомъ поступая, ужъ непремѣнно расположишь его къ себѣ и помиришься съ нимъ. Вѣдь если ты будешь отвращаться отъ своего врага, избѣгать его, злиться на него и ненавидѣть его: то знай, что напрасно ты молишься, напрасно ходишь въ церковь, ставишь предъ иконами свѣчи, напрасно говѣешь и пріобщаешься св. Таинъ, потому что Господь не услышитъ твоей молитвы, не приметъ никакой твоей жертвы, не пошлетъ Своего благословенія на домъ твой, и самое принятіе Тѣла и Крови Его послужитъ тебѣ въ судъ и осужденіе. А если, чего Боже сохрани и помилуй! — ты умрешь, не помирившись съ твоимъ врагомъ, съ чувствами ненависти и злобы къ нему: то лучше бы тебѣ не родиться на свѣтъ Божій, не увидать тебѣ царствія Божія. Аминь". Окончивъ слово, и взявъ отъ дѣвушки свой футлярчикъ, онъ пошелъ въ алтарь. Во все время этого собесѣдованія, о. архимандритъ то и дѣло зажмуривался. Когда же ему нужно было отдохнуть, или что называется перевесть духъ; тогда онъ подносилъ къ своимъ глазамъ очки, которыя держалъ онъ въ лѣвой рукѣ, и присматривался пристально вдаль церкви черезъ народъ, или осматривался во всѣ стороны. Глубоко было вниманіе народа и сильно западало въ его душу слово испытаннаго проповѣдника; я долго потомъ не могъ придти въ себя отъ сердечнаго умиленія. У многихъ слушателей видны были на глазахъ слезы, а нѣкоторыя изъ женщинъ плакали вслухъ".

„По окончаніи обѣдни о. архимандритъ вышелъ изъ алтаря царскими вратами съ нѣсколькими сослужителями въ облаченіяхъ и, ставъ передъ аналоемъ, началъ служить акаѳистъ Божіей Матери. Передать всѣ чувства умиленія и восторга сердечнаго, наполнявшія душу при слушаніи чтенія о. Макаріемъ акаѳиста, нѣтъ никакой возможности. Господь, по милосердію Своему, даетъ грѣшнымъ намъ, черезъ вѣрныхъ своихъ служителей, предвкушать, хоть на мгновеніе, небесную сладость и неземной восторгъ молитвы. Эти минуты въ моей жизни навсегда останутся незабвенны. Окончивъ акаѳистъ и разоблачась, о. архимандритъ вышелъ изъ алтаря и прямо пошелъ, между раздавшимся народомъ, къ иконѣ Тихвинской Божіей Матери. Подойдя къ лику Царицы Небесной, онъ сомкнулъ глаза и, простоявъ такъ около

двухъ минутъ, приложился къ рукѣ Ея. Послѣ того, простоявъ опять такъ же и столько же около иконы, онъ пошелъ изъ церкви Въ ту жъ минуту всѣ устремились къ нему за благословеніемъ, которое онъ началъ раздавать на пути до самой своей кельи... Когда мы вошли въ первую довольно просторную комнату о. архимандрита, прежде всего поразило меня то, что около аналойчика, стоящаго противъ иконостаса, приставленнаго съ правой стороны со входа къ стѣнѣ,—болѣе десяти мальчиковъ пѣли громкими и пріятными голосами стихи изъ „Блаженствъ". Въ это время я успѣлъ осмотрѣть эту комнату. По бѣлымъ стѣнамъ ея развѣшаны были разной величины картоны, исписанные разными библейскими изреченіями, преимущественно взятыми изъ священныхъ книгъ: Премудрости Соломона и Іисуса сына Сирахова; десять тоже заповѣдей Моисея красовались на огромномъ картонѣ съ буквами болѣе нежели съ вершокъ. Онѣ первыя должны были бросаться въ глаза каждому входившему въ эту комнату. Между этими картонами, кой-гдѣ, помѣщались съ священными изображеніями небольшія картинки (значитъ съ полвѣка тому назадъ о. Макарій ввелъ у себя наглядное обученіе, появившееся у насъ лишь только недавно). Вся эта комната была наполнена разными посѣтителями-богомольцами: тутъ были и дѣвицы въ черномъ одѣяніи, подпѣвавшія своими голосами пѣвшимъ мальчикамъ; многіе во время этого пѣнія молились на колѣняхъ. Не дождавъ конца пѣнія, мы вошли въ залъ, сосѣдній съ этой комнатой. Здѣсь тоже сидѣли и стояли посѣтители, но самаго о. Макарія не было. Келейникъ нѣкоторымъ изъ нихъ подносилъ чай. На вопросъ нашъ: „гдѣ же о. архимандритъ"? Келейникъ отвѣчалъ: „въ своей комнаткѣ, занятъ чѣмъ-то нужнымъ; онъ скоро выйдетъ — присядьте". Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ залъ о. архимандритъ. Увидавъ мою Болховскую родственницу, онъ поспѣшно подошелъ къ ней съ восклицаніемъ: а, а, а, А. С! Вотъ это хорошо, что пожаловали. Принявъ благословеніе, она отрекомендовала ему меня. Благословляя меня, онъ, что называется, впился въ меня своимъ испытующимъ и проникающимъ взглядомъ, отъ котораго вся моя душа пришла въ необъяснимый для меня трепетъ. Когда онъ, указывая на мѣсто, просилъ насъ садиться, родственница моя, благодаря его за честь, объяснила ему причину, по которой мы

не можемъ, къ несчастію, воспользовался радушіемъ его (предъ этимъ временемъ у жены моей сильно разболѣлась голова). „Ну, такъ съ Богомъ! Въ другой разъ приходите попить чайку и побесѣдовать“. Произнося это, онъ началъ напутствовать насъ благословеніемъ. Когда мы проходили переднюю, мальчики уже пѣли: *Помяни насъ Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.* Помолясь иконамъ, мы вышли. Во всю дорогу я былъ занятъ мыслію о слышанномъ и видѣнномъ. Да, о. Макарій великъ по облагодатствованному уму и святости жизни. Его слово и жизнь невольно располагаютъ каждаго, видѣвшаго и слышавшаго его, полюбить отъ всей души благочестіе: его келья — истинно христіанское училище для посѣтителей. Да и мудрымъ сего міра было чему поучиться у него“.

О неустанной благотворной дѣятельности о. Макарія до конца его жизни свидѣтельствуютъ видѣвшіе его въ Болховской Оптиной пустыни. Баккалавръ казанскій академикъ, іеромонахъ Паисій Пылаевъ пишетъ къ Иннокентію, архіепископу херсонскому [36]): „здѣсь въ близь лежащемъ Тихвинскомъ [37]) монастырѣ Богъ привелъ меня въ простой день выслушать слово настоятеля здѣшняго монастыря, исполненное силы и жизни. Это нѣкто о. Макарій, прежде бывшій миссіонеръ. Онъ импровизировалъ изъ текста: *творите молитвы, моленія и прошенія за царя и за вся человѣки, иже во власти суть*, и тѣмъ напомнилъ мнѣ сладостный долгъ вспомнить и о васъ предъ Царемъ царей! О. Макарій говоритъ такъ ежедневно и владѣетъ удивительнымъ искусствомъ передавать самыя высокія истины простымъ и об-

---

[36]) «Православн. Собесѣдникъ» 1885, февраль.

[37]) Болховскій монастырь, гдѣ настоятельствовалъ о. Макарій, называется Тихвинскимъ, потому что въ монастырѣ обрѣтается чудотворная Тихвинская икона Божіей Матери. Ежегодно, въ день явленія иконы, 26-го іюня, стекается туда множество богомольцевъ. О происхожденіи иконы свѣдѣній нѣтъ, а о самомъ монастырѣ упоминается въ лѣтописяхъ въ первый разъ въ 1613 г., по случаю разрушенія его литовцами. Монастырь возобновленъ въ 1620 году; а соборная церковь построена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его первой супругой, царицей Маріей Ильиничной, для поминовенія ея родственниковъ князей Милославскихъ, въ монастырѣ похороненныхъ. Въ записяхъ значатся пожертвованія и отъ Іоанна и Петра Алексѣевичей 300 руб. и отъ императрицы Елисаветы Петровны 2000 руб.

щепонятнымъ словомъ. На него смотрятъ какъ на святаго. Онъ привлекъ къ себѣ всю окрестность своими бесѣдами: говорилъ въ простой день, а церковь полна была народу. Между прочимъ въ бесѣдѣ со мной жалѣлъ о томъ, что между пастырями въ настоящее время нѣтъ общенія, какое было въ первобытной церкви. По его словамъ, тогда каждый бы могъ дѣлиться своею опытностью съ другими, и жизнь шла бы полнѣе и обширнѣе. Жаловался, что не позволяютъ переводить Библію. Мысль Духа Божія тогда для всѣхъ была бы доступнѣе".

„Немного, всего около пяти лѣтъ [38]) настоятельствовалъ здѣсь о. Макарій, но и въ это короткое время онъ успѣлъ заслужить извѣстность во всей епархіи своею просвѣщенною пастырскою опытностію и истинно-христіанскою жизнію („Орлов. Епарх. Вѣдомости" 1875 г., сентябрь, № 17). Никогда еще богомольцы не стремились въ такомъ множествѣ въ Болховскій монастырь, какъ это было при архимандритѣ Макаріѣ. Кромѣ святыни самого монастыря, сюда привлекало многихъ желаніе видѣть о. Макарія, принять отъ него благословеніе, получить мудрый совѣтъ или утѣшеніе въ скорби, и особенно послушать его проповѣдническаго слова, которымъ онъ то потрясалъ душу грѣшника до глубокаго раскаянія, то возгрѣвалъ въ ожесточенномъ сердцѣ сладкую божественную любовь, то возжигалъ въ отчаянномъ лучъ надежды. Рѣдкое слово его не отдавалось въ слушателяхъ слезами умиленія и неудержимымъ вздохомъ (намъ неразъ приходилось слышать отзывы тѣхъ, которые издалека приходили въ Болховскій монастырь и имѣли случай назидаться пастырскимъ его словомъ. По ихъ признанію, это слово было такъ живо и дѣйственно, что и по прошествіи десятковъ лѣтъ они всецѣло проникаются чувствами проповѣдника и какъ бы слышатъ его предъ собою). Велико было вліяніе незабвеннаго. старца Божія на жителей города. Въ то время въ Болховѣ существовалъ еще грубый обычай, по которому дѣвушки, до своего замужства, считали за стыдъ ходить въ церковь [39]). Вмѣсто того,

---

[38]) О. Макарій скончался 19-го мая 1847 г. слѣдовательно настоятельствовалъ всего около трехъ лѣтъ.

[39]) Обычай этотъ существуетъ и теперь въ разныхъ мѣстностяхъ Костромской губерніи и перенятъ, вѣроятно, также какъ и въ Калужской губерніи, у раскольниковъ.

чтобы идти въ храмъ, онѣ выносили предъ ворота скамьи и садились въ полномъ порядкѣ, тутъ же являлись молодые люди и „невѣстились“. Такими скамьями во время всенощнаго богослуженія уставлялись всѣ улицы города. Архимандритъ Макарій съ посохомъ въ рукѣ обходилъ въ это время улицы города и своими убѣжденіями, а также и пастырскими поученіями съ церковной каѳедры, успѣлъ искоренить этотъ обычай“.

Его вліяніе было сильно и не на одинъ только простой народъ. Вліянію его подчинялись и богатые, и не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Въ Болховѣ было одно семейство, которое отдало свой домъ богатой купчихѣ въ залогъ, для обезпеченія занятой у нея суммы въ 800 рублей. Не имѣя чѣмъ уплатить долга, несчастное семейство должно было лишиться послѣдняго имущества, потому что кредиторша не соглашалась простить долга. О. Макарій пригласилъ обѣ стороны, успѣлъ умиротворить и разжалобить кридиторшу такъ, что она простила долгъ и уничтожила закладную.

Приведемъ еще одинъ замѣчательный случай, описанный въ „Страннпкѣ“ за 1860 г. въ январьской и апрѣльской книжкахъ и двумя различными лицами: въ январьской — о. Остромысленскимъ, въ апрѣльской — А. Струдзой. Такъ какъ оба разсказа въ существенномъ совершенно сходны, то мы и приведемъ случай этотъ только въ главныхъ чертахъ, оставя подробности въ сторонѣ. Почти за годъ до кончины своей о. Макарій собрался въ Москву, куда онъ ѣздилъ нерѣдко и гдѣ гащивалъ, какъ мы уже знаемъ, у митрополита Филарета, останавливаясь въ его покояхъ у Троицы въ Троицкомъ. Каждый разъ, когда о. Макарій уѣзжалъ изъ Болхова, цѣлая толпа народа сбиралась провожать его; а передъ этой послѣдней поѣздкой его пронесся слухъ, что онъ уѣзжаетъ совсѣмъ и больше не вернется. Народу собралось множество. Въ минуту отъѣзда, незнакомка пожилыхъ лѣтъ, пробившись сквозь толпу, бросилась ему въ ноги, умоляя его исповѣдать ее. Какъ ни извинялся о. Макарій близостью отъѣзда и невозможностью совершить таинство исповѣди иначе какъ по церковному чиноположенію — въ епитрахили, передъ крестомъ,—какъ ни совѣтовалъ ей обратиться къ иному духовнику, женщина продолжала плакать и неотступно молить его. Тогда онъ предложилъ ей исповѣдаться всенародно, чтобы всѣ и помо-

лились за нее, по слову Божію: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваши и молитеся другъ за друга.* „Соблазна-то отъ моего грѣха никому не будетъ, да какъ-то стыдно, батюшка, признаться предъ всѣми“. „А если соблазна не будетъ, но только стыдъ одинъ мѣшаетъ тебѣ выбросить змѣю изъ-за пазухи, значитъ—ты не боишься этой змѣи и, ты не боишься прятать и грѣть ее! Чего стыдишься“? Женщина согласилась и разсказала, что въ молодые годы, служа въ частномъ домѣ, и пользуясь полнымъ довѣріемъ хозяевъ, украла жемчужину отличной величины тотчасъ послѣ смерти хозяина и скрыла преступленіе отъ всѣхъ домашнихъ его. „Возврати украденное“, сказалъ о. Макарій, „безъ того покаяніе твое будетъ неполное“. „Некому отдать“, отвѣчала женщина, наслѣдники и всѣ родственники умершаго примерли, жемчужину я продала и деньги прожила.“ „Отдай Господу и нищимъ Его.“ „Я и сама стала нищая на старости лѣтъ. Попуталъ меня грѣхъ, и съ тѣхъ поръ мнѣ нѣтъ покоя“. „Станьте же всѣ на колѣни“, сказалъ о. Макарій, и сталъ тихо молиться. А потомъ сказалъ женщинѣ: „проси милостыню; а что собирешь, все отдай бѣднымъ ради своей души, пока не раздашь всѣ деньги, какія выручила ты за проданную жемчужину“. Женщина стояла на колѣняхъ, лицомъ припадая къ землѣ. „Встань, дочь моя, да обойди всѣхъ братій и сестеръ, которые насъ обступаютъ: они помогутъ тебѣ“. Когда женщина собрала тутъ же нѣсколько денегъ, о. Макарій велѣлъ ей все раздать слѣпцамъ, которые стояли съ сумками. Потомъ сказалъ ей, чтобъ она приходила въ церковь къ нему, конечно по его возвращеніи изъ Москвы, „и когда будешь говѣть, я еще поговорю съ тобой“, прибавилъ онъ. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Москву, сопровождаемый толпой народа, которая кричала ему: не покидай насъ, батюшка! Воротись къ намъ, родимый!

Продолжая заниматься съ о. Макаріемъ по временамъ и во время пріѣздовъ его въ Москву, мнѣ пришлось сослужить ему еще одну службу и въ его послѣдній пріѣздъ. О. Макарій давно изъявлялъ желаніе познакомиться поближе и побесѣдовать съ римско-католическимъ аббатомъ и съ лютеранскимъ пасторомъ. Съ французскимъ аббатомъ Отранъ познакомилъ о. Макарія одинъ изъ его иновѣрныхъ почитателей и слушателей, и извѣстный въ Москвѣ своею благотворительностью докторъ Газъ, основатель по-

лицейской больницы, которая и теперь еще въ народѣ носитъ названіе Газовой. Съ лютеранскимъ пасторомъ Дитрихъ свести о. Макарія пришлось мнѣ. Въ то время это было не особенно легко, потому что въ Остзейскомъ краѣ были стремленія къ переходу въ православіе, противъ чего враждовали бароны и особенно пасторы, которые никогда не отличались, да и теперь не отличаются толерантностью. Мы не безъ намѣренія употребили ихъ любимое слово противъ насъ православныхъ. Дѣдъ мой по матери принадлежалъ къ остзейскому рыцарству, держащемуся, какъ извѣстно, исключительно лютеранскаго исповѣданія. Мать моя, оставаясь и по выходѣ за моего отца, православнаго русскаго помѣщика, лютеранкой, была прихожанкой церкви св. Михаила въ нѣмецкой слободѣ. Въ Москвѣ и въ то время были уже два лютеранскихъ молитвенныхъ дома или двѣ кирки (Kirche), какъ они тогда назывались. Къ первой старинной, св. Михаила, принадлежало все высшее общество нѣмецкой колоніи съ престарѣлымъ коммендантомъ Стаалемъ во главѣ, бароны Врангель, Соммаруга и друг., нѣкоторые сенаторы и самые старые, издавна поселившіеся въ Москвѣ дома нѣмецкаго купечества: Розенштраухъ и друг., и вообще всѣ вѣрные старымъ преданіямъ евангелико-лютеранскаго исповѣданія (Altglaubige). Пасторы церкви св. Михаила отличались строгой благочестивой жизнью: Kartenspiel и Tanzgesellschaft въ ихъ семейномъ быту не допускались. Къ другой новой—свв. апостоловъ Петра и Павла на Маросейкѣ принадлежали почти всѣ вновь прибывавшіе члены нѣмецкой колоніи. Здѣсь уже допускались нѣкоторыя новшества и вѣянія Тюбингенской школы. Это были уже Neuglaubige, которые первыхъ величали піетистами, гернгутерами. О. Макарій пожелалъ повидаться съ пасторомъ церкви св. Михаила, съ которымъ я былъ знакомъ, также какъ и моя мать. Предупредивъ пастора и заручившись его согласіемъ, я извѣстилъ о. Макарія. Въ условленный день онъ пріѣхалъ къ намъ подъ вечеръ и въ ожиданіи назначеннаго для свиданія часа провелъ у насъ время въ бесѣдѣ съ нами, пѣлъ гимны и самъ акомпанировалъ себѣ на фортепіано. Мы поѣхали къ пастору, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Предосторожность эта была необходима для обоихъ въ то время. Мы уже упомянули о волненіяхъ въ Остзейскомъ краѣ. Свиданіе и бесѣда отличались чисто христіанскимъ характеромъ.

Хотя о. Макарій и хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, но объясняться на немъ бѣгло за недостаткомъ практики и привычки не могъ, а пасторъ по русски говорилъ совсѣмъ плохо. Бесѣда, длившаяся почти до полуночи, велася на латинскомъ языкѣ, на которомъ оба объяснялись не только безъ малѣйшаго затрудненія, но также бойко какъ на живомъ языкѣ. Оба относились другъ къ другу съ видимымъ и понятнымъ уваженіемъ; и хотя убѣжденія и мнѣнія ихъ очевидно не во всемъ были сходны конечно; но при разставаніи архимандритъ и пасторъ обнялись и поцѣловались въ исто-христіанскомъ духѣ. О. Макарій былъ повидимому доволенъ этимъ свиданіемъ, и когда мы возвращались отъ пастора, настроеніе духа о. Макарія приняло оттѣнокъ восторжественности. Чудная ли теплая, совершеннолѣтняя, звѣздная ночь, не совсѣмъ обычная для конца августа, мысли ли, высказанныя пасторомъ и во многомъ и главномъ сходившіяся съ православными вѣрованіями (нѣмцы, зараженные тюбингенской школой, не даромъ обзывали этого пастора піетистомъ, ортодоксомъ), или то и другое вмѣстѣ имѣли воздѣйствіе на о. Макарія. Онъ сталъ поэтизировать и между прочимъ сказалъ: отчего бы не построить въ Москвѣ такого храма, въ которомъ бы, какъ въ Іерусалимскомъ, совершалось въ трехъ придѣлахъ священнодѣйствіе трехъ главныхъ христіанскихъ исповѣданій: православнаго, римско-католическаго и лютеранскаго? Такая братская вѣротерпимость скорѣе и надежнѣе словопреній послужила бы къ общему христіанскому единенію.

Въ послѣдній пріѣздъ о. Макарія въ Москву онъ почему-то остановился не у митрополита Филарета, а у г. Попова. Въ „Чтеніяхъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія“ 1872, VI, стр. 106, есть письмо митрополита Филарета къ о. Макарію, которое наводитъ на мысль, что между ними было въ то время что-то не совсѣмъ ладно. Митрополитъ Филаретъ, всегда радушно приглашавшій о. Макарія къ себѣ, на этотъ разъ отказалъ ему въ гостепріимствѣ, хотя и пригласилъ въ тоже время посѣщать его. Случилась ли какая-либо размолвка между ними, или митрополитъ Филаретъ, оберегая себя, сталъ уже очень остороженъ въ отношеніяхъ своихъ къ о. Макарію, —допытаться трудно, особенно теперь по прошествіи почти полувѣка. Въ то время это не казалось страннымъ, потому что тогда очень многіе изъ москвичей же-

лали и искали имѣть гостемъ о. Макарія. Вотъ это письмо: „Преподобнѣйшій отецъ архимандритъ! Прошу прощенія въ молчаніи: но лучше ли молчанія будетъ и слово? Хозяинъ Троицкаго подворья очень радъ, какъ всегда, вашему посѣщенію и вашей бесѣдѣ; но подворье не очень желаетъ послужить вашему жительству, потому что хочетъ болѣе прежняго беречь немощь своего хозяина, при расположеніи комнатъ, неудачномъ для расположенія жительствъ. Вы, кажется, и кроете отъ меня, что проситесь въ Іерусалимъ: но я много разъ о семъ слышу, и хотя однажды скажу, что, кажется, подвигъ вашъ совершенъ прежде, когда вы просили о семъ начальство и при его молчаніи на просьбу, хорошо было бы воспользоваться случаемъ къ упражненію въ отреченіи отъ своей воли. Не гнѣвайтесь на меня и приходите бесѣдовать со мной, какъ прежде, въ любви и искренности, съ которыми пребываю и надѣюсь пребыть вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ московскій. Москва, августа 9-го 1846“. Какъ-то странно звучитъ тонъ этого письма. Митрополитъ Филаретъ и прежде не разъ, какъ мы знаемъ, высказывалъ свое недовольство о. Макарію по разнымъ поводамъ, но никогда не отказывалъ ему въ гостепріимствѣ и напротивъ постоянно приглашалъ его къ себѣ на подворье и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Изъ письма (стр. 98), приведеннаго нами уже прежде, видно, что митрополитъ Филаретъ какъ-будто былъ и недоволенъ, что о. Макарій обратился къ кн. А. Н. Голицыну, прося найти квартиру и пищу за обученіе дѣтей, а не прямо къ митрополиту Филарету; а теперь онъ положительно отказываетъ въ помѣщеніи у себя и приглашаетъ только приходить бесѣдовать. Расположеніе комнатъ на Троицкомъ подворьѣ оставалось тоже, и присутствіе о. Макарія не могло сдѣлаться вдругъ почему-то стѣснительнымъ. О. Макарій помѣщался въ комнатѣ, сосѣдней съ столовой; но комната о. Макарія сообщалась съ отдѣльнымъ совершенно подъѣздомъ, и присутствіе о. Макарія, такъ часто останавливавшагося тамъ, никакъ не могло вдругъ произвесть стѣсненіе. Ясно, что тутъ крылась какая-либо другая причина. Не была ли поводомъ къ этому предпринятая о. Макаріемъ поѣздка въ Іерусалимъ? Не опасался ли митрополитъ нѣкоторой доли отвѣтственности въ томъ случаѣ, если о. Макарій, не скрывавшій желанія остаться

до конца дней своихъ въ Іерусалимѣ, вздумаетъ заграницей отдать въ печать свой переводъ Библіи? Не потому ли митрополитъ и намекалъ въ приведенномъ выше письмѣ о предполагавшейся поѣздкѣ о. Макарія въ Іерусалимъ?

По возвращеніи въ Болховъ изъ своей послѣдней поѣздки въ Москву, о. Макарій продолжалъ проводить дни въ бесѣдахъ съ посѣщавшими его, а ночи въ пересмотрѣ своего перевода Библіи и въ перепискѣ съ разными лицами. Спалъ онъ очень мало, да и то на диванѣ или кровати безъ подушки; изголовьемъ ему служила ручка дивана или стѣнка кровати; спалъ онъ почти не раздѣваясь. Кромѣ книгъ и тетрадокъ, чернилъ и пера у него ничего не было и послѣ него не осталось. „Да и на что монаху имущество? говаривалъ онъ: ему не нужно ни шкатулокъ, ни кошельковъ: бѣдные и убогіе — вотъ его шкатулки! Что въ нихъ положишь, того не украдутъ воры; то отопрутъ только на томъ свѣтѣ“. Послѣ него осталось только одно сокровище, да и то мало оцѣненное, — сокровище, которое онъ неустанно и терпѣливо копилъ и оберегалъ въ теченіи половины своей жизни, выжидая удобнаго времени подѣлиться этимъ сокровищемъ со всѣми жаждущими его. Это сокровище — плодъ его удивительно настойчиваго, не смотря на всѣ препятствія, непріятности и огорченія, труда — русскій переводъ Библіи. При жизни онъ успѣлъ имъ подѣлиться только съ немногими, да и то въ рукописяхъ. Въ печати его переводъ Библіи появился уже лѣтъ черезъ двѣнадцать послѣ его смерти. Богъ знаетъ, когда мы увидимъ въ печати этотъ замѣчательный трудъ отдѣльной книгой. Мы не считаемъ себя вправѣ входить въ оцѣнку его перевода, но не можемъ не замѣтить, что намъ кажется страннымъ, особенно въ наше время, что одной изъ причинъ непоявленія въ печати его перевода Библіи можетъ-быть несогласность перевода, и то мѣстами, съ текстомъ 70 толковниковъ и общеупотребительнаго церковно-славянскаго. Противъ несоотвѣтственности перевода о. Макарія съ означенными текстами возставалъ самъ покойный митрополитъ Филаретъ только по отношенію къ употребленію въ церкви, а не въ отношеніи вѣрности перевода съ подлиннымъ текстомъ еврейской Библіи. О. Макарій былъ отличный знатокъ еврейскаго языка, его уличить и въ малѣйшей невѣрности перевода было трудно, или и вовсе невозможно. Мысль,

которую лелѣялъ о. Макарій относительно предполагавшейся имъ поѣздки въ Палестину, гдѣ онъ надѣялся окончательно просмотрѣть свой переводъ, а можетъ-быть даже напечатать его, тоже не осуществилась. Передъ самымъ отъѣздомъ, когда уже все было готово и всѣ сборы въ путь были окончены, онъ захворалъ и отошелъ другимъ, неземнымъ путемъ, опочивъ 18 мая 1847 года. Замѣчательна была и кончина этого истиннаго подвижника русской церкви. Очевидцы его кончины разсказывали, что незадолго до его болѣзни одинъ юродивый, часто приходившій къ нему, въ отвѣтъ на слова о. Макарія: „какъ бы мнѣ хотѣлось умереть въ Іерусалимѣ“! отвѣтилъ: „я знаю одинъ островъ, тамъ Тихвинская Божія Матерь: вотъ тамъ-то хорошо тебѣ, отецъ Макарій“. Болховскій монастырь, называющійся и Тихвинскимъ, какъ было объяснено выше, расположенъ точно на островѣ, стоя на мѣстѣ, омываемомъ съ одной стороны рѣкой, а съ другихъ—глубокими оврагами, промываемыми водой. О. Вербицкій приписываетъ слова юродиваго тому же М. А. Атласу, который, какъ мы знаемъ, подалъ совѣтъ о. Макарію идти на проповѣдь въ Сибирь. По письмамъ о. Макарія (ч. I, стр. 221) М. А. Атласъ часто навѣщалъ его и въ Оптиной пустынѣ, гдѣ и скончался въ одной изъ комнатъ о. Макарія и похороненъ имъ въ томъ же монастырѣ, но задолго до болѣзни о. Макарія.

Болѣзнь о. Макарія, подверженнаго съ малолѣтства грудному катарру, началась воспаленіемъ легкихъ, печени и желудка и перешла въ состояніе тифозное. Не смотря на врачебныя пособія, въ которыхъ небыло недостатка благодаря усиліямъ врачей,—митрополитъ Филаретъ прислалъ даже изъ Москвы своего,—болѣзнь быстро развилась при крайнемъ истощеніи силъ отъ неутомимыхъ трудовъ и при полномъ небреженіи о своемъ здоровьѣ о. Макарія. Постоянно крѣпкій и терпѣливый, онъ съ удивительнымъ смиреніемъ выносилъ жестокія страданія. Утративъ силу голоса еще въ отрочествѣ послѣ болѣзни, онъ всегда говорилъ довольно тихо, а во время болѣзни съ трудомъ можно было разобрать слова, которыя онъ произносилъ. Въ чертахъ его лица высказывалось благоговѣйное настроеніе. Послѣ его кончины въ бумагахъ его нашлось написанное имъ когда-то карандашемъ четверостишіе, что̀ подало поводъ нѣкоторымъ свидѣтелямъ его кончины думать, что онъ написалъ это наканунѣ

смерти, но оно было написано прежде, да и до того ли ему было, когда онъ едва могъ руки поднять.

Мой Богъ, мой Царь-Отецъ! Спаситель дорогой,
Пришелъ желанный день! Паду передъ Тобой!
Еще я на землѣ! Но духъ Тобой трепещетъ!
Зрю! Свѣтитъ горній лучь! Заря безсмертья блещетъ!

Когда къ нему въ келію принесли Св. дары, онъ просилъ приподнять его и сталъ на колѣни. Полагая на себѣ крестное знаменіе, онъ три раза медленно, тихо, благоговѣйно преклонилъ голову къ землѣ. Потомъ просилъ поднять его, сѣлъ въ кресло и потребовалъ полотенце и воды. Омывши лице, взялъ требникъ и прочитавъ молитвы въ благодатномъ настроеніи, пріобщился Св. Таинъ. Когда онъ опять прилегъ въ постель, то лежалъ все время молча и неподвижно, точно готовясь предстать предъ Господомъ. Еще будучи на Алтаѣ, говаривалъ онъ: „прійдетъ время, когда и меня позоветъ къ себѣ Господь: Макарій! — я, Господи!—Иди сюда! И стряхнетъ гнилую плоть мою“.—Кончины его ожидали ежеминутно. Вдругъ онъ быстро поднялся и сказалъ: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“! склонилъ голову. Его бросились поддержать, положили на подушку, и онъ тихо отошелъ.

Когда тѣло покойнаго понадобилось положить на столъ, то не нашлось у него и другой простыни, кромѣ одной толстой, узенькой и коротенькой. Одѣли его въ старое платье, потому что лучшаго и не было, епитрахиль положили тоже старую и даже ветхую, ту самую, которую онъ когда то получилъ отъ своего духовнаго отца, старца Ливерія, отъ котораго принялъ и постриженіе. Гробъ по завѣщанію о. Макарія былъ приготовленъ для него необитый и некрашеный. Похоронили его въ монастырскомъ соборномъ храмѣ, на правой сторонѣ трапезы, въ склепѣ, приготовленномъ бывшимъ настоятелемъ монастыря архимандритомъ Иринеемъ. Во время болѣзни покойнаго о. Макарія кто-то заботливо спросилъ его: не угодно-ли ему будетъ, чтобы тѣло его было погребено въ этой пещерѣ? На что онъ отвѣчалъ, что ему все равно, и лишь выразилъ желаніе казначею монастыря и заповѣдалъ, чтобы гробъ его ничѣмъ не украшать, а только написать крестъ и слова Спасителя: *Азъ есмь воскрешеніе*

и животъ: вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ. И всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки. Хоронилъ его преосвященный Смарагдъ, бывшій въ то время орловскимъ архіепископомъ: онъ пріѣхалъ нарочно въ Болховъ, чтобы почтить память великаго старца. Подошедши къ покойному, архіепископъ Смарагдъ поклонился до земли три раза, совершилъ погребеніе и предъ выносомъ изъ церкви, внесъ тѣло святыми царскими вратами въ олтарь, обнесъ его вокругъ престола и вынесъ его въ царскія врата; по выносѣ же изъ церкви, обнесъ его кругомъ церкви и потомъ уже опустилъ въ гробницу, для упокоенія его приготовленную.

Впослѣдствіи чтители памяти о. Макарія распространили трапезу соборной церкви и устроили, согласно содержанію означенныхъ текстовъ, два придѣла: одинъ на правой сторонѣ— Воскресенія Христова, гдѣ подъ самымъ престоломъ находится гробъ о. Макарія, и другой — на лѣвой сторонѣ — Воскресенія праведнаго Лазаря, къ которому и отнесены въ Евангеліи вышеприведенныя слова Спасителя. Благоговѣющіе къ памяти о. Макарія заходятъ послѣ церковной службы въ пещеру на мѣсто его упокоенія, гдѣ и служатъ панихиды.

Почти полвѣка прошло съ того дня, какъ отошелъ въ вѣчность о. Макарій; но живы еще дѣла его, также какъ и память о немъ; живы и сѣмена посѣянныя имъ, они возрасли и дали богатую жатву, особенно на Алтаѣ. Тамъ и до сей поры въ устроенной имъ алтайской миссіи свято хранятся и соблюдаются его наставленія и совѣты. Когда въ 1880 г. алтайская духовная миссія праздновала свой пятидесятилѣтній юбилей, то празднество это состояло изъ богослуженій въ Бійскѣ, Маймѣ и Улалѣ, гдѣ о. Макарій началъ свою дѣятельность. Начальникъ алтайской миссіи, преосвященный Владиміръ, епископъ бійскій, возстановляя въ памяти дѣла о. Макарія, въ глубоко прочувствованныхъ словахъ высказалъ дань уваженія къ его просвѣтительной апостольской дѣятельности. Прочитавъ описаніе этого юбилея въ № 5 „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ (1881), невольно приходишь къ заключенію, что все торжество алтайской миссіи состояло исключительно въ чествованіи памяти ея основателя. „О. Макарій“, говорилъ преосвященный Владиміръ, „пятьдесятъ лѣтъ назадъ принесъ сюда съ собою ту *благую*

вѣсть, которую до него не слыхали въ этихъ мѣстахъ, населенныхъ, до прибытія о. Макарія, почти одними идолопоклонниками. „Здѣсь“, сказалъ владыка, „первую свою горячую молитву вознесъ о. Макарій за нихъ, дабы Господь просвѣтилъ ихъ, находившихся во тьмѣ языческой, свѣтомъ Своего ученія: здѣсь канула за нихъ первая слеза о. Макарія: здѣсь взлетѣлъ его первый вздохъ... Здѣсь посѣяно о. Макаріемъ то первое сѣмя, которое въ продолженіи пятидесяти лѣтъ выросло въ то огромное дерево и съ такими обильными плодами, которые видны каждому воочію“.—Плоды, дѣйствительно, были на лицо: почти всѣ молящіеся, которыхъ была полна церковь—дѣти и внуки крещеныхъ о. Макаріемъ; некрещеныхъ же нѣтъ ни одного не только въ Маймѣ, но и далеко за предѣлами ея. Въ заключеніе архипастырь напомнилъ молящимся объ обязанности ихъ молиться о душѣ незабвеннаго о. Макарія не только теперь, но и всегда до конца жизни своей; и чтобы молитву о немъ вмѣнили въ обязанность и дѣтямъ своимъ, такъ чтобы молитвенная память объ о. Макаріѣ передавалась изъ рода въ родъ. — „Блаженной памяти о. Макарій“, сказалъ владыка, „былъ образецъ высокаго нравственнаго совершенства. Онъ былъ человѣкъ крѣпкой вѣры, непоколебимой надежды и всегда пламенѣвшей любви къ Господу Іисусу: отъ того-то всѣ дѣла и дѣянія его были во всемъ согласны съ велѣніемъ небеснаго Учителя. Ученіе Христово было въ духѣ о. Макарія, а ученіе о. Макарія было въ духѣ Христовомъ. Помолимся же Господу Богу, да проститъ Онъ Всемилосердный наши согрѣшенія, если мы не дѣлали и не учили вполнѣ такъ, какъ дѣлалъ и училъ о. Макарія, и на наступающее другое пятидесятилѣтіе, Онъ, Всепремудрый, своею благодатію умудрилъ бы насъ во спасеніе наше собственное и тѣхъ братій, для спасенія которыхъ мы Имъ приставлены“.

Исходя изъ той мысли, что какъ истинный Богъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ сошелъ на землю въ уничиженномъ состояніи, претерпѣлъ ужаснѣйшія страданія и поноснѣйшую смерть *изъ-за любви* къ намъ, сотвореннымъ по образу и по подобію Божію, но поправшимъ и обезобразившимъ въ себѣ образъ Божій; сошелъ для того, чтобы обновить и украсить его въ насъ, сошелъ—„*да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный*: *такъ и о. Макарій*, сказалъ владыка, *изъ-за любви* къ

людямъ, коснѣвшимъ здѣсь во мракѣ языческомъ, слѣдовательно погибавшимъ, пришелъ сюда со свѣточемъ Евангелія, дабы разогнать эту тьму; пришелъ проповѣдать Бога истиннаго, пославшаго Единороднаго Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа, *да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный*". При этомъ владыка присовокупилъ, что любовь о. Макарія сдѣлала то, что отъ того дня, какъ 50 лѣтъ назадъ крестилъ о. Макарій перваго алтайца, нынѣ считаютъ тысячи вѣрующихъ въ Іисуса Христа и едиными съ нами усты и единѣмъ сердцемъ славящихъ и воспѣвающихъ пречестное и великолѣпное имя Бога Отца и Сына и Святаго Духа, что тѣ изъ умершихъ алтайцевъ, которые съ вѣрою въ Іисуса Христа, предъ смертію своею въ таинствѣ покаянія достойно очистили себя отъ грѣховъ и неосужденно причастились св. Таинъ Христовыхх,—не погибли, но имутъ животъ вѣчный. Любовь о. Макарія къ здѣшнимъ людямъ сдѣлала то, что къ концу 50-лѣтія миссія имѣетъ у себя до 14-ти миссіонеровъ, изъ разныхъ сторонъ Россіи сюда прибывшихъ: что вмѣсто одного маленькаго и убогаго молитвеннаго дома, нынѣ по всему Алтаю разрослось много храмовъ Божіихъ, просторныхъ и очень приличныхъ съ нерѣдко сіяющими на нихъ золочеными крестами, такъ что рѣдко найдется такая рѣчка, по которой бы не было, если не церкви или часовни, то по крайней мѣрѣ креста. На многіе еще плоды указывалъ архипастырь-проповѣдникъ,—плоды выросшіе изъ того сѣмени, которое посѣяно любовію о. Макарія.

И оправдались слова, высказанныя о. Макаріемъ полвѣка назадъ въ приведенномъ выше мнѣніи его о миссіонерской дѣятельности: „Всевышній благословитъ сіи труды его, только онъ долженъ предварительно согласиться на то, чтобы плоды благословенія Божія явились, если такъ Богу угодно, уже по смерти его, чтобы другой собралъ тамъ жатву, гдѣ онъ сѣетъ, чтобы сѣющему и жнущему вмѣстѣ радоваться въ небесномъ царствіи, потому что и тотъ и другой едино въ Господѣ".

Духовная миссія на Алтаѣ основана 55 лѣтъ тому назадъ, и съ того времени сослужила большую и важную службу распространенію христіанства и грамотности между инородцами Сибири на алтайскихъ горахъ и смежныхъ съ ними мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время считается населенія болѣе 35,000; за время

существованія алтайской миссіи обращены въ христіанство до 18.000 человѣкъ, устроены 39 церквей и молитвенныхъ домовъ, пріютъ, больница и до 20 школъ, въ которыхъ въ 1884 году учащихся было 587 человѣкъ: изъ нихъ русскихъ было 176 и инородцевъ 421. Дѣятельность миссіонеровъ въ послѣдніе годы была также благотворна какъ и прежде: въ 1884 году обращено въ христіанство 1.043 человѣка, а въ 1885 году—728 и „оглашался проповѣдью христіанскою, какъ говоритъ отчетъ миссіи, едва ли не всякъ слухъ языческаго Алтая“ [40]).

При глубоко искреннемъ христіанскомъ смиреніи своемъ, о. Макарій не придавалъ никакой цѣны своей многотрудной и многоплодной дѣятельности и не любилъ говорить о ней. Онъ боялся извѣстности, пугался славы отъ людей. Замѣтя разъ въ одномъ изъ своихъ приближенныхъ поползновеніе написать его біографію, о. Макарій разсердился, изорвалъ написанное и подвергъ автора наказанію. Не это ли обстоятельство служитъ причиной тому, что записки А. А. Орлова до сихъ поръ не напечатаны? Крайне жаль, повторимъ мы, что ни автобіографія о. Макарія, написанная имъ еще вдобавокъ какъ исповѣдь, ни записка А. А. Орлова. безотлучнаго спутника о. Макарія, не предаются гласности.

О. Макарій, какъ замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ личность, принадлежитъ уже исторіи и долженъ занимать мѣсто въ исторіи нашей отечественной церкви. Было бы очень печально, если два такихъ важныхъ свидѣтельства о дѣятельности его утратились на всегда. Нельзя не отдать чести прозорливости покойнаго митрополита Филарета, который ознакомясь съ нимъ еще какъ своимъ ученикомъ, понявъ и оцѣнивъ его, въ теченіе всей жизни хранилъ къ нему чувство глубокой привязанности, никогда не покидалъ его своимъ покровительствомъ, постоянно охранялъ, ограждалъ и выручалъ его. Когда митрополитъ узналъ о тяжкой и опасной болѣзни о. Макарія, то послалъ къ нему изъ Москвы въ Болховъ, за 300 слишкомъ верстъ, своего домашняго врача. Узнавъ, что Дмитріеву-Мамонову, котораго о. Макарій изъ отъявленнаго поклонника Гегеля обратилъ въ

---

[40]) «Моск. Вѣдомости» 1886 г. № 178.

православнаго христіанина, удалось украдкой изъ-за спины лицъ, окружавшихъ о. Макарія въ гостинной одного дома, гдѣ часто сбирались его слушать, довольно удачно начертить карандашемъ портретъ о. Макарія, митрополитъ Филаретъ пожелалъ пріобрѣсть оттискъ этого портрета, и получивъ его, велѣлъ вставить въ рамку и повѣсить у себя въ келліи (Письма митрополита Филарета къ нам. Св. Тр. Сер. л. арх. Антонію, ч. 2, стр. 330). Закончимъ нашъ посильный трудъ, приведя мысли и ощущенія изъ высказанныхъ нѣкогда П. Бакуниной, послѣ знакомства съ о. Макаріемъ:

«Я видѣла сего ученика Христова,
Ученика вполнѣ дѣлами и душой...
Какъ безмятеженъ взоръ, какъ тихо, кротко слово,
И какъ онъ полонъ весь надеждою святой,
Довѣрія къ Творцу и къ людямъ снисхожденья,
И чувства братскаго евангельской любви!
Какъ мало онъ цѣнилъ всѣ подвиги свои!
Какая простота и скромность обхожденья!
О, пріими, Творецъ, души благодаренье
Что видѣла его, что слышать я могла,
И сердцемъ понимать слова его святыя!
Священной радостью душа моя свѣтла.

1886 г.